

Всѣ права сохранены за
авторомъ.

Alle Rechte vorbehalten.

3

10000
Tartu Ülikooli
Raamatukogu

117490

Типографія „Vārds“, Рига,
Бл. Плавучая ул. № 24.

Библиотека Юрьевского
Русского Благотвор. Общества

№ 10005

Обращайтесь бережно съ книгами

Таинственная Амазонка

Курортный романъ.

На лѣтней верандѣ Яхть-клуба было шумно и оживленно.

Въ этотъ предвечерній часъ, истомленные дневнымъ зноемъ обыватели, вырвавшись изъ каменныхъ объятий суетливаго города, спѣшили насладиться, послѣ душныхъ конторъ и пыльныхъ прилавковъ, свѣжимъ рѣчнымъ просторомъ и хоть немного отдохнуть на лонѣ чахлай Манчжурской природы.

Тихо катила свои желтыя волны широкая и многоводная рѣка, сплошь усыянная лодками катающихся; замерли у береговъ темныя очертанія паразитовъ и шаланды, а вдали, проэктируясь на сѣро-синей дали, высился длинный ж. д. мостъ съ крѣпостцами-башнями по концамъ.

Послѣ затянувагося поздняго обѣда, мы съ прѣхавшимъ изъ Шанхая пріятелемъ, наблюдая спѣшившую на пляжъ публику, засидѣлись за кофе.

И въ этотъ жаркій лѣтній вечеръ на чужбинѣ, невольно вспомнились наши родные кавказскіе курорты, и разговоръ перешель на старыя, давно прошедшія курортныя приключенія нашей молодости.

Вспоминая свои юные офицерскіе годы, мы не замѣтили, какъ освободившійся не въ далекомъ столикъ опять кто то занялъ, и только когда бой, ловко балансируя полнымъ подносомъ, проскользнулъ около насъ мы, наконецъ, обратили вниманіе на эту странную пару.

А парочка невольно бросилась въ глаза.

Она — блещущая здоровьемъ и свѣжестью очаровательная молодая женщина—являлась такимъ рѣзкимъ контрастомъ своему кавалеру—маленькому, преждевременно состарившемуся горбуну, что мы прервали нашъ разговоръ и стали съ интересомъ наблюдать за нашими сосѣдями.

Но видимо дамѣ не понравились эти любопытные взгляды: она нахмурилась и, переставивъ стулъ, демонстративно пересѣла къ намъ спиною.

Нашъ, опять завязавшійся разговоръ, невольно перешелъ на аномалію подобныхъ браковъ и сожителствъ, а мой пріятель, подъ вліяніемъ этой встрѣчи, рассказалъ мнѣ свое давнишнее приключеніе, случившееся съ ними на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, въ которомъ ему судьбою было уготовано войти короткимъ эпизодомъ въ жизнь одной, похожей на эту, пары.

— Это случилось со мною на Кавказѣ, не долго до Великой войны, — началъ свой рассказъ мой пріятель.

— Мы, — цѣлая компанія молодежи, проводившей сезонъ въ Кисловодскѣ, были заинтригованы появленіемъ элегантно, очень хорошенькой амазонки, ежедневно проѣзжавшей часовъ около шести вечера по Тополевой аллеѣ*).

— Мы давно знали всѣхъ курортныхъ дамъ, посвящающихъ досугъ самому рискованному флирту, знали цѣлую серію томныхъ барышень, пріѣхавшихъ сюда въ погонѣ за выгодной партіей со всѣхъ концовъ необъятной Россіи, — но эту красивую наѣздницу видѣли впервые.

Обмѣнялись мнѣніями, и тутъ выяснилось, что никто изъ насъ не видѣлъ этой дамы ни на музыкѣ въ паркѣ, гдѣ собирались всѣ курсовые, ни въ курзалѣ, въ которомъ богатая пріѣзжая публика обычно заканчивала свой „лечебный“ день.

Любопытство наше было задѣто.

Каждому изъ насъ, уже успѣвшихъ пройти циклъ

---

*; Примѣчаніе: Знаменитая Тополевая аллея въ Кисловодскѣ, помнившая времена Лермонтова, въ настоящее время большевиками вырублена.

флирта съ курортными дамами, захотѣлось познакомиться съ очаровательной незнакомкою; кромѣ того амазонка эта — отличная наѣздница—особенно заинтересовала меня, какъ любителя благороднаго конскаго спорта: она была такъ не похожа на нашихъ курсовыхъ „зонтагсрейтершъ“, носившихся по улицамъ Кисловодска на дрянныхъ безногихъ клячахъ, отдаваемыхъ на прокатъ.

Въ ней все, начиная отъ великолѣпнаго сшитаго костюма для верховой ѣзды и кончая манерою ѣздить, говорило о стилѣ и школѣ.

А статный, кровный, видимо отлично выѣзженный конь подъ нею, со вкусомъ посѣдланый англійскимъ сѣдломъ, свободно могъ бы украситъ собою любую гвардейскую часть.

Мое кавалерійское сердце было окончательно покороено!

Вопросъ о знакомствѣ съ заинтриговавшей насъ незнакомкою былъ рѣшенъ, но хотя рѣшеніе это было принято in cogroge, я все таки думалъ дѣйствовать самостоятельно на свой рискъ и страхъ... Обычно мы, послѣ веселаго обѣда въ курзалѣ, всей компаніей отправлялись въ паркъ, чтобы поболтать за чашкою кофе у Колодяжнаго (Колодяжный — кафэ—кондитерская въ паркѣ) до начала вечерней музыки.

Но на слѣдующій день, когда мы рѣшили провести наше намѣреніе въ исполненіе, компанія разстроилась и, пообѣдавъ вмѣстѣ, всѣ подъ разными предлогами разошлись, чтобы въ интересовавшемъ насъ знакомствѣ занять выгодное положеніе и явиться во всеоружіи своихъ талантовъ.

Сандро Талаевъ, очень красивый брюнетъ, сынъ нефтепромышленника изъ Баку, скоро появился около парка вновь.

Одѣтый въ бѣлую черкеску и такую же папаху, затянутый въ рюмочку, онъ на горячемъ кабардинцѣ вертѣлся по Тополевой аллеѣ, показывая свое джигитское искусство

Сандро (въ прошломъ такъ и неодолевшій за 4 года пребыванія въ немъ премудрости наукъ кав-

лерійскаго училища) любилъ порисоваться на конѣ, любилъ позу и вообще считалъ себя неотразимымъ.

Гри-Гри Картавецъ, ничего не дѣлающей молодой человѣкъ изъ Петербурга, прозванный нами „душкостатскій“, почему то одѣлся въ англійскій спортивный костюмъ и, захвативъ съ собою фотографическій аппаратъ, занялъ выжидательный постъ вначалѣ аллеи.

Самый юный членъ нашей компаніи, Дима Еремѣевъ, купеческій сынокъ изъ Москвы, мечтавшій, вопреки волѣ отца, одѣтъ съ осени голубую венгерку Сумскаго гусара, нанялъ шикарную тройку и гремя бубенцами, носился взадъ и впередъ по Тополевой аллеѣ.

Дима еще во время обѣда просилъ насъ, вслучаѣ знакомства, не называть его при дамѣ ни „штыкъ-юнкеромъ“, ни „сугубымъ“—кличками, данными нами ему за упорное желаніе поступить вольно-опредѣляющимся въ гусары.

Послѣ обѣда я прошелъ въ паркъ, гдѣ засталъ только двухъ братьевъ Кроунъ, „тонныхъ“ штабныхъ офицеровъ изъ Петербурга.

Это были наиболѣе сдержанный элементъ нашей веселой компаніи. Напускная чопорность не позволяла имъ принять слишкомъ активное участіе въ затѣваемой забавѣ.

„Братья-разбойники“, какъ мы ихъ называли въ шутку, и я, представлявшіе изъ себя, такъ сказать, военную часть нашей компаніи, рѣшили объединиться и дѣйствовать сообща.

Наскоро выпивъ чай въ кондитерской, мы отправились на Тополевую аллею, чтобы со стороны пока понаблюдать за происходящимъ.

Прошло болѣе часа, Наконецъ, въ седьмомъ часу появилась наша незнакомка.

Больше похожая на хорошенькаго мальчишку, чѣмъ на даму, верхомъ на золотисто-гнѣдомъ красавцѣ-конѣ, она, наслаждаясь прогулкою, медленно

проѣхала мимо Нарзанной галлерей и свернула къ Тополевой аллеѣ.

Сзади нея, по тротуару спѣшилъ запыхавшійся Гри Гри, всѣмъ своимъ существомъ выражавшій дикій восторгъ.

Когда же всадница показалась въ началѣ бульвара, изъ-за высокихъ, столѣтнихъ тополей карьеромъ вылетѣлъ Сандро на своемъ кабардинцѣ и, осадивъ со всего хода коня, поднялъ его на дыбы!

Онъ былъ очень эффектенъ и я увѣренъ, что ни одно женское сердце забилося бы при видѣ такого красиваго джигита!

Но увы, наѣздница не обратила на него вниманія и, неторопливо успокоивъ загорячившуюся было лошадь, спокойно продолжала прогулку.

Въ этотъ моментъ навстрѣчу ей, подымая пыль, бѣшеннымъ ходомъ понеслась тройка.

Дима, небрежно развалиясь, сидѣлъ въ экипажѣ и безцеремонно разсматривалъ красивую амазонку.

Ей вновь пришлось успокаивать свою лошадь и она, окинувъ недовольнымъ взглядомъ пріостановившуюся тройку Димы, переѣхала на другую сторону аллеи.

Мы успѣли почти догнать ее, какъ изъ-за кіоска появился Гри-Гри и выйдя почти на середину аллеи, наставилъ свой кодакъ на приближающуюся амазонку.

Одинъ моментъ молодая женщина какъ будто растерялась, но въ ту же минуту съ недовольной гримаской она мягко подняла лошадь въ галопъ и, постепенно усиливъ ходъ, скрылась изъ вида!

Мы, посрамленные, остались на мѣстѣ...

Скоро, на взмыленномъ конѣ, вернулся и Сандро, было бросившійся догонять находчивую даму.

Собрались вмѣстѣ и рѣшили сѣсть на тройку Димы, чтобы ѣхать за интересовавшей насъ амазонкой.

Присоединившійся къ намъ всевѣдущій Гри-Гри сообщилъ, что онъ уже вчера прослѣдилъ ее, и знаетъ обычный путь ея прогулки.

Компанія усѣлась и съ шутками, смѣясь, отправилась продолжать свою забаву.

Я отъ преслѣдованія отказался.

Вечеромъ, / когда мы встрѣтились въ курзалѣ, пріятели не могли похвастаться успѣхомъ нашей затѣи.

Какъ оказалось, они настигли молодую женщину за станціей по дорогѣ къ „Замку Коварства и Любви“ (загородная мѣстность—любимое мѣсто прогулокъ и пикниковъ курортной публики). Она, увидѣвъ назойливыхъ преслѣдователей, развила такой пейсъ галопа, что тройка начала отставать.

Сандро верхомъ пытался догнать ее, но когда амазонка, свернувъ съ дороги, легко, съ хода прыгнула широкую канаву и поскакала полемъ, разсерженный кавказецъ, назвавъ ее шайтаномъ (шайтанъ по татарски—чертъ), прекратилъ преслѣдованіе.

Неудача этого дня еще больше подзадорили компанію и на завтра рѣшено было дѣйствовать общими силами.

Къ сожалѣнію, мнѣ пришлось отказаться отъ участія въ предполагаемой борьбѣ, такъ какъ обстоятельства требовали моей поѣздки въ Пятигорскъ, гдѣ на кругу работались мои скаковые лошади.

Я нашелъ лошадей въ полномъ порядкѣ, одна лишь „Янина“, Яновская кобыла (Яновъ—государственный конскій заводъ въ Польшѣ, производившій высококровныхъ верховыхъ лошадей), отлично ходившая по барьернымъ и стипль-чэзнымъ скачкамъ, чуть жаловалась на старый брокъ (брокъ или брокдаунъ—растяженіе сухожилій),

Я приказалъ ее снять съ тренинга и отправить въ Кисловодскъ для моихъ прогулокъ верхомъ.

Съ удовольствіемъ окунулся я въ ипподромную жизнь и только черезъ недѣлю, набравшись силъ, вернулся обратно.

Компанію я нашелъ пирующей въ курзалѣ.

Послѣ бурнаго выраженія восторга по поводу моего возвращенія, они, перебивая другъ друга, сообщили мнѣ, что опять потерпѣли полную неудачу: незнакомка, словно нарочно дразня ихъ, сперва уходила отъ тройки по дорогѣ, но когда они стали ее настигать, свернула въ поле и полнымъ ходомъ ушла отъ нихъ.

Зная, что моя рѣзвая „Янина“ уже пришла изъ Пятигорска и успѣла отдохнуть, я предложилъ (каюсь,

не безъ задней мысли) сдѣлать завтра послѣднюю попытку догнать верхомъ неуловимую наѣздницу и, пользуясь свободой курортныхъ нравовъ, познакомиться съ нею.

Такъ и сдѣлали. На слѣдующій день, часамъ къ шести, компанія была въ сборѣ.

Кавалькада получилась довольно красочная: Сандро въ своей неизмѣнной бѣлой черкескѣ на пляшущемъ подъ нимъ кабардинцѣ; „братья-разбойники“, натянуто сидѣвшіе на почти одинаковъхъ, нарядныхъ, но увы, опредѣленно упряжного сорта лошадяхъ; Дима въ поддевкѣ на маленькомъ иноходцѣ, вдребезги обиженный на насъ за то, что мы не разрѣшили ему самозванно одѣть еще въ Москвѣ сшитую имъ форму гусарскаго юнкера.

Что же касается Гри-Гри, то онъ предпочелъ спокойное мѣсто въ фазтонѣ тройки, общая, вслучаѣ удачнаго знакомства, проѣхать впередъ и заказать въ загородномъ ресторанѣ, „потрясывающей“ ужинъ къ нашему приѣзду.

Ждать нашего непріятеля, какъ мы говорили, пришлось недолго. Послышался ритмическій стукъ копытъ хорошо выѣзженной лошади, и стройный силуэтъ амазонки промелькнулъ мимо насъ.

Мы выѣхали изъ засады и тронулись за нею.

Увидя насъ, она сразу перешла въ галопъ; пошли и мы галопомъ... Она легко перескочила на поворотѣ черезъ дорожную канаву и пошла полемъ; за нею понеслись и мы...

Съ широкаго хода она вскочила въ неглубокую, но быструю рѣчушку и очень эффектнымъ прыжкомъ поднялась на противоположный берегъ.

Компанія растянулась: впереди всѣхъ за нею, съ трудомъ сдерживаемая, выносила меня „Янина“, за мною, поощряемый плетью, неся кабардинецъ Сандро, а сзади, тяжело дыша, подъ хлыстомъ и шпорами поспѣвали лошади братьевъ.

Остальные отстали еще на дорогѣ...

Такъ прошли поле, преодолѣли небольшой

подъемъ и уткнулись въ высокую стѣнку изъ дикаго камня, отдѣляющую чьи то владѣнія отъ сосѣдей.

Лихая наѣздница въ махъ, не сбавляя хода, взяла это серьезное препятствіе; за нею, получивъ пару острыхъ шпоръ, въ обрѣзъ прыгнула было замяшшаяся „Янина“...

Сандро, немилосердно хлеща своего кабардинца, прыгнулъ свѣчкою; посыпались камни и обернувшись, я увидѣлъ, что лошадь падаетъ со всадникомъ черезъ голову.

Нѣсколько въ сторонѣ братья тщетно шпорили своихъ закидывающихся коней...

Мы остались вдвоемъ съ амазонкою, одинъ на одинъ. Самолюбіе мѣе было задѣто; я рѣшилъ во чтобы то ни стало догнать ее.

Посылая начавшую сдавать „Янину“, я шель почти на хвосту.

Мы нѣсколько разъ поворачивали, описывая большіе круги, и наконецъ подскакали къ крутому обрыву, около котораго разыгрывалась наша гонка. Внизу шель ровный лугъ и вдали виднѣлись домики ж. д. разъѣзда „Минутка“.

Молодой женщинѣ приходилось остановиться или спуститься внизъ.

На моментъ она замялась, но затѣмъ рѣшительно направилась къ обрыву!..

Когда я подскакалъ туда же, незнакомка, совѣмъ сдавъ поводъ, отвалившись всѣмъ корпусомъ назадъ, спускалась по почти отвѣсному спуску. Умный конь сѣвъ на заднія ноги, медленно сползалъ по мокрой глинѣ... Съ замираніемъ сердца слѣдилъ я за спускомъ смѣлой наѣздницы. Были моменты, когда я думалъ, что вотъ вотъ лошадь рухнетъ внизъ...

Я съ облегченіемъ вздохнулъ, когда молодая женщина достигла ровнаго мѣста, и, стоя наверху у обрыва, аплодисментами привѣтствовала ея смѣлость. Она погладила уставшую лошадь, поправила прическу передъ вынутымъ карманнымъ зеркальцемъ, обернулась ко мнѣ и... насмѣшливо расхохоталась!

Сконфуженный и обиженный ея подозрѣніемъ въ трусости, я всадилъ острия шпоры въ бока упирившейся „Янины“. Кобыла сдѣлала неловкій прыжокъ,

чуть было не пошла со мною черезъ голову, но успѣла удержаться, и тѣмъ же путемъ, храпя, временами останавливаясь, порывистыми толчками начала съѣзжать по отвѣсной крутизнѣ.

Время спуска показалось мнѣ вѣчностью. Я ничего не видѣлъ и только всѣми силами старался не помѣшать „Янинѣ“...

Когда спустившись я поднялъ глаза, то увидѣлъ, что молодая женщина стоитъ около своей лошади и пробуетъ подтянуть, съѣхавшую во время спуска, подпругу.

Я предложилъ свои услуги. Мнѣ было милостиво разрѣшено. Я спрыгнулъ съ тяжело дышавшей, со всѣмъ мокрой кобылы, и, подойдя къ молодой женщинѣ, представился...

Обратно мы ѣхали шагомъ и болтали, какъ добрые старые знакомые.

Я восторгался смѣлою ѣздой Татьяны Юрьевны, говорилъ ей комплименты и украдкой разсматривалъ свою новую знакомую. Эта хорошенькая женщина очень нравилась мнѣ.

Отъ нея я узналъ, что она недавно замужемъ, страстно любить лошадей, къ которымъ привыкла съ дѣтства, что этого дивнаго коня она получила во временное пользованіе отъ своей кузины, жены мѣстнаго коннозаводчика.

(Какъ оказалось потомъ, лошадь прошла въ Офицерской кавалерійской школѣ выѣздку и два сезона парфорсныхъ охотъ!)

Въ разговорѣ, Татьяна Юрьевна съ лукавой улыбкою спросила меня объ остальныхъ незадачливыхъ наѣздникахъ сегодняшняго паркура, выразила сожалѣніе, что самонадѣянному „Хаджи Мурату“, какъ она назвала Сандро, пришлось поплатиться своей ослѣпительной черкеской.

Одно она обошла молчаніемъ: кто ея мужъ, здѣсь ли онъ, гдѣ она живетъ и какъ ея фамилія?..

Уже стемнѣло, когда мы вернулись въ Кисловодскъ. Татьяна Юрьевна не позволила мнѣ провожать ее до дачи и, распрошавшись со мною, скрылась въ темнотѣ. Она разрѣшила встрѣтить ее завтра на

прогулкѣ, но о нашемъ знакомствѣ просила никому не говорить,

... Въ самомъ радужномъ настроеніи, очарованной ею, вернулся я домой.

На любопытные разспросы пріятелей я отвѣтилъ, что амазонка, послѣ прыжка черезъ стѣнку, проскакала еще съ версту, на моихъ глазахъ спустилась по обрыву къ разѣзду и скрылась; я же, замѣтивъ, что „Янина“ стала припадать на больную ногу, вернулся въ Кисловодскъ.

Въ душѣ я страшно радовался рѣшенію компаніи прекратить дальнѣйшія попытки къ преслѣдованію и, конечно, присоединился къ нему. Одинъ только упрямый Сандро, хромавшій на ушибленную при паденіи ногу, пытался протестовать, но и онъ въ концѣ концовъ долженъ былъ согласиться съ общимъ мнѣніемъ.

Все устраивалось, какъ нельзя лучше.

На слѣдующій день мы встрѣтились съ Татьяной Юрьевной, сдѣлали большую прогулку верхомъ и поздно вернулись въ Кисловодскъ.

Моя новая знакомая болтала, шутила, была весела и остроумна, но всѣ мои попытки пригласить ее вечеромъ въ курзалъ, или просто встрѣтиться днемъ въ паркѣ, были категорически отклонены. Опять мнѣ было запрещено провозить ее до дома; пришлось разстаться за мостомъ, около парка.

Поѣздки наши продолжались. Я чувствовалъ, что я влюбленъ, терялъ голову въ обществѣ молодой, интересной женщины.

Наше знакомство было такъ не похоже на мои предшествующія курортныя приключенія, когда за прогулкою верхомъ слѣдовали кутежи въ курзалѣ, въ ресторанахъ, и какъ вѣнецъ всему—мимолетная связь.

Я былъ тогда молодъ, избалованъ легкостью курортныхъ нравовъ и, конечно, не могъ удовольствоваться скромною ролью платоническаго вздыхателя.

Какъ то разъ, изрядно выпивъ въ компаніи за обѣдомъ, я въ самомъ рѣшительномъ настроеніи отправился верхомъ встрѣчать Татьяну Юрьевну, твердо рѣшивъ объясниться съ нею и добиться своего, или прекратить этотъ флиртъ.

Подогрѣтый винными парами, я приступилъ къ объясненію. Татьяна Юрьевна не дала мнѣ договорить и рѣзко послала свою лошадь.

Бѣшенная скачка съ прыжками черезъ встрѣчающіяся препятствія немного отрезвила меня, но не измѣнила моего рѣшенія дѣйствовать настойчиво и смѣло.

Когда мы уже въ сумерки спустились къ Кисловодску узкою, горною дорогою и все вниманіе моей дамы было обращено на ея лошадь, я обнялъ молодую женщину и впился въ ея ротъ страстнымъ поцѣлуемъ.

Татьяна Юрьевна сперва попыталась оттолкнуть меня, но потомъ я почувствовалъ, что она отвѣчаетъ на мой поцѣлуй.

Мы ѣхали шагомъ, Съѣздившіяся лошади спокойно шли по узкой дорогѣ; Татьяна Юрьевна уже не отталкивала меня, а молча, какъ то покорно, реагировала на мои дальнѣйшіе поцѣлуи.

У меня кружилась голова отъ этихъ объятій; я увѣрялъ ее въ своей безумной любви, просилъ не покидать меня, и подарить мнѣ сегодняшній вечеръ.

Она попрежнему молчала и грустно качала въ знакъ отрицанія своей растрепавшейся головкой. На мѣстѣ, гдѣ мы обычно разставались, я снова принялся уговаривать ее встрѣтиться сегодня и даже пытался грубо удержать ее.

Она была непоколебима и, взывая къ моему чувству джентльмена, просила не провожать ее дальше.

Видя, что уговоры не дѣйствуютъ, я холодно распрощался съ нею и повернулъ домой.

Не успѣлъ я отѣхать небольшое разстояніе, какъ послышался топотъ ея лошади и, обернувшись, я увидѣлъ догонявшую меня Татьяну Юрьевну.

Она круто задержала свою лошадь и тономъ, въ которомъ чувствовалось вымученное рѣшеніе, сказала мнѣ:

„Извольте, Александръ Николаевичъ, если Вы такъ на этомъ настаиваете, — я буду сегодня въ паркѣ около раковины оркестра въ 10 часовъ!„ Я не

успѣлъ ничего отвѣтить, какъ она повернула коня и ускакала...

Обрадованный неожиданнымъ финаломъ нашего разговора, я поспѣшилъ къ себѣ домой...

Ровно въ 10 часовъ около раковины появилась стройная фигура, закутанной въ шарфъ молодой женщины.

Тѣсно прижавшись другъ къ другу, мы прошли стороною Нарзанную галлерею, взяли тройку и отправились на „Замокъ Коварства и Любви“

Опьяненный близостью этой прелестной женщины, я, какъ во снѣ провелъ дивную поѣздку на Замокъ, затѣмъ веселый ужинъ têtê a têtê въ бесѣдкѣ загороднаго ресторана, и уже не въ силахъ былъ исполнить данное вначалѣ моей дамѣ обѣщаніе быть скромнымъ.

Впрочемъ, когда я, послѣ нѣсколькихъ бокаловъ шампанскаго, предложилъ заѣхать по пути ко мнѣ посмотрѣть фотографіи моихъ лошадей, молодая женщина разсмѣялась, потребовала, чтобы я подтвердилъ свое обѣщаніе не пытаться ее задерживать и согласилась заѣхать на минутку.

Уже въ окно забрезжилъ разсвѣтъ яснаго августовскаго утра, когда Татьяна Юрьевна заторопилась одѣваться.

По ея настоянію я не поѣхалъ провожать, а осыпавъ поцѣлуйми ея ручки, усадилъ на извозчика и отпустилъ домой.

Какъ и прежде она не сказала гдѣ живетъ, не позволила наводить о ней справокъ — словомъ ничего новаго, касающагося ея жизни, я не узналъ.

Все это осталось для меня прежней загадкой!

На завтра я напрасно прождалъ Татьяну Юрьевну, — она не выѣзжала. Не было ее и въ послѣдующіе дни. Тщетно я каждый вечеръ ѣздилъ ее встрѣчать и напрасно бродилъ по аллеямъ парка.

Я очень тосковалъ безъ этой загадочной женщины.

Наша компанія, узнавъ о моемъ знакомствѣ, дулась на меня за вѣроломство. Къ тому же пріятели,

чувствуя близкій конецъ сезона, торопились наверстать время.

Хромавшій дл. позы Сандро кутилъ съ какой то прїѣзжей развеселой барынькой, ревниво оберегая ее отъ знакомства съ нами; Гри-Гри „женихавшійся“ по его словамъ въ Эссентукахъ, пропоздалъ тамъ цѣлыми днями; „Братья-разбойники“ увлеклись теннисомъ на дачѣ своихъ Петербургскихъ знакомыхъ, гдѣ имѣлся цѣлый цвѣтникъ дамъ и дѣвиць.

А получившій разрѣшеніе отца и согласіе полка на поступленіе въ его ряды счастливый Дима уѣхалъ въ Москву. Наконецъ то онъ могъ, передъ своимъ отъѣздомъ, щегольнуть на курортѣ блестящею формою гусара.

Компанія распалась, и я остался въ одиночествѣ. Чтобы немного отвлечься, я пробовалъ заняться работою моихъ лошадей. Ѣздилъ въ Пятигорскъ, но проходилъ день, два и меня неудержимо тянуло обратно въ Кисловодскъ, гдѣ я опять принимался за безплодные поиски.

Татьяны Юрьевны я нигдѣ не встрѣчалъ. Я терялся въ догадкахъ...

Наконецъ, какъ-то разъ, когда я тоскливо сидѣлъ у себя въ комнатѣ, мнѣ подали письмо.

Трясущимися отъ волненія руками я вскрылъ конвертъ, пахнувшій ея духами. Въ письмѣ Татьяна Юрьевна, прощаясь со мною, сообщила, что завтра уѣзжаетъ съ мужемъ изъ Кисловодска и просила меня придти на вокзалъ къ отходу экспресса, но не подходить къ ней, а сдѣлать видъ, что я ее не знаю. Тамъ на вокзалѣ я узнаю причину ея страннаго поведения,

Швейцаръ сказалъ мнѣ, что письмо принесъ посылный, которому оно было вручено въ паркѣ какой-то дамой.

Мучительно, обиженный такъ сразу бросившей меня возлюбленной, я провелъ остатокъ дня и безсонную ночь.

Утромъ, чуть ли не за часъ до отхода поѣзда, съ большимъ букетомъ розъ, я былъ на вокзалѣ, Нарядный составъ вагоновъ стоялъ у перрона. Суетилась уѣзжающая публика; дюжіе носильщики таскали

безконечные сундуки, чемоданы и баулы. Вокзалъ былъ полонъ нарядною толпою — уѣзжающей и провожающей. Оканчивались курортныя связи и знакомства.

Преобладали веселыя, довольныя лица, какъ будто цѣлебный воздухъ Кавказа влилъ притокъ новой энергіи въ этихъ праздныхъ, избалованныхъ людей.

Уже давно прозвучалъ первый звонокъ, а Татьяна Юрьевны все не было...

Наконецъ ея гордая головка показалась въ дверяхъ. Забывъ ея запретъ, я бросился къ ней, бросился и остановился: рядомъ съ молодой женщиной какой-то парень катилъ кресло, въ которомъ полулежала закутанная жалкая фигура преждевременно состарившагося мужчины — паралитика.

Татьяна Юрьевна густо покраснѣла и, какъ бы ища поддержки въ больномъ, стала заботливо поправлять у него пледъ въ ногахъ.

Паралитикъ отвѣтилъ ей такимъ нѣжнымъ, полнымъ обожанія взглядомъ, такъ ласково притронулся къ ея рукѣ своими высохшими пальцами, что у меня защемило сердце, и я всѣмъ существомъ понималъ трагедію женской души, волею обстоятельствъ и долга привязанной къ этому полутрупу.

Я почтительно снялъ фуражку передъ великимъ актомъ человеческого подвига и сейчасъ же отошелъ.

Больного внесли въ вагонъ; слѣдомъ за нимъ, грустно кивнувъ мнѣ головкой, вскочила въ вагонъ и Татьяна Юрьевна.

Я быстро набросалъ на визитной карточкѣ нѣсколько теплыхъ словъ привѣта и участія и отправилъ ей съ букетомъ черезъ посыльнаго. Мальчишка скоро вернулся и возвратилъ мнѣ мою же карточку, на оборотѣ которой торопливымъ женскимъ почеркомъ было написано: — „Прощайте А. Н. навсегда — не осуждайте мой тогдашній цорывъ; мнѣ тяжелѣе, чѣмъ Вы думаете“!..

Зазвонилъ звонокъ.

Я ближе подошелъ къ поѣзду и тщетно жаждалъ увидѣть Татьяну Юрьевну.

Она не появлялась.

Только когда третій звонокъ, какъ погребальный

звонъ прозвучалъ у меня въ ухахъ, она появилась у окна и привѣтливо закивала мнѣ головой.

Тронулся поѣздъ. Я бросился къ ея вагону и жадно припалъ къ протянутой мнѣ рукѣ.

Поѣздъ усиливалъ ходъ, — пришлось отстать. Высунувшись изъ окна, Татьяна Юрьевна махала мнѣ платкомъ.

Наконецъ и послѣдній вагонъ скрылся вдали.. Я грустно побрелъ домой и въ тотъ же день уѣхалъ въ Пятигорскъ.

Такъ курортный флиртъ сдѣлалъ меня невольнымъ свидѣтелемъ тяжелой драмы, переживаемой женскою душою!..

Я былъ молодъ, непостояненъ и скоро, очень скоро утѣшился.

О Татьянѣ Юрьевнѣ я больше не слыхалъ. Свято исполняя ея просьбу, я не наводилъ объ этой странной супружеской парѣ никакихъ справокъ,

Разказчикъ окончилъ свой разказъ... Интересовавшей насъ пары уже не было: мы не замѣтили, какъ они ушли.

За ихъ освободившійся столикъ шумливо разсуживалась большая компанія развязныхъ, подчеркнута спортсменскаго вида молодыхъ людей и крикливыхъ дѣвицъ.

Мы стали собираться домой.

На рѣкѣ темнѣло.

По туземному обычаю!

Случилось это въ доброе старое время, незадолго до Великой войны въ Закавказскомъ захолустьѣ, недалеко отъ нашей бывшей Персидской границы по р. Араксу.

И героиней этого романическаго происшествія была не черноокая затворница-татарка или пылкая красавица-армянка, а обыденная гарнизонная барышня изъ армейской среды!

Звали ее Ниночкой...

Она, окончивъ Тифлискій институтъ, пріѣхала въ Энскъ къ своему отцу — подполковнику Пограничной Стражи.

Вы не знаете, что такое урочище Энскъ въ Закавказьѣ?

Это небольшое армянское мѣстечко близъ г. Шуши, Елисаветпольской губерніи.

Въ тѣ далекія времена въ немъ находился штабъ Н-ской пограничной бригады.

Тамъ же квартировала часть казачьяго полка, охранявшаго совмѣстно съ пограничниками нашу государственную границу съ Персіей.

Отъ этой типичной захолустной стоянки до ж. д. около 150 верстъ!

Впрочемъ, это по шоссе, но кромѣ того существовалъ и другой, болѣе близкій путь: отъ Энска, прямо черезъ горы, по скалистымъ, обрывистымъ кручамъ къ линіи ж. д. шла конная тропа.

Правда этотъ путь былъ не безопасенъ для смѣлаго путника: легко можно было свернуть себѣ шею или покарѣчить коня, а кромѣ того не была исключена возможность нарваться гдѣ нибудь въ глухомъ ущельѣ на засаду татарь-абрековъ (абрекь-разбойникъ).

По имени главнаго перевала она и называлась Шайтанъ-Дагской дорогой. (Шайтанъ-чертъ).

Однообразно и скучно протекала жизнь Энскаго маленькаго гарнизона, заброшеннаго среди дикихъ скалъ и воинственнаго туземнаго населенія.

Но, сравнительно съ жизнью на пограничныхъ постахъ, лѣпившихся на уступахъ горъ по р. Араксу, Энскъ все таки можно было считать центромъ!

При мѣстечкѣ существовалъ большой военный поселокъ, довольно благоустроенный, гдѣ даже имѣлся свой гарнизонный паркъ, мѣтко прозванный „брехаловкою“.

Были почта и телеграфъ.

Въ офицерскомъ собраніи устраивались иногда танцевальные вечера и спектакли.

А для любителей покутить на свободѣ—предпріимчивый ирмянинъ держалъ въ туземномъ кварталѣ кавказскій ресторанъ-шашлычную подъ вывѣской—„Свиданіе друзей“.

На каменномъ заборѣ, при спускѣ къ нему, была намалевана кисть руки съ торчащимъ указательнымъ пальцемъ, подъ которымъ какой то шутникъ написалъ:

„хады па пальцамъ!“

... Кромѣ мѣстнаго, такъ сказать, Мюръ и Мерилиза—лавки „Богдасаръ зъ сынамъ—торговля разнымъ таварамъ“—было еще нѣсколько различныхъ армянскихъ магазиновъ.

Помимо этого, для невзыскательныхъ модницъ въ поселкѣ ярко блестяла вывѣска:

„Mlle Мари изъ Петербурга—приемъ дамскихъ нарядовъ“,

пониже которой бѣлѣлъ, наклеенный на окно листокъ бѣлой бумаги съ лаконическою надписью „акушерка“.

Не бѣда, что этой „мадемуазель“ портнихѣ-акушеркѣ было подѣ пятьдесятъ, при кучѣ дѣтей (законныхъ!—мужъ умеръ); звали ее Агафья Парамоновна и едва ли, была она гдѣ-нибудь дальше Тифлиса?

Но вывѣска—реклама!

Въ Энскѣ большое военное общество; много дамъ и дѣвицъ. Изъ нихъ почему то считали себя мѣстными „сердцеѣдками“ двѣ довольно безцвѣтныя дочки бригаднаго врача: Шурочка-Шприцъ (худенькая и высокая) и „Мурочка-Мензурка“ (пониже и полненькая).

Этими прозвищами за глаза называли барышень ихъ воображаемые поклонники.

Вотъ, что представлялъ собою тогда этотъ Захолустный Штабъ!

Съ появленіемъ хорошенькой, изящной и бойкой Ниночки, мѣстная „львица“ какъ то стушевались, а всѣ юныя корнеты, поручики и хорунжіе сдѣлались ея „вѣрноподанными“..

Были даже предложенія руки и сердца, но барышня предпочла упорхнуть въ Кисловодскъ на курортный сезонъ...

Лишь осенью она вернулась съ татан обратно въ Энскъ, но уже въ сопровожденіи сильно пожилого, очень важнаго гражданскаго чина. Говорили, что Его Превосходительство ожидаетъ въ недалекомъ будущемъ повышеніе въ Петербургъ.

Вѣроятно, юную головку вскружила перспектива стать въ 18 лѣтъ генеральшей и возможность блистать въ Петербургскомъ свѣтѣ, а потому пріѣхавшій чиновникъ числился ея женихомъ,—пока, впрочемъ, неофициальнымъ.

Но рокъ сулилъ иначе!

Приблизительно къ этому же времени, въ казачій полкъ былъ изъ гвардіи переведенъ молодой офицеръ, Князь М.

Грандіозные кутежи, крупные долги и „джигитскія“ выходки Кавказскаго Князя, шокировавшія чопорную гвардейскую часть, гдѣ онъ служилъ, вызвали необходимость его исчезновенія съ Петербургскаго горизонта, и прогорѣвшій кутила очутился на далекой окраинѣ — въ Энскѣ!..

Здѣсь опальный князь быстро освоился со своимъ новымъ положеніемъ. Спустя короткое время, блестящій гвардеецъ принялъ обликъ заправскаго казака-джигита. Онъ стильно, по горски, носилъ казачью черкеску, красиво танцевалъ лезгинку и лихо джигитовалъ на золотистомъ, горячемъ Макинскомъ жеребцѣ.

Надо сказать, что въ послѣднемъ отношеніи Князь былъ прямо виртуозомъ: онъ показывалъ такіе фокусы джигитовки, которые были по плечу развѣ только отборнымъ джигитамъ Императорскаго Конвоя!

Лавры смѣлаго наѣздника раздѣляла и его лошадь, славившаяся на всю округу своею рѣзвостью, силой и выносливостью.

Происходя изъ знаменитой Макинской (Макаханство въ Персіи) породы, красавецъ конь также имѣлъ свое бурное, увы разбойничье, прошлое; но затѣмъ его первый хозяинъ персъ-контрабандистъ, получивъ во время стычки съ пограничниками пулю въ голову, нашелъ себѣ могилу въ волнахъ Аракса. Лошадь же съ аукціона купилъ князь. . .

Молодой кутила не измѣнилъ своимъ привычкамъ въ Энскѣ.

Правда ему, вмѣсто фешенебельныхъ Петербургскихъ ресторановъ, поневолѣ пришлось мириться со скромною обстановкою офицерскаго собранія Пограничниковъ, а затѣмъ уже продолжать свой кутежъ въ Кавказской шашлычной, куда холостая компанія часто „хадыла па пальцамъ“ пировать.

Красивый брюнетъ, ловкій танцоръ, скоро ставшій душою мѣстнаго общества, князь быстро покорилъ сердца Энскихъ дамъ и дѣвицъ.

Не избѣгла общей участи и Ниночка.

Между молодыми людьми, къ большому неудовольствію честолюбивыхъ родителей, начался сдержанный флиртъ, который могъ грозить серьезными послѣдствіями. Тогда начальство, не безъ давленія даль-

новиднаго Ниночкинаго папаша, сплавило молодого офицера на дальній, глухой постъ границы.

Начавшійся романъ внѣшне какъ-будто прекратился, но на самомъ дѣлѣ разлученные тайкомъ переписывались. Неизвѣстно, какіе планы строили молодые заговорщики, но шансы пожилого жениха падали, и официальная помолвка все откладывалась и откладывалась.

Наконецъ упрямая дѣвушка заявила, что дастъ свое согласіе только послѣ его назначенія въ Петербургъ.

Поневолѣ настойчивому претенденту пришлось подчиниться этому рѣшенію и он отбылъ во свояси...

Послѣ его отъѣзда, князь возбудилъ ходатайство о переводѣ на Дальній Востокъ.

Тѣмъ временемъ въ Энскъ вернулся превосходительный женихъ, назначеніе котораго въ Петербургъ состоялось.

Съ его пріѣздомъ рушились всѣ Ниночкины надежды и вопросъ о бракѣ подошелъ для нея вплотную!

Какъ ни старалась бѣдная дѣвушка уклониться отъ необходимости связать свою молодую жизнь съ нелюбимымъ, годившимся ей въ отцы человѣкомъ, настойчивый старикъ добился своего: послѣ бурныхъ объясненій съ родителями, по ихъ настоянію — она согласилась!

Состоялась официальная помолвка, на Красную Горку была назначена и свадьба, а добившійся своей цѣли, счастливый помолвленный взялъ продолжительный отпускъ и остался въ Энскѣ.

Такимъ образомъ романъ съ княземъ какъ будто оборвался, но выходъ изъ создавашагося положенія найденъ не былъ: горячая натура князя не могла такъ легко уступить любимую дѣвушку!..

Вскорѣ состоялось и его назначеніе на Дальній Востокъ.

Передъ отъѣздомъ князь пріѣхалъ въ Энскъ проститься со своими сослуживцами.

Теперь съ Ниночкой ему почти не приходилось встрѣчаться, да и по всему было видно, что онъ больше занятъ предстоящею поѣздкою въ дальніе края и

холостяцкими попойками, чѣмъ отвергнувшимъ его предметомъ.

Всѣ рѣшили, что увлеченіе князя прошло и Ниночка имъ забыта. Такого же мнѣнія былъ и женихъ. Не подозрѣвалъ самонадѣянный старикъ, какое огорченіе готовятъ ему тайкомъ молодые заговорщики — князь и его пріатели.

Изъ постороннихъ тайну эту знали только лучшей другъ князя — мѣстный помѣщикъ Зауръ-Бекъ, общій кунакъ (кунакъ — другъ, пріатель) офицеровъ гарнизона и непремѣнный участникъ ихъ пирушекъ и празднествъ. И не только знали, но даже участвовали въ какихъ-то таинственныхъ приготовленіяхъ! Да еще старый паркъ могъ, пожалуй, рассказать, какъ однажды ночью, вскорѣ послѣ возвращенія Князя въ Энскъ, въ тѣни его деревьевъ, какъ разъ противъ офицерскихъ домиковъ, какая то высокая фигура, закутанная въ башлыкъ и бурку, кого-то ждала!

Но паркъ былъ нѣмъ и только сочувственно кивалъ верхушками деревьевъ, когда въ его густь состоялось затѣмъ кратковременное свиданіе молодого казачьяго офицера и стройной барышни. . .

Безмятежнымъ сномъ спалъ въ это время въ холостяцкой квартирѣ бригаднаго старый селадонъ. Онъ уже привыкъ къ тому, что всѣ эти ночи грохотала въ бѣшеномъ темпѣ лезгинки зурна, что неистово гремѣли трубачи, хлопали въ воздухъ револьверные выстрѣлы и лились кавказскія застольныя пѣсни.

Онъ былъ увѣренъ, что Князь безотлучно пируетъ въ кругу провожающихъ его друзей.

Шумныя прощальныя попойки въ честь новаго Манчжурца продолжались нѣсколько дней.

Во время ихъ, таинственныя ночныя встрѣчи въ паркѣ снова повторялись. . .

Но былъ назначенъ, наконецъ, и день отъѣзда. Наканунѣ его объединившееся энское общество устроило уѣзжающему общія проводы.

По настоянію Ниночки, заупрямившейся было женихъ „пожаловалъ“ съ нею на этотъ вечеръ въ собраніе. Правда, вначалѣ Его Превосхожденіе чувствовалъ себя какъ-то неловко, но подчеркнуто-любезное отношеніе къ нему офицеровъ и Князя, можетъ-

быть не безъ нѣкоторой доли официальнойности, скоро его „огладило“.

Ему гордому своимъ выборомъ, даже льстило, что князь, да и всѣ присутствовавшіе, оказывали его невѣстѣ предпочтительное вниманіе.

Проводы удались на славу: вино (по кавказской традиціи — кахетинское и мѣстное) лилось рѣкою; произносились напутственные рѣчи, а затѣмъ начались оживленные танцы.

Недоставало только Зауръ-Бека; не могъ онъ быть на проводахъ своего друга, такъ какъ спѣшно долженъ былъ выѣхать въ Шушу по дѣламъ.

Во время ужина Князь превзошелъ самъ себя: онъ не отрываясь, выпилъ поднесенный ему большой серебряный кубокъ вина, очень остроумно и находчиво отвѣчалъ на задравные въ его честь тосты, а затѣмъ ловко дирижировалъ танцами, въ которыхъ Ниночкѣ неизмѣнно отводилась первая роль.

А когда кто-то изъ молодежи затянулъ комическую пѣсенку про его пріѣздъ въ Энскъ изъ Петербурга:

„... Вылззалъ Кназь на Евлахъ, (конечн. станція ж. д.)
Залззалъ на Карабахъ (сѣлъ на коня)
Черезъ рѣчка Акара,
Ѣхалъ прямо на гора! и т. д.

и трубачи, подхвативъ мотивъ пѣсни, сразу повели ее въ темпѣ лезгинки, тогда на середину зала съ обнаженными кинжалами въ рукахъ выскочилъ самъ чувствуемый и понесся въ бурномъ кавказскомъ танцѣ!..

„... Кназь въ одномъ рукамъ держалъ
пикумъ. шашкамъ и чинджалъ...“ (кинжалъ)

Зачастили веселые голоса...

Задорнымъ вызовомъ сверкали глаза Князя, когда онъ, выдѣлывая ногами замысловатое па, почти застылъ въ чуть колеблющимся положеніи корпуса передъ опѣшившимъ женихомъ.

„Еще прирѣжетъ головорѣзъ“ — невольно подумалъ его соперникъ въ этотъ моментъ.

Насторожилась и Ниночка...

Но раздалось рѣзкое „Ташь“ и танцоръ въ два прыжка очутился на другомъ концѣ зала. . .

Веселье продолжалось. . .

А между тѣмъ, какъ разъ въ то время, когда князь исполнялъ свой „балетный“ номеръ въ собраніи, изъ воротъ Заурь-Бековской усадьбы выѣхала конная группа вооруженныхъ татаръ.

У нихъ съ собою были заводныя лошади.

Всадники, не доѣзжая Энска, круто свернули съ Шушинской дороги и узкимъ ущельемъ потянулись въ горы. . .

Нѣсколько позже ихъ, мимо ярко освѣщеннаго собранія, откуда неслись звуки музыки, изъ поселка по шоссе на станцію Евлахъ, тронулась парная бричка. Въ бричкѣ сидѣлъ княжескій вѣстовой и были нагружены вещи.

За повозкою тропотили два Заурь-Бековскихъ нукера (нукеръ — конюшенный).

Дамская деревянная коробка для платьевъ, бережно завернута въ бурку, какъ то не гармонировала съ сѣдлами, вьюками и пр. вещами, лежавшими здѣсь! Къ тому же коробка хранила въ себѣ вещи совсѣмъ не мужского обихода.

Но кто это сталъ бы разсматривать ночью въ темнотѣ?

— — — — —
. . . На разсвѣтѣ съ музыкою проводили Князя на его квартиру...
— — — — —

На слѣдующій день почти все мѣстное общество, кто верхомъ, а кто въ экипажахъ и линейкахъ, отправились провожать уѣзжающаго до „Бѣлыхъ Камней“.

Здѣсь, у развалинъ стариннаго (чуть ли не Ермоловскихъ временъ) укрѣпленія, по старой кавказской традиціи полагалось его привѣтствовать „стремяною“ чарою вина.

---

*) Примѣчаніе: „стремяная“ пьется уже сидя на конѣ, передъ тѣмъ, какъ двинуться въ путь.

. . . Съ казачьими трубочами впереди, растянувшись живописный кортежъ по Евлахской дорогѣ. . .

Князь, сдерживая танцующаго подъ нимъ Макинца, весело бесѣдовалъ съ окружавшей его молодежию.

На темномъ фонѣ скромной черкески эффектно выдѣлялась нарядная, вся отдѣланная серебромъ „Гузунская“ шашка (Гузунъ — знаменитый въ тѣ времена оружейникъ на Кавказѣ) — подарокъ на память отъ сослуживцевъ. . .

— А тутъ же, въ кавалькадѣ офицеровъ и ихъ амазонокъ, хорошенькій казаченокъ, зятанутый въ черкеску, гарцовалъ на отцовскомъ Кабардинцѣ и не удѣлялъ ни капли вниманія своему жениху, въ одиночествѣ важно возсѣдавшему въ коляскѣ.

Не могъ женихъ отпустить одну (безъ оставшихся дома родителей) своенравную невѣсту, когда она въ послѣдній моментъ собралась ѣхать верхомъ.

Хотя очень и очень не одобрялъ ея наѣздническихъ наклонностей, разсердившійся на дѣвушку старикъ (Его Превосходительство вообще относился къ верховой лошади, какъ къ опасному, дикому звѣрю!), но сердце не камень, и недовольному жениху, помимо желанія, все таки пришлось принять участіе въ послѣднихъ проводахъ своего бывшего соперника.

Къ тому же съ утра Ниночка какъ то особенно нервничала, и ревнивое чувство подсказывало ему, что причиною такого состоянія является отъѣздъ князя.

Онъ искалъ хоть тѣни печали на ея лицѣ, но Ниночка была оживлена и радостна, какъ никогда.

Предстоящая разлука съ Княземъ, видимо ее мало трогала!

Но вотъ и „Бѣлые Камни“.

Остановка... Провожающая публика окружила соскочившаго съ коня князя... Хлопоютъ пробки... Армянинъ-фотографъ устанавливаетъ свой аппаратъ...

Легкій завтракъ à la fourchette.

Прощаніе... Пожеланія, просьбы писать изъ Манчжуріи...

Кстати, отчего так вспыхнулъ и сразу надулся Превосходительный женихъ, когда отъѣзжающій офицеръ ему что-то сказалъ?

Что было обыдно въ шутливыхъ словахъ „этого нахала“: — берегите, Ваше Превосходительство, Вашу невѣсту: — здѣсь, по туземному обычаю, женщинъ иногда похищаютъ!“

Пора! Прорысиль уже по дорогѣ, отправленный кѣмъ то впередъ, казачій разъѣздъ для сопровожденія уѣзжающаго.

Все готово для послѣдняго обряда: налить винномъ серебрянный, ввидѣ модели небольшого турьяго рога, традиціонный кубокъ...

Князь уже въ сѣдлѣ. Разгорячившійся Макинецъ не стоитъ на мѣстѣ и все порывается отсалютовать публикѣ лансадой.

Искусной рукой, щеголяя своимъ наѣздничествомъ, сдерживаетъ его ловкій всадникъ...

Уѣзжающему подносятъ „стремянную“.

Краткій послѣдній тостъ.

Крики „Ура!“ и поднятые къ верху бокалы. Гремятъ маршъ „Волны Аракса“...

... До дна выпилъ князь прощальную чару вина и бросилъ ее подскочившему буфетчику.

Снялъ на отмахъ папаху... Розыскалъ кого то въ толпѣ глазами... Накрылся...

Какъ спущенная стрѣла изъ тетивы, взвился на дыбы загорячившійся Макинецъ и съ ласанды, въ нѣсколько прыжковъ очутился около стоявшей немного въ сторонѣ Ниночки.

Врылъ въ землю коня джигитъ... и не успѣлъ растерявшійся женихъ опомниться, какъ склонившись съ сѣдла, Князь ловко поднялъ дѣвушку къ себѣ на лошады!

Пріѣзжаный къ джигитовкѣ разбойничій конь карьеромъ вынесъ свою двойную ношу на Евлахскую дорогу...

А затѣмъ выступъ скалы горнаго ушелья, куда

свернулъ съ шоссе всадникъ, скрылъ похитителя отъ глазъ изумленныхъ зрителей...

Никто не догадался предложить оскандаленному жениху свои услуги догнать и остановить князя.

Впрочемъ, въ конецъ разстроенный происшедшимъ, неудачный претендентъ на руку дѣвушки предпочелъ скорѣе вернуться въ Энскъ.

За нимъ разѣхалось по домамъ и провожавшее князя общество...

Разгорѣлся скандалъ. Полетѣли телеграммы во всѣ концы. Похитителю грозили большія неприятности, хотя почти всѣ были на сторонѣ рѣшительнаго кавказца.

А Шурочка и Мурочка, вздыхая, даже увѣряли своихъ кавалеровъ, что влюбленные, гдѣ-нибудь въ пустынныхъ скалахъ, покончили жизнь самоубійствомъ; когда же эта версія отпала, то онѣ стали вслухъ мечтать о прелести быть похищенной.

Увы! Желającychъ продѣлать этотъ трюкъ съ ними — что то не находилось!

А пока Энскіе обыватели смаковали на разные лады пикантное приключеніе, далеко въ горахъ, по Шайтанъ-Дагской конной тропѣ, которая шла отъ Энска черезъ горные перевалы къ линіи желѣзной дороги, двигалась группа вооруженныхъ всадниковъ.

Среди нихъ, сопровождаемые нукерами, ѣхали: Князь, Зауръ Бекъ и... Ниночка.

Но не горячился подъ своей отважной наѣздницей умный Макинецъ, а осторожно ступая по камнямъ, бережно несъ ее по отвѣснымъ кручамъ.

Три дня длилось это головоломное путешествіе, и только на четвертый день любопытные пассажиры экспресса „Баку-Тифлисъ“ съ интересомъ наблюдали, какъ на одной изъ маленькихъ, глухихъ станцій, въ купѣ перваго класса сѣли: высокій казачій офицеръ и стройный хорошенькій мальчикъ въ черкескѣ.

Провожавшая ихъ группа татаръ передала проводнику ихъ скромный походный багажъ.

Когда же поѣздъ тронулся, то по корридору ва-

гона бравый казакъ-вѣстовой пронесъ въ купѣ деревянную дамскую коробку и небольшой кожаный несесерь...

Позднѣ этого офицера видѣли въ вагонъ-ресторантъ. Онъ обѣдалъ въ обществѣ изящной барышни Черкесенокъ же куда то исчезъ!

Въ Тифлисъ молодую парочку встрѣтила съ цвѣтами веселая компанія Н-хъ драгунъ...

Конечно, объ этомъ путешествіи бѣглецовъ стало вскорѣ извѣстно въ Энскѣ.

Но на Энское общество такая подробность впечатлѣнія не произвела: уже всѣ знали изъ полученной родителями телеграммы, что послѣ вѣнчанія въ Институтской церкви, Ниночка стала княгиней М.!

Рѣшительная директрисса института съумѣла выручить свою бывшую питомицу изъ затруднительнаго положенія и явилась ея заступницей передъ отцомъ и матерью.

Хорошо то, что хорошо кончается! И обманувшимся въ своихъ честолюбивыхъ мечтаніяхъ Ниночкинымъ старикамъ, оставалось только спѣшно выѣхать въ Тифлисъ, чтобы успѣть проститься съ молодежниками, передъ ихъ отъѣздомъ на Дальній Востокъ.

Еще ранѣ, ни съ кѣмъ не попрощавшись, отбылъ въ Петербургъ одураченный эксъ-женихъ.

А золотистый кровный Макинецъ, отдохавшій послѣ утомительныхъ горныхъ переходовъ на конюшнѣ Зауръ-Бека, остался у него, какъ княжескій подарокъ.

Манчжурскія Были.

(Три встрѣчи).

Это было давно...

Китайцы называли его „Сяоунцзырь“.

Онъ косилъ на одинъ глазъ, за что получилъ отъ насъ кличку „Кривого“.

Сяоунцзырь былъ предводителемъ большой хунхузской шайки, и имя его не разъ фигурировало въ сводкахъ нашихъ донесеній.

Гонялись за нимъ Охранники-Заамурцы, охранявшіе тогда К.-В. ж. д.; да и мѣстный Тифангуанъ (Начальникъ уѣзда), правда больше для проформы, высылалъ противъ него своихъ солдатъ.

Они, неистово трубя въ длиннѣйшія трубы, предводительствуемые Командиромъ, котораго несли въ паланкинъ,—выступали въ походъ...

А въ это время неуловимая шайка Сяоунцзыря грабила Китайскихъ Купцовъ въ другомъ мѣстѣ, или нападала на наши посты...

Во время Русско-Японской войны онъ обосновался на границахъ Монголіи и держалъ линію К.-В. ж. д. отъ ст. Куанченцы до Сипингая подъ угрозою нападенія.

Моя первая встрѣча съ Сяоунцзыремъ въ ту войну произошла во время стычки нашей Заамурской сотни съ его шайкою осенью 1904 г. у г. Фуланчена.

... Весь день шла жаркая перестрѣлка...

Хунхузы занимали Ханшинный заводъ съ массив-

ными башнями по угламъ, откуда вели самый интенсивный огонь по нашей наступающей цѣпи.

Впрочемъ, обычная ихъ тактика была: продержаться до сумерокъ, а затѣмъ, пользуясь темнотою, улизнуть незамѣтно.

Но на этотъ разъ счастье имъ не благопріятствовало: къ намъ подошло подкрѣпленіе и Манчжурскіе волки были почти окружены.

Обходная кубанская полусотня, разсыпавъ лаву, угрожала ихъ правому флангу и тылу.

Правда для хунхузозъ оставался пока свободнымъ выходъ изъ воротъ, но и здѣсь мы скоро выбили ихъ изъ впереди лежавшихъ фанзъ.

Благодаря этому маневру ворота очутились подъ огнемъ нашихъ цѣпей.

Кольцо окруженія вотъ-вотъ должно было сомкнуться!

Но, какъ оказалось въ послѣдствіи, хунхузы, ведя перестрѣлку, цѣлый день работали надъ уширеніемъ въ стѣнахъ нѣсколькихъ калитокъ, укрытыхъ отъ насъ выступами башень!

Замѣтивъ обходъ, они, какъ рой мухъ, выпущенныхъ на свободу, стали пачками, пользуясь этими выходами, выскакивать наружу.

Все поле передъ нами покрылось скачущими вразсыпную всадниками...

Мы успѣли дать по нимъ два-три залпа какъ вдали показалась лава обошедшей ихъ полусотни.

Блеснули на солнцѣ шашки, кубанцы врѣзались въ толпу, и началась беспощадная рубка и преслѣдованіе убѣгавшихъ...

Наши коноводы, не ожидая приказанія, карьеромъ подали намъ лошадей.

Но только мы успѣли сѣсть и развернуться, какъ распахнулись ворота и оттуда вскачь, вылетѣло нѣсколько арбъ съ конвоемъ!

Мы поскакали имъ наперерѣзъ...

Вдругъ арбы остановились и одновременно по насъ защелкали пули...

Когда мы подскочили къ арбамъ, то около нихъ копошилось нѣсколько человѣкъ хунхузозъ, которые, бросивъ лошадей, стрѣляли въ насъ въ упоръ.

Остальные скакали въ сторону на присоединеніе къ своимъ.

На арбахъ понуро сидѣло и лежало нѣсколько связанныхъ фигуръ.

Околѣ арбъ гарцоваль на великолѣпномъ бѣломъ Монгольскомъ конѣ богато одѣтый всадникъ...

Кто то изъ казаковъ крикнулъ: „Ваше Благородіе—серебро!“

Какъ будто наэлектризованные токомъ, охранники мои набросились на оставленный обозъ...

Всадникъ на бѣломъ конѣ далъ нѣсколько выстрѣловъ въ насъ и поскакалъ въ сторону къ буграмъ. Къ нему, выскочивъ изъ свалки, видимо еле успѣвъ вскочить на коня, присоединилась какая то конная фигура, не то мальчикъ, не то женщина, одѣтая по мужски.

Я съ нѣсколькими казаками бросился ихъ преслѣдовать.

За мной увязался и нашъ сотенный переводчикъ „Жоржъ“ (такъ его звали въ сотнѣ).

Послѣдній, стрѣляя, не цѣлясь, изъ револьвера, все время вопилъ: „Капитана! Сяоунцзырь! Сяоунцзырь-мадама!“

Соединившись преслѣдуемые надали ходу...

Сразу почувствовалось, что подъ ними рѣзвые, тренированные, выдающіеся кони, передъ которыми пасовалъ даже мой кабардинецъ!

Казаки на мелкихъ лошадакахъ стали отставать...

За мною, на рѣзвомъ минусинцѣ скакалъ урядникъ Порчанкинъ, который успѣлъ выпустить по ухидившимъ обойму изъ снятой на ходу винтовки...

Вдругъ Сяоунцзырь, пустивъ своего спутника (или спутницу?) скакать дальше, приостановился, вскинулъ съ руки карабинъ и, обернувшись, выстрѣлилъ разъ... другой...

Почти рядомъ со мною, крикнувъ—„О Господи!“ свалился съ коня Порчанкинъ.

Его лошадь брыкаясь, со свернувшимся на сторону сѣдломъ, сдѣлавъ нѣсколько прыжковъ, рухнула на землю.

Кой-кто изъ нашихъ тоже сорвалъ винтовки. Загремѣли и наши отвѣтные выстрѣлы... Преслѣдуемые

одинъ за другимъ перевалили за бугры и скрылись съ нашихъ глазъ.

Когда мы, разсыпавшись рѣдкою лавою, поднялись на эти холмы, оба всадника были уже далеко!

Мы спѣшили и дали имъ вдогонку нѣсколько безрезультатныхъ залповъ.

Азартный Жоржъ, несмотря на дальность разстоянія, палилъ изъ револьвера, увѣряя меня потому что: „моя мала-мала не попала“!

Такъ кончилась моя первая встрѣча съ Сяоцунзыремъ!

Потерявъ убитыми и ранеными нѣсколько человекъ, отрядъ нашъ изрубилъ и разсѣялъ его шайку.

Казаки моего взвода богато поживились въ брошенныхъ арбахъ серебромъ, и мы освободили нѣсколькихъ „куpezъ“, захваченныхъ хунхузами на заводѣ съ цѣлью выкупа.

Но самъ Сяоцунзырь ушелъ, чтобы, собравъ и пополнивъ свою шайку, снова начать тревожить наши посты!

Зимою насъ перебросили на югъ, на правый флангъ Манчжурскихъ Армій.

Здѣсь мы узнали, что у насъ формируютъ партизанскіе отряды изъ хунхузовъ, причемъ оказалось, что нашъ старый знакомый Сяоцунзырь (нашъ „крестникъ“, какъ мы называли его въ шутку) переходитъ со своей шайкой на службу къ русскимъ на роль развѣдчика-партизана!

Поручикъ К, (только что оправившійся отъ полученной осенью въ стычкѣ съ Сяоцунзыремъ раны), владѣвшій китайскимъ языкомъ, былъ назначенъ руководить дѣятельностью своего недавняго врага.

Съ нимъ, ввидѣ русскаго кадра, отправилось 25 казаковъ-охранниковъ.

Я никогда не предполагалъ, что судьба и мнѣ готовить вторую встрѣчу съ легендарнымъ предводителемъ хунхузовъ, какъ вдругъ въ маѣ 1905 г. я по-

лучиль предписаніе ѣхать въ с. Хорсянтунь (на границѣ Монголіи) и смѣнить поручика К. подлежащаго эвакуаціи вслѣдствіе открывшейся раны.

Думаю, что онъ и сосваталъ меня на эту интересную командировку!

Партизанскій отрядъ, вѣрнѣе его штабъ, занималъ громадную импань (импань — усадьба, обнесенная высокими стѣнами со сторожевыми башнями) у с. Хорсянтунь. Впрочемъ, въ импани находилось только человекъ 20—25 казаковъ-охранниковъ и часть партизанъ со своимъ предводителемъ.

Остальные отдѣльными конными заставами были разбросаны въ прилегающемъ районѣ Монголіи, а кромѣ того небольшими партіями вели развѣдку въ глубь ея.

Хунхузевъ-партизанъ числилось офиціально и получало отъ насъ жалованье, винтовку и патроны — 120 человекъ, но на самомъ дѣлѣ ихъ было всегда больше.

Что касается кадра отряда—казаковъ-охранниковъ, то это были старые боевые Манчжурцы, но, къ сожалѣнію, сильно подверженные ханшину. Къ нему они имѣли какой-то особенный нюхъ, умудряясь его доставать, несмотря на всѣ мѣры и запрещенія, какъ будто изъ подъ земли!

Боевая служба отряда была интересной и легкой.

Противъ насъ дѣйствовали такіе же партизанскіе отряды, съ очень небольшимъ процентомъ японскихъ кавалеристовъ среди нихъ. Восточнѣе насъ, верстахъ въ 40—45, стоялъ цѣлый конный Заамурскій полкъ съ 2 конно-горными орудіями — наша поддержка вслучаѣ появленія значительныхъ силъ противника.

Прибывъ къ мѣсту своего назначенія, я отпустилъ ожидавшаго меня больного предшественника и приступилъ къ осмотру своихъ новыхъ подчиненныхъ и ихъ коней.

Ко мнѣ явился молодой, очень красивый китаецъ, свободно говорившій по русски.

Онъ, отрекомендовавшись адъютантомъ Сяоунзыря—Ли, почтительно мнѣ доложилъ, что предводитель меня ожидалъ только на завтра, поэтому отлучился на заставы, но что ему уже дано знать о моемъ приѣздѣ.

Дѣйствительно, вскорѣ я услышалъ пронзительные звуки китайскихъ трубъ и многочисленная конная группа въѣхала къ намъ во дворъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, послѣ традиціоннаго обмѣна визитными карточками, я имѣлъ удовольствіе видѣть своего бывшего врага.

Въ великолѣпномъ шелковомъ китайскомъ одѣяніи, но въ русскихъ лакированныхъ сапогахъ, ко мнѣ вошелъ, сопровождаемый почтительной свитой, немолодой статный китаецъ.

Одинъ глазъ у него не то косиль, не то имѣлъ какой то дефектъ.

Обвѣшанный цѣлымъ арсеналомъ оружія, съ кавказскою шашкою въ серебрѣ черезъ плечо, на которой почему то висѣлъ Анненскій Орденскій темлякъ, онъ съ большимъ достоинствомъ черезъ переводчика отрекомендовался предводителемъ отряда — Сяоунзыремъ.

Просидѣвъ нѣсколько минутъ за моимъ незатѣйливымъ угощеніемъ, онъ скоро ушелъ къ себѣ.

Я пошелъ къ нему съ обратнымъ визитомъ. У входа во внутренній дворъ, человекъ 12 головорѣзовъ при моемъ приближеніи прокричали что то по китайски вродѣ привѣтствія и лихо брякнули „на-карауль“.

У воротъ меня встрѣтилъ самъ предводитель, щеголнувшій дорогимъ, расшитымъ золотомъ халатомъ, въ который онъ видимо успѣлъ къ моему приходу приодѣться.

Сопутствуемые большою свитою, мы прошли въ его помѣщеніе.

Здѣсь, въ просторной чистой фанзѣ, прямо на канѣ стояла огромная двухспальная металлическая европейская кровать съ горою русскихъ подушекъ, накрытая голубымъ шелковымъ одѣяломъ.

Около нея въ рядъ красовалось нѣсколько паръ русскихъ лакированныхъ сапогъ, и помоему — разнаго размѣра!

У богато сервированнаго стола, гдѣ среди всякихъ яствъ, были и русскія лакомства и вина, для меня было приготовлено мягкое европейское кресло.

Когда я, послѣ обмѣна любезностями и привѣтствіями, просидѣвъ положенное по ритуалу время, собрался уходить, хозяинъ сталъ просить пожаловать къ нему на вечерній „чуфанъ“ уже запросто.

Я охотно согласился, потому что меня устроило переговорить съ нимъ о дѣлѣ и ознакомиться съ нашей будущей совмѣстной боевой работой. Да и въ интересахъ службы нужно было сойтись съ нимъ по ближе, и, отбросивъ въ сторону всѣ церемоніи, я пошелъ послѣ зари къ нему на ужинъ. Здѣсь, за богато уставленнымъ всякими кушаніями столомъ, попивая русскую наливку и вино (къ которымъ мой хозяинъ имѣлъ вообще большое пристрастіе), мы скоро освоились другъ съ другомъ и даже подружились.

Вспомнили про старое боевое прошлое...

Я разсказалъ Сяоцунзырю, какъ осенью съ казаками гнался за нимъ, и Сянцунзырь, смѣясь сознался мнѣ, что пуля, попавшая въ моего казака Порчанкина, предназначалась имъ для русскаго офицера, который на боьшой красивой лошади скакалъ за нимъ впереди своихъ солдатъ.

Предводитель только уклонился отъ моего вопроса, кто былъ тогда его спутникомъ.

Разговорились мы и про 'его знаменитую лошадь — бѣлоснѣжнаго могучаго Монгола, за которую, какъ оказалось изъ его словъ, онъ заплатилъ одному Монгольскому князю 4.000 рублей серебромъ!

Купилъ ли онъ ее, или отобралъ у кого-нибудь — оставлю на совѣсти Сяоцунзыря.

Былъ у Сяоцунзыря и другой конь, чалый иноходецъ, очень рѣзвый.

За эту лошадь французскій миссіонеръ, Rége Lonée (отецъ Лонэ), любитель иноходцевъ, при мнѣ предлагалъ ему 2000 рублей русскимъ золотомъ!

Впрочемъ, осмотрѣвъ въ послѣдствіи людей и

лошадей отряда Сяоцунзыря и побывавъ на всѣхъ заставахъ, я удивился военно-организаціонному таланту моего новаго пріятеля: весь составъ шайки состоялъ изъ сухихъ, мускулистыхъ людей, сидѣвшихъ на отличныхъ монгольскихъ лошадяхъ.

Вооруженные русскими винтовками, хорошіе стрѣлки и неутомимые наѣздники, они представляли собою великолѣпный боевой матеріаль.

А какъ развѣдчики — выше всѣхъ похвалъ: несмотря на дальность и разбросанность нашихъ передовыхъ частей, я всегда своевременно былъ въ курсѣ всего происходящаго кругомъ насъ.

Объясняю это работою моего предшественника а, главное, способностями Сяоцунзыря, живо интересовавшагося всѣми деталями нашей военной службы и обученія...

Мы окончательно подружились съ предводителемъ и каждый день бывали другъ у друга.

Скоро Сяоцунзырь, за услуги, оказанныя имъ русскимъ, получилъ большую золотую медаль на шею, а потомъ и Георгіевскую медаль. Наградамъ этимъ онъ радовался, какъ ребенокъ и все время ихъ носилъ.

Теперь только, по моему настоянію, онъ разстался съ Анненскимъ темлякомъ, который подарилъ ему за помощь при покупкѣ скота какой то ловкій интендантскій чиновникъ!

Сяоцунзырь какъ то сознался мнѣ, что этихъ украшеній у него много: онъ купилъ въ Гуджулинѣ много разныхъ и одинаковыхъ, только различной величины и формы, русскихъ орденовъ.

Онъ думалъ, что разъ имѣешь деньги на покупку красиваго креста, то можешь его и носить!

Видя, что Кораблевъ и я носили только по одному маленькому „бѣдному“ ордену (Владиміръ 4 степени съ меч. и бант.) онъ, изъ чувства деликатности не хотѣлъ кичиться передъ нами своимъ богатствомъ!...

А время шло...

Я и мои люди, въ смыслѣ существованія, катались какъ сыръ въ маслѣ, и совсѣмъ почти не испытывали на себѣ лишней боевой жизни.

Японскіе отряды появлялись въ нашемъ районѣ

все рѣже и рѣже, да и наши экспедиціи и стычки не носили характера упорныхъ боевъ.

Появлявшіяся небольшія конныя партіи противника отходили, войдя въ соприкосновеніе съ нашими партизанскими заставами и не ждали подхода всего отряда.

Во всѣхъ походахъ за Сяоцунзыремъ, на спеціальной арбѣ, возили мягкое кресло и его русскую кровать съ полнымъ оборудованіемъ.

Къ слову сказать, ни самъ предводитель, ни я кроватью никогда не пользовались: Сяоцунзырь всегда спалъ на своемъ китайскомъ тюфячкѣ, а я пользовался своей неизмѣнною буркой.

Изъ всѣхъ боевыхъ эпизодовъ того времени мнѣ особенно вѣзался въ память одинъ, окончившійся очень трагически для нашего общаго любимца-адьютанта предводителя Ли. (казаки его перекрестили въ Леонтія Ивановича).

Однажды въ степяхъ Монголіи мы „застукали“ небольшою японо-партизанскою отрядъ, такъ коней въ 70—80. Бывшіе съ японцами китайскіе всадники не выдержали нашей конной атаки и разсѣялись, преслѣдуемые моими партизанами.

Оставшіеся въ одиночествѣ японскіе драгуны (человѣкъ 20—25) заняли отдѣльный монгольскій дворъ и стали отстрѣливаться.

Послѣ неудачной попытки выбить ихъ оттуда своими казаками, я, во избѣжаніе потерь, рѣшилъ ждать подхода высланной намъ вслѣдъ изъ полка сотни, и затѣмъ ихъ окружить.

Чтобы не дать противнику уйти до исполненія нашего плана, мы рѣшили занять единственный бродъ черезъ рѣчку у нихъ въ тылу.

Мои охранники были всѣ въ цѣпи, поэтому Сяоцунзырь послалъ туда Ли и далъ ему подъ команду человѣкъ 50 своихъ партизанъ.

Сотня почему то запоздала, а ночью произошла тревога: японцы прорвались какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла партія Ли.

Они напали врасплохъ на спящихъ, часть перебили, часть разсѣяли и ушли, оставивъ на мѣстѣ 2 убитыхъ и одного тяжело раненнаго драгуна.

Сяоунзырь, узнавъ объ этомъ конфузѣ, рвалъ и металъ.

Онъ тутъ же хотѣлъ казнить Ли.

Послѣдняго спасло мое заступничество и предводитель съ неохотой далъ мнѣ слово, что онъ „не отрубить ему головы“.

Когда мы вернулись послѣ неудачной экспедиціи домой, проснувшись на другой день, я узналъ отъ своего переводчика, что Ли ночью казненъ.

Помня свое обѣщаніе не рубить ему головы, Сяоунзырь, чтобы не потерять лица, приказалъ въ своемъ дворѣ привязать несчастнаго къ большому дереву, которое потомъ спилили.

Конечно старый дубъ, падая, раздавилъ Ли на смерти.

Самъ Сяоунзырь, предвидя мое неудовольствіе, съ утра поспѣшилъ уѣхать на заставы!

Я имѣлъ опредѣленную инструкцію не вмѣшиваться во внутренніе распорядки Сяоунзыря, поэтому не могъ отправкою Ли въ полкъ предотвратить эту жестокость дикаря.

Какъ нарочно, черезъ три дня произошло событіе, едва не кончившіеся для насъ русскихъ катастрофой.

Нѣсколько предприимчивыхъ кавказцевъ, отъ знаменитаго подрядчика Громова, отправились далеко втлубь Монголіи за скотомъ. Закупивъ скотъ у монголь, они пользуясь невѣжествомъ кочевниковъ, всучили имъ при расплатѣ, вмѣсто русскихъ кредитныхъ билетовъ (тогда бумажки котировались выше золота и особенно серебра), нѣсколько красивыхъ радужныхъ бумажекъ отъ Остроумовскаго мыла!

Монголы приняли эти бумажки, но потомъ разобравъ, что они одурачены, нагнали обманщиковъ и убили двухъ или трехъ изъ нихъ.

Уцѣлѣвшіе спаслись отъ преслѣдователей на мою заставу.

Послѣдніе повезли ихъ ко мнѣ подъ небольшимъ конвоемъ. За ними увязались и представители монголь.

Къ несчастью по дорогѣ арестованные встрѣтили разъѣздъ Уссурійскаго Казачьяго дивизіона подъ ко-

мандою осетина хорунжато А-ва. Преступники, боясь отвѣтственности за свои дѣянiя, пожаловались хорунжему, ложно обвинивъ въ нападенiи на нихъ и арестъ безъ причинъ — моихъ партизанъ.

Пылкій Аб-въ, не разобравъ дѣла, освободилъ своихъ соотечественниковъ, перепоролъ ногайками партизанскiй конвой, отобралъ у него оружіе, а самъ поспѣшилъ вернуться въ полкъ.

Мои хунхузы, узнавъ объ истязанiи русскими ихъ товарищей начали волноваться и часть ихъ дезертировала съ оружіемъ изъ отряда.

Я и мои казаки пережили нѣсколько непрiятныхъ дней, окруженные озлобленными на русскихъ за это избiеніе, партизанами.

Въ одну изъ тревожныхъ ночей ко мнѣ явился, безъ всякаго оружія, въ качествѣ заложника самъ Сяоцунзырь.

Онъ заявилъ, что намъ не грозитъ никакой опасности и предложилъ убить его при первой попыткѣ къ возстанію его подчиненныхъ. Съ прiѣздомъ военнаго слѣдователя все сгладилось и отношенiя снова наладились.

Чѣмъ кончилось это для хорунжаго А-ва, своимъ необдуманномъ поступкомъ чуть не погубившаго съ такимъ трудомъ налаженное нами дѣло, — теперь не помню!

Передъ самымъ возвращеніемъ Кораблева произошелъ еще один, отчасти носившій комическiй отбнокъ, эпизодъ.

Съ одной изъ заставъ мнѣ донесли, что наши развѣдчики прослѣдили въ Монголіи какихъ то двухъ подозрительныхъ иностранцевъ, но помня горькiй урокъ прошлаго, не рѣшаются ихъ задержать безъ моихъ людей.

Для поимки обнаруженныхъ мною былъ высланъ партизанскiй развѣздъ, при которомъ было три казака.

Сопровождавшіе путешественниковъ монголы, замѣтивъ скачущихъ къ нимъ вооруженныхъ всадниковъ, бросили своихъ господъ и ускакали.

Европейцы, сперва схватились было за револь-

веры; но увидѣвъ среди партизанъ моихъ казакъ въ подѣхъ кѣ нимъ и сдались,

Полковой урядникъ мнѣ доносилъ, что задержалъ англійскихъ шпионовъ, которыхъ по ихъ требованію онъ везетъ ко мнѣ.

Къ вечеру къ намъ прибыло два загорѣлыхъ молодыхъ человѣка, одѣтыхъ въ запыленные спортивные костюмы и шлемы.

Сопровождавшіе ихъ охранники передали мнѣ, отобранные у нихъ документы португальскихъ подданныхъ, визированные въ Тянцинѣ.

Одинъ изъ задержанныхъ по французски попросилъ меня переговорить съ нимъ на единѣ.

Велико же было мое удивленіе, когда въ моей комнатѣ, куда я ихъ пригласилъ для этого разговора, они по русски отрекомендовались мнѣ студентами Владивостокскаго Восточнаго Института, посланными изъ штаба 3 ей арміи на развѣдку!?!

Понятно, что никакихъ русскихъ документовъ они предъявить не могли.

Да простить меня одинъ изъ нихъ Г-нъ Э—въ, кажется и сейчасъ находящійся въ Харбинѣ (или въ Шанхаѣ) что я не взялъ на себя отвѣтственность отпустить ихъ, какъ они хотѣли, а отправилъ въ штабъ полка, откуда они скоро, такимъ же инкогнито, куда то исчезли.

Въ іюлѣ вернулся совершенно оправившійся поручикъ К. и моя интересная, къ сожалѣнію кратковременная, командировка— закончилась.

Дружески распрощался я съ Сяоцунзыремъ. съ которымъ мы обмѣнялись подарками на память: онъ мнѣ— шикарный, дивнаго шелка халатъ и породистаго мула подъ офицерскій вьюкъ; а Сяоцунзырь получилъ отъ меня новинку того времени—Цейсовскій бинокль и черкесское съ серебрянымъ наборомъ сѣдло.

Мои подчиненные—китайцы поднесли мнѣ шелковый плакатъ съ „хорошими словами“.

Послѣ помпезныхъ проводовъ—я вернулся въ свою часть.

Война кончилась. Было заключено перемирие.

Партизанскіе отряды были разоружены и распущены. Часть ихъ успѣла заранѣе дезертировать съ оружіемъ.

Сяоцунзыря я потерялъ изъ виду, потому что полкъ нашъ ушелъ въ Харбинъ для ликвидаціи безпорядковъ запасныхъ въ тылу.

Сотня наша стояла въ землянкахъ, гдѣ то у Нэваго Кладбища, Теперь отъ этихъ построекъ не осталось и слѣда!

Какъ то зимою наши офицеры видѣли Сяоцунзыря въ циркѣ Боровскаго.

Окруженный какими то сомнительными личностями, которыми кишѣлъ тогда тылъ, онъ кутилъ по ресторанамъ, и, какъ мы слышали, въ одну ночь проигралъ въ карты крупную сумму денегъ.

Затѣмъ онъ исчезъ...

Говорили, что онъ поступилъ на китайскую военную службу, откуда, повздоривъ со своимъ новымъ начальствомъ, бѣжалъ—ему угрожала смертная казнь..

Но рокъ сулилъ ему окончить жизнь инымъ путемъ, сдѣлавъ меня свидѣтелемъ его гибели!

Весною 1906 г. стала слышно о появленіи большихъ хунхузскихъ шаекъ, состоящихъ изъ распущенныхъ русскими китайцевъ-партизанъ.

Шайки эти, вначалѣ державшіеся относительно насъ пассивно, стали нападать на интендантовъ, командирруемыхъ въ Монголію за скотомъ, грабили подрядчиковъ Арміи и, наконецъ, разгромили нѣсколько партій топографовъ, производившихъ съемки южнѣе г. Цицикара,

Одна изъ такихъ шаекъ, пройдя линію ж. д. между Анда и Цицикаромъ, напала на транспортъ лошадей, перегоняемыхъ изъ демобилизованной Арміи въ Забайкальѣ, въ подарокъ населенію, обезлошадившему послѣ двухъ мобилизацій (1900 и 1904 г.г.).

Предводителемъ этой шайки оказался мой старый знакомый — Сяоцунзыря!

Для ликвидаціи хунхузовъ въ этомъ районѣ былъ сформированъ карательный отрядъ изъ двухъ конно-

охотничьихъ командъ Сибирскихъ стрѣлковъ и нашей сотни.

Переброшенные (какъ разъ подъ Пасху 1906 г.) по ж. д. изъ г. Харбина, мы выгрузились на ст. Анда, откуда форсированными переходами настигли шайку гдѣ то сѣверо-восточнѣе Цицикара.

Начался неравный бой.

Хунхузы удивительно умѣло, пользуясь мѣстностью, дрались противъ нашихъ превосходныхъ силъ.

Чувствовалось, что школа ими пройденная на службѣ у насъ — не прошла даромъ: они отходили съ боемъ, правильно вели огонь и очень искусно маневрировали.

Мы насѣдали на нихъ два дня, и только на третій день намъ удалось ихъ окружить.

Спѣшившіеся стрѣлки пошли на занятую ими деревню въ штыки, а наша сотня охватила ихъ съ тыла.

Хунхузы сперва держались стойко, но потомъ подъ угрозой штыковой атаки и артиллерійскаго огня подошедшаго къ концу боя Конно-горнаго взвода — бросились на утекъ.

Здѣсь путь отступленія имъ отрѣзала наша сотня.

Началась беспощадная рубка!

И вотъ, во время этой схватки я еще разъ, и въ послѣдній, видѣлъ Сяоцунзыря!

Среди общей сумятицы разсѣивавшихся во всѣ стороны хунхузозовъ, гибнувшихъ подъ ударами Заамурскихъ шашекъ, явно выдѣлялась небольшая группа ихъ, отступавшая съ боемъ и въ относительномъ порядкѣ. Среди нихъ былъ ясно видѣнъ ярко одѣтый свадникъ на бѣломъ конѣ!

Отступая, группа эта спѣшила за буграми и огнемъ встрѣтила, бросившихся на нихъ въ атаку нашихъ всадниковъ. Я поскакалъ со своими людьми къ мѣсту стычки..

Складки мѣстности на время скрыли происхо-

дящее отъ меня, но, когда мы подъѣхали ближе, то увидѣли, что группы уже нѣтъ, что наши рубятъ хунхузовъ и только кучкѣ всадниковъ съ Сяоцунзыремъ (это былъ онъ!) удалось вырваться изъ захлестнувшей ихъ лавы.

Въ этотъ моментъ, какъ оказалось впоследствии, мой вѣрный „Кабардинецъ“ получилъ шальную, из-летную пулю въ животъ... Остановился... захрипѣлъ и сталъ валиться на бокъ...

Я еле успѣлъ соскочить съ него.

Не отвѣчая на вопросы подскочившаго ко мнѣ трубача, я всецѣло былъ занятъ розыгравшейся передо мною картиной.

... Наши конные совсѣмъ насѣли на Сяоцунзыря и его малочисленныхъ спутниковъ.

Онъ какъ бѣшеный, отстрѣливаясь съ коня, вертится среди своихъ.

Гремятъ выстрѣлы, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, но нашихъ много, много больше!

Видно, какъ рѣдѣетъ кучка хунхузовъ вокругъ своего предводителя, но солдаты все еще не рѣшаются атаковать ихъ въ шашки, а стрѣляютъ издали...

Вотъ рухнулъ подъ нимъ его бѣлоснѣжный монголь.

... Сяоцунзырь залегъ за убитаго коня и одинъ стрѣльбою сдерживаетъ преслѣдователей.

Его сотоварищи, кто пѣшкомъ, кто верхомъ на приставшей лошади, пытаются уйти, но имъ въ догонку трещатъ наши винтовки и они падаютъ...

Вдругъ выстрѣлы зачастились:

Изъ за трупа коня во весь ростъ поднялась окровавленная фигура Сяоцунзыря!..

Онъ сдѣлалъ къ намъ нѣсколько медленныхъ тяжелыхъ шаговъ и далеко отбросилъ искаверканную пулей винтовку...

Мы бросились къ нему.

Но Сяоцунзырь выхватилъ револьверъ... блеснулъ у его головы никелированный стволъ и онъ, взмахнувъ руками, опрокинулся навзничь!

Десять пулевыхъ винтовочныхъ ранъ, получен-

ныхъ во время этой стычки, и одиннадцатая револьверная въ голову — прекратили дальнѣйшее сопротивленіе предводителя.

Матерой Манчжурскій волкъ окончилъ свою богатую приключеніями жизнь!..

Такъ закончилась моя третья и послѣдняя встреча съ Сяоцунзыремъ.

«Опальные Кирасиры».

„Но спущены всё занавѣски
И вѣту голубенькихъ глазъ“...

Магдебургскій *) кирисирскій полкъ, въ которомъ началъ свою службу лейтенантъ баронъ Отто фонъ Штромбергъ, стоялъ въ столицѣ одного изъ королевствъ тогда могущественной Германской Имперіи.

Полкъ составляли 4 эскадрона дюжихъ рослыхъ парней изъ мѣстныхъ уроженцевъ, сидѣвшихъ на 4-хъ вершковыхъ, вороныхъ Ганноверскихъ лошадяхъ. Гиганты солдаты, закованные въ блестящія кирасы и нарядные, нѣсколько тяжелые кони.

Шефомъ полка числился самъ Король, а Шефомъ 1-го эскадрона (наиболѣе высокія люди и вороныя, въ бѣлыхъ чулкахъ и съ проточинами лошади) состояла старшая племянница Короля—Принцесса Шарлотта.

Полковыя казармы находились въ Королевской резиденціи и кирасиры считались на положеніи мѣстной Гвардіи.

Офицерское общество, нѣсколько обѣднѣвшее, но сплошь титулованное, было сугубо аристократическимъ.

Естественно, что офицеры полка очень часто приглашались ко двору, являясь постоянными участниками официальныхъ пріемовъ, придворныхъ баловъ, различныхъ празднествъ и пр. развлеченій.

Устраивались въ этихъ, обильныхъ звѣремъ мѣстахъ и парфорсныя охоты, въ которыхъ самое живое

*) П р и м ѣ ч а н і е. Названіе полка и фамиліи героя вымышлены.

участіе принимали двѣ юнныя принцессы, племянницы Короля.

Шарлотта и Эльза, обѣ великолѣпныя наѣздницы, не стѣсняясь придворнымъ этикетомъ, носились со своими фрейлинами верхомъ по окрестнымъ полямъ въ сопровожденіи молодыхъ фендриковъ и лейтенантовъ.

Между молодежью процвѣталь самый откровенный флиртъ.

Не избѣгъ общей участи и нашъ баронъ, но только у него завязался романъ съ одною изъ принцессъ—Шарлоттой, очень экспансивной и, совсѣмъ не по королевски настроенной въ этомъ случаѣ, красивой дѣвицей.

Флиртъ сперва шель въ сдержанныхъ тонахъ, потому что молодой офицеръ отлично понималъ, какими серьезными послѣдствіями можетъ грозить для него дальнѣйшее развитіе романа.

Но въ чувствѣ любви, даже при желаніи трудно установить границы; что же касается молодой дѣвушки, то она не на шутку увлеклась изящнымъ лейтенантомъ, ловкимъ спортсменомъ и неотразимымъ сердцеѣдомъ.

Пока что, а офицерскую холостую квартиру барона украшали фотографическія карточки принцессы въ различныхъ видахъ съ ея личною надписью.

А на одной изъ парадныхъ, придворныхъ, конныхъ каруселей въ дворцовомъ манежѣ, устраиваемой въ честь пріѣзжаго принца, Шарлотта выразила желаніе имѣть своимъ кавалеромъ блестящаго ѣздока кирасирскаго лейтенанта барона фонъ Штромберга!

Напрасны были уговоры Шталмейстера Королевскаго Двора, опредѣленно усмотрѣвшаго въ этомъ нарушеніе придворнаго этикета — капризная дѣвушка стояла на своемъ, уступая гостя кавалеромъ своей младшей сестрѣ, принцессѣ Эльзѣ.

Карусель такъ и не состоялась, а обиженный Принцъ, являвшійся серьезнымъ претендентомъ на руку Шарлотты, поспѣшилъ покинуть королевскую резиденцію.

Офицерская молодежь, сразу замѣтившая склонность принцессы къ ихъ товарищу, всячески старалась

помогать влюбленной парочкѣ, но старшіе офицеры полка посмотрѣли на это иначе и предложили барону прекратить неподходящій флиртъ.

Молодого повѣсу даже хотѣли отправить въ командировку въ Ганноверскую офицерскую кавалерійскую школу, но чье то неизвѣстное заступничество спасло его отъ разлуки съ Принцессой.

А затѣмъ самъ, ничего не подозрѣвавшій Король, спросивъ во время доклада командира полка, зачѣмъ послѣдній хочетъ лишить его придворныхъ дамъ такого блестящаго кавалера и танцора, поставилъ дальнѣйшимъ намѣреніямъ начальства въ этомъ направленіи точку.

Такимъ образомъ лейтенантъ остался въ полку, а молодая принцесса, найдя поддержку у своего королеваннаго заступника, всецѣло отдалась своему чувству.

Бѣдный баронъ, учитывавшій опасности скользкаго пути, на который его толкала вспыхнувшая къ нему любовь высокопоставленной дѣвушки, пытался прекратить все это, но ничего съ нею подѣлать не могъ.

Флиртъ продолжался и принялъ такія рискованныя формы, что вотъ вотъ могъ разразиться скандалъ.

Уже не разъ монументальные кирасиры — часовые, стоявшіе на часахъ у заднихъ выходовъ дворца, были удивлены таинственнымъ ночнымъ появленіемъ въ его саду двухъ закутанныхъ женскихъ фигуръ. Въ одной изъ нихъ они признали молодую принцессу Шарлотту; и странно было еще то, что обѣ заговорщицы, проскочивъ мимо изумленныхъ солдатъ дворцоваго караула, скрылись потомъ гдѣ то въ близъ расположенныхъ кавалерійскихъ казармахъ.

А слѣдующая смѣна часовыхъ была свидѣтельницей ихъ обратнаго поздняго возвращенія.

Но кирасиры любили ласковую, привѣтливую къ нимъ принцессу и свято хранили тайну ея ночныхъ походовъ.

Впрочемъ, однажды вышло уже совсѣмъ откровенно: офицеры и солдаты кирасирскаго Лейбъ-эскадрона, проходившаго рано утромъ мимо дворцовыхъ

помѣщеній на ученье, принуждены были дѣлать видъ, что не замѣчаютъ въ одномъ изъ оконъ, за портьерой одинокой женской фигуры, ласково привѣтствовавшей кого то въ ихъ рядахъ.

Въ этой смѣлой женщинѣ, бывшей къ тому же въ довольно откровенномъ утреннемъ туалетѣ, безъ труда можно было узнать влюбленную Шарлотту, а объектомъ ея рискованной выходки несомнѣнно былъ лейтенантъ баронъ Штромбергъ, сконфуженно ѣхавшій передъ взводомъ Лейбъ-Кирасиръ!

Вскорѣ послѣ этого баронъ, напрыгивая къ конкуру своего горячаго Тракена, загремѣлъ съ нимъ на 2-хъ аршинномъ барьерѣ и сильно расшибся.

Докторъ уложилъ его въ постель.

Навѣщавшіе больного товарища офицеры объѣдались дивными привозными фруктами, ежедневно присылаемыми ему изъ дворца и любовались въ его спальнѣ тепличными розами изъ дворцовыхъ оранжерей.

Таинственныя ночныя посѣщенія квартиры лейтенанта двумя закутанными дамами не прекращались, а стали чаще и продолжительнѣе.

И вотъ, какъ и слѣдовало ожидать, наступила грустная развязка романа.

Случилось то, чего со страхомъ ожидалъ баронъ.

... Тихо было ночью на старинной, передѣланной изъ стараго дворцоваго манежа, конюшнѣ Кирасирскаго Лейбъ-эскадрона, помѣщавшейся въ 1-мъ этажѣ подъ офицерскими квартирами.

Вяло жевали заложенное на ночь сѣно лошади, а нѣкоторыя, растянувшись въ просторныхъ денникахъ — спали.

Тускло, во мракѣ мерцали ночныя лампочки.

Наверху давно погасли огни въ офицерскихъ квартирахъ, только плотно завѣшанныя окна помѣщенія барона, выходящаго чернымъ ходомъ на лѣстницу къ заднимъ воротамъ конюшни, были освѣщены...

Дежурный по конюшнѣ вице-вахмистръ, отдавъ

распоряженія дневальнымъ, закутался въ кирасирскій плащъ и было прикурнулъ въ углу на сѣнѣ.

Но не долго продолжалась его дремота.

Онъ услышалъ за воротами конюшни чьи то голоса, и, выглянувъ наружу, увидѣлъ группу офицеровъ, направлявшихся черезъ дворцовый плацъ къ подъѣзду офицерскихъ квартиръ.

Среди нихъ онъ узналъ своего командира полка, сопровождавшаго дежурнаго Генерала-Адъютанта Королевской Свиты.

Сзади виднѣлось нѣсколько старшихъ офицеровъ и съ ними шла одна изъ статсъ-дамъ Королевы. Старый, сверхсрочный служака уже хотѣлъ должнымъ порядкомъ встрѣтить высокое начальство, но они прошли мимо и скрылись въ подъѣздѣ.

Прошло нѣсколько минутъ — дежурный былъ на чеку... Вдругъ заднія ворота конюшни, которыя примыкали къ черному ходу офицерскихъ квартиръ, распахнулись и на порогѣ появилась въ сильно растрепанномъ видѣ... Принцесса Шарлотта!

Кирасиры обомлѣли отъ изумленія,..

Но дисциплина и выучка взяли свое: дневальные, вытянувшись, превратились въ каменные столбы, а бравый вахмистръ, не растерявшись, звеня шпорами и громыхая тяжелымъ палашемъ, было двинулся съ рапортомъ навстрѣчу своему Шефу.

Но въ слѣдующій моментъ, чуть не сбивъ его съ ногъ, Шарлотта проскочила по проходу мимо него и, хлопнувъ дверью, бѣгомъ скрылась въ темнотѣ дворцоваго плаца!

Никто не беспокоилъ больше ревностнаго служаку и казалось, что ночной визитъ Принцессы въ конюшню останется тайною для Двора.

Увы! Происшествіе было чревато дальнѣйшими событіями: наступившее утро уже не застало вице-вахмистра и дневальныхъ въ Кирасирскомъ полку. Невольные свидѣтели страннаго возвращенія Принцессы ночью черезъ конюшню во дворецъ, были на разсвѣтѣ вызваны въ полковую канцелярію, гдѣ имъ за „усердіе по службѣ“ выдали изрядныя наградныя.

А затѣмъ, съ первымъ же отходящимъ поѣздомъ, въ сопровожденіи спеціально оставленнаго къ нимъ

офицера, ихъ отправили на крейсеръ, увозившій въ Африку пополненіе для Германскихъ колоніальныхъ частей.

И въ тотъ же день въ полку узнали, что любимый всѣми, лихой офицеръ баронъ фонъ Штромбергъ, послѣ продолжительнаго къ нему визита командира полка, выразилъ желаніе быть переведеннымъ въ одинъ изъ нѣмецкихъ гарнизоновъ въ Китаѣ.

Впрочемъ была еще одна жертва ночного событія: фрейлина, графиня Ирма, ближайшая наперстница Принцессы Шарлотты, про которую потомъ при Дворѣ сплетничали, что ее застали ночью въ холостой квартирѣ Кирасирскаго лейтенанта, спѣшно выѣхала „для леченія разстроеннаго здоровья“ — за границу.

Не оцѣнили въ придворныхъ сферахъ самоотверженнаго поступка благородной дѣвушки, которая, спасая реномэ своей высокопоставленной подруги, смѣло встрѣтила визитъ нежданныхъ посѣтителей, ожидавшихъ найти у барона совсѣмъ другую особу!..

Прошло нѣсколько дней и въ одно раннее солнечное утро, на Дворцовой площади, будя сонныхъ обитателей дворца, загрохотали литавры, фанфары протрубили „походъ“, а затѣмъ, подъ мотивъ бравурнаго марша, Магденбургскій кирасирскій полкъ выступилъ походнымъ порядкомъ на новую стоянку, на смѣну вызваннымъ въ Королевскую столицу драгунамъ.

Не пришлось юной Принцессѣ любоваться блестящимъ строемъ своего Лейбъ-эскадрона: строгая статсъ-дама педантично отнеслась къ своимъ обязанностямъ Цербера при находящейся подъ негласнымъ домашнимъ арестомъ проказницѣ.

Да и виновника этихъ проказъ не было въ рядахъ уходившихъ кирасиръ: еще не совсѣмъ выздоровѣвшаго повѣсу, впредь до его перевода на службу въ далекій Китай, отправили въ Берлинъ подъ арестъ на гауптвахту, въ наказаніе „за нарушеніе правилъ благопристойности при несеніи обязанностей Королевской дворцовой охраны“!

Видимо по этимъ правиламъ, ночныя посѣщенія фрейлинами Двора холостыхъ квартиръ кирасирскихъ лейтенантовъ не допускались, не говоря уже объ Осо-

бахъ болѣе высокаго ранга. Но не пойманный — не воръ! . .

Спустя нѣкоторое время Принцесса Шарлотта была благополучно выдана замужъ за одного изъ мелкихъ владѣтельныхъ Князей, а опальный баронъ, смѣнившій Кирасирскій Колетъ на скромную форму офицера колоніальной морской пѣхоты, очутился въ гарнизонѣ Германской крѣпости, расположенной на берегу Желтаго моря въ Китаѣ!

Въ началѣ Великой войны эта германская крѣпость-портъ, въ гарнизонѣ которой продолжалъ свою службу бывший кирасирскій лейтенантъ, баронъ Отто фонъ Штромбергъ, была осаждена японцами.

Германская Дальневосточная эскадра, успѣвшая вырваться изъ крѣпости до ея блокады, была скоро уничтожена англійскими крейсерами въ неравномъ бою.

Знаменитый германскій быстроходный крейсеръ „Эмденъ“, еще до рокового боя отдѣлившійся отъ обреченной эскадры, долго оставался неуловимымъ для судовъ союзниковъ и успѣлъ причинить имъ своимъ смѣлымъ корсарствомъ не мало вреда и убытковъ.

Только нѣсколько мѣсяцевъ спустя, уже въ 1915 г., австралійскому крейсеру „Сидней“, въ компаніи еще нѣсколькихъ судовъ англійскаго флота, удалось, наконецъ, послѣ жестокаго сопротивленія, ликвидировать „Грозу морей“ — „Эмдена“...

Позднею осенью 1914 г., японскій экспедиціонный корпусъ приступилъ къ осадѣ крѣпости съ суши, а соединенная эскадра изъ японскихъ и союзныхъ судовъ блокировала бухту и портъ.

Въ началѣ осады блокирующая эскадра, ожидая сосредоточенія японскихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, предпочитала держаться внѣ досягаемости крѣпостныхъ пушекъ и ограничивала свою дѣятельность лишь наблюденіемъ за заливомъ.

Но вскорѣ нетерпѣливые англичане стали почти ежедневно высылать къ крѣпости для бомбандировки одинъ изъ своихъ кораблей, обладавшій наиболѣе дальнобойной артиллеріей.

Англичанинъ входилъ въ бухту, бросалъ якорь около опредѣленнаго буйка и, недосыгаемый для германскаго артиллерійскаго огня, начиналъ громить „чемоданами“ портъ и береговые форты.

Его появленію на позиціи обычно предшествовалъ осмотръ пути тралерщиками и миноносцами, хотя у нѣмцевъ, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ судовъ и разоруженной австрійской канонерки — станціонера, изъ морскихъ силъ — ничего не было. Окончивъ свое дѣло, крейсеръ безнаказно уходилъ къ вечеру къ своей эскадрѣ.

Итакъ почти каждый день.

Нѣмцы прослѣдили, что корабль всегда становится у буйка, и рѣшили проучить нахала.

... Въ одну изъ темныхъ, бурныхъ ночей отъ крѣпостнаго мола отчалила быстроходная моторная лодка съ экипажемъ всего изъ нѣсколькихъ членовъ.

Гауптманъ (капитанъ) морской пѣхоты баронъ фонъ-Штромбергъ выразилъ желаніе руководить опаснымъ поискомъ.

Крѣпостное начальство, знавшее уже барона, какъ храбраго, рѣшительнаго офицера, остановило свой выборъ на немъ...

... Проскочивъ незамѣтно линію союзныхъ дзорныхъ судовъ, смѣльчаки безшумно подплыли къ буйку и отбуксировали его поближе къ крѣпости.

Здѣсь его и укрѣпили.

При обратномъ возвращеніи, уже недалеко отъ своего берега, шлюпку нащупалъ прожекторъ непріятельскаго сторожевого миноносца.

По лодкѣ былъ открытъ дальній артиллерійскій огонь, причемъ, только всего однимъ случайнымъ попаденіемъ въ корму, былъ смертельно раненъ сидѣвшій по близости баронъ Штромбергъ...

Къ утру его не стало!..

Вмѣстѣ съ трупомъ барона въ могилу положили,

найденную при немъ, пожелтѣвшую отъ времени, женскую фотографическую карточку.

Въ ней товарищи покойнаго безъ труда узнали фотографію одной изъ владѣтельныхъ германскихъ принцессъ, имя которой въ прошломъ фигурировало въ нашумѣвшемъ романѣ молодого кирасирскаго лейтенанта, переведеннаго затѣмъ въ ихъ гарнизонъ.

Жертва барона не оказалась напрасной: союзники, не подозрѣвая какую каверзу приготовили имъ нѣмцы, уже на слѣдующій день рѣшили повторить свой обычный номеръ.

Послѣ бѣглаго осмотра мѣста позиціи у буйка тралерщиками и миноносцами, громадный англійскій крейсеръ, только что недавно прибывшій изъ Гонкъ-Конга, какъ ни въ чемъ не бывало подошелъ къ буйку.

Крѣпостныя орудія молчали...

Но когда корабль, развернувшись какъ на ученьи, приготовился стрѣлять, по немъ забарабанилъ ураганный огонь нѣмцевъ!... Подбитый крейсеръ, съ большимъ креномъ, имѣя пожаръ на борту, еле-еле уползъ подъ эскортомъ миноносцевъ къ своей эскадрѣ*).

Получивъ хорошій урокъ, англичане самостоятельно уже больше не предпринимали попытокъ въ этомъ направленіи.

Впрочемъ, нѣкоторое время спустя, крѣпость эта, отрѣзанная громаднымъ разстояніемъ отъ своей метрополи, защищаемая малочисленнымъ нѣмецкимъ гарнизономъ, не могла долго противостоять сильному японскому осадному корпусу и японо-союзному флоту.

Она капитулировала передъ рѣшительнымъ штурмомъ...

Въ настоящее время городокъ этотъ, когда то оплотъ морского могущества Германіи на Дальнемъ Востокѣ, (возвращенный затѣмъ японцами его исконному хозяину — Китаю), представляетъ собою бла-

---

*) Примѣчаніе: эпизодъ, подобный описанному дѣйствительно имѣлъ мѣсто при осадѣ кр. „Циндао“ союзниками и японцами въ 1914 г.

гоустроенный, фешенебельный морской курортъ, охотно посѣщаемый лѣтомъ не только иностранной публикой Европейскихъ сатлиментовъ Китая, но и нашими соотечественниками изъ г. Харбина.

Если Васъ, читатель, заброситъ какъ-нибудь судьба въ эти интересныя для туриста мѣста, и Вамъ за кружкою привозного Мюнхенскаго пива удастся заколотить дружбу съ однимъ изъ мѣстныхъ сторожиковъ—нѣмцевъ, онъ навѣрное разскажетъ Вамъ, возможно даже съ большими подробностями, эту же исторію, причемъ правдивость подробностей оставимъ на его совѣсти.

А осматривая старыя, запущенныя укрѣпленія посѣтите обязательно германское военное кладбище времянь Великой войны.

Тамъ, среди могилъ павшихъ въ осаду защитниковъ крѣпости, можетъ быть вы розыщете памятникъ съ высѣченными на пьедесталѣ Кирасирскими атрибутами.

Соперница.

Штабсь ротмистръ Баторскій былъ большимъ любителемъ лошадей и считался лучшимъ ѣздокомъ среди офицеровъ полка...

Когда въ первый разъ, въ холодное октябрьское утро онъувидѣлъ ее выходящей послѣ долгого утомительнаго пути изъ вагона, то почувствовалъ, что влюбился въ нее окончательно и безповоротно.

Да и нельзя было остаться равнодушнымъ къ этой маленькой породистой головкѣ на красивой высокого постава шеѣ, къ этимъ стройнымъ, съ отбитыми какъ струны жилами, ногамъ.

Вообще всѣми благородными линиями своего еще окончательно не сложившагося корпуса, эта небольшая, великолѣпно сложенная, съ ясно выраженной арабскою кровью, сѣрая трехлѣтняя кобыла являла собою типъ идеальной верховой лошади, и такъ и просилась на картинку!

Ее звали „Боярышней“ и корона Стрѣлецкаго Государственнаго конскаго завода красовалась у нея подъ гривую...

Сойдя за солдатомъ по сходнямъ, красавица, словно понимая, что группа офицеровъ ею любитъ, распушила хвостъ, подняла кверху головку, и серебристое ржанье огласило воздухъ, какъ будто бы этимъ она привѣтствовала собравшихся ее встрѣчать.

Съ этого момента получить ее въ собственность, изъ партіи уступленныхъ съ завода лошадей, стало *idée fixe* Баторскаго. Много было на нее желающихъ, но послѣ безконечныхъ споровъ и уговоровъ, посту-

пившись нѣсколькими флаконами вина въ собраніи, Баторскій сдѣлался владѣльцемъ „Боярышни“.

Можно съ увѣренностью сказать, что ни одна любящая мать такъ не возилась со своимъ ребенкомъ, какъ возился штабсъ ротмистръ со своимъ новымъ пріобрѣтеніемъ; а его вѣстовой, мрачный полякъ Земба, сдѣлался для нея самою преданною нянькой.

И на сотенной конюшнѣ „Боярышня“ заняла особое привилегированное положеніе.

Въ заботахъ объ удобствѣ общей любимицы, какъ то отошеть у Баторскаго на второй планъ его почти чистокровный „Хунхузъ“, неоднократно радовавшій своего хозяина побѣдами на мѣстномъ ипподромѣ, а большая проказница и шалунья, доморощенный полуторникъ „Лялька“ была даже отправлена въ трубаческій взводъ, подъ надзоръ желавшаго ее купить полкового адъютанта.

Въ просторномъ, свѣтломъ денникѣ, подъ великолѣпною англійскою попоною, которая стоила ровно въ два раза дороже одѣяла ея хозяина, въ холѣ и довольствѣ протекала жизнь молодого животного.

Баловаль ея Баторскій, баловали солдаты, часто кормившіе ея сахаромъ изъ своего казеннаго пайка, а конюшенный козель „Кузька“ постоянно пребывалъ около ея денника.

Впрочемъ ласковая кобыла имѣла еще одного, нѣсколько страннаго друга: маленькій, ручной медвѣженокъ „Мишка“, ходившій на свободѣ, при первой къ тому возможности, любилъ забраться въ денникъ „Боярышни“.

На этой почвѣ у нихъ съ „Кузькою“ происходили большія баталіи, всегда кончавшіеся отступленіемъ медвѣженка въ свою конуру около кузницы...

Росла и развивалась „Боярышня“ и по пятому году превратилась въ нарядную, отличную офицерскую лошадь

Умное, добронравное животное проявило къ выѣздкѣ особенную способность и понятливость—такимъ образомъ къ періоду эскадронныхъ ученій Баторскій имѣлъ подъ сѣдломъ рѣзвук, совкую, пріятной ѣзды лошадь, которую опредѣленно предпочиталъ

двумъ другимъ своимъ лошадямъ—„Хунхузу“ и старому казенно-офицерскому „Досугу“.

Но въ этомъ отношеніи, какъ ни странно, онъ всегда встрѣчалъ сильное сопротивленіе со стороны ухаживавшаго за нею вѣстового.

Стоило Баторскому съ вечера приказать поѣхать на утреннее ученіе кобылицу, какъ на кухнѣ появлялся въ самомъ мрачномъ настроеніи самъ Земба и заявлялъ, что „они (т. е. Боярышня) вечеромъ что то плохо кушали“, и просилъ разрѣшенія подать на ученіе „Хунхуза“.

Дѣло осложнялось еще тѣмъ, что въ этой уловкѣ вѣстовой встрѣчалъ поддержку не только со стороны командирскаго деньщика, но даже бравый вахмистръ сотни всегда былъ радъ оставить кобылицу дома,

И часто случалось, что раннимъ утромъ, когда уже солдаты строились на ученіе, передъ крыльцомъ офицерскаго флигеля, вмѣсто „Боярышни“ стоялъ поѣдланый „Хунхузъ“, котораго, съ видомъ человѣка рѣшившаго на все“, держалъ въ поводу Земба.

Неизмѣнно оказывалось, что „Боярышня“ не лягала (не ложилась) всю ночь и утромъ опять что то плохо кушали“.

Конечно, все это было лишь выдумкою со стороны желѣвшаго ее вѣстового.

А здоровая и веселая кобылица, оставаясь на конюшнѣ, баловалась и играла, а за нее на ученіѣ отдувался готовившійся къ скачкамъ „Хунхузъ“.

Когда же Баторскій, къ вящему ужасу Зембы, приступилъ и къ ея тренировкѣ, то у офицера съ вѣстовымъ произошла сильная размолвка.

Преданный солдатъ заявилъ, что онъ не можетъ въ такомъ случаѣ отвѣчать за порученную ему уходу лошадь и просилъ отчислить его въ строй.

А между тѣмъ кобыла оглично прыгала, была достаточно рѣзва для полукровныхъ стипль-чезовъ и потому имѣла много шансовъ на успѣхъ.

Кое какъ удалось Баторскому убѣдить упрямаго Подольца, что здоровью его любимицы не грозить никакихъ опасностей...

Въ первые же два дня весенняго сезона „Боярышня показала себя: взяла призъ за выѣздку, а на

полукровномъ 2-хъ верстномъ стипль-чэзъ легко была второй.

Впрочемъ Баторскій былъ самъ вновать, что кобыла на финишѣ не вышла на первое мѣсто: у него не хватило духу бить хлыстомъ, для выигрыша приза, любимое, старательное животное и безъ того съ большимъ сердцемъ проскакавшее свою первую скачку.

Но несмотря на это, упрямый Земба, такъ обожавшій порученную ему лошадь, дня три дулся на своего офицера, считая, что тотъ не жалѣетъ его любимицу...

Черезъ недѣлю послѣ этой скачки былъ назначенъ самый интересный послѣдній день сезона.

Это воскресенье было для „Боярышни“ днемъ большого дебюта: кобыла была записана на большой конкуръ-иппикъ, въ которомъ 10 серьезныхъ препятствій (въ норму времени и на чистоту прыжка), расположенныхъ въ различныхъ направленіяхъ, требовали не только опытнаго ѣздока, но и хорошо напрыганной, совкой лошади.

На репетиціяхъ она очень охотно шла по барьерамъ, а въ прыжкѣ проявляла спокойный расчетъ.

Боялся онъ только одного: кобыла почему то вообще не любила толпы, а по несчастью самое серьезное препятствіе — высокая (деревянная подъ кирпичъ) стѣнка стояла какъ разъ на прямой у трибуны, примыкая однимъ концомъ барьера къ ея периламъ.

Въ воскресенье, уже съ утра ипподромъ принялъ особенно праздничный видъ.

Начальство, офицеры конныхъ полковъ и конно-артиллерійскаго дивизіона, многочисленная приглашенная публика заполнили трибуны.

Яркими красками пестрѣли нарядные туалеты дамъ среди военныхъ и штатскихъ посѣтителей.

Два хора трубачей по очереди услаждали слухъ присутствующихъ модными поппури, а передъ веселой, оживленною толпою, какъ въ мѣняющемся калейдоскопѣ, одно за другимъ проходили различныя состоя-

занія офицеровъ и солдатъ во всѣхъ видахъ верхового коннаго спорта...

Баторскому не удалось попасть въ трибуны: съ самаго начала скачекъ ему, какъ члену технической комиссіи, пришлось находиться на кругу; то судьей у препятствій, то стартеромъ солдатской скачки, то быть у вѣсовъ.

Лишь только, проскакавъ и выигравъ 2-хъ верстную барьерную скачку на „Хунхузъ“, онъ урвалъ, наконецъ, время пойти въ паддокъ.

„Боярышню“ онъ засталъ уже тамъ. Посѣдланная стильнымъ, выписаннымъ изъ Петербурга сѣдломъ, въ новой модной уздечкѣ, на диво вычищенная, нарядная, какъ невѣста передъ вѣнцомъ, красиво перебирая стройными ногами въ яркожелтыхъ бинтахъ, ходила по кругу кобылица за прифрантившимся Зембою...

Нѣсколько офицерскихъ лошадей было тутъ же...

Но мрачно смотрѣлъ Земба.

И Баторскій сразу понялъ причину его сквернаго настроенія: у дверей ипподромной конюшни, бравый гвардейскій уланъ, въ полосатомъ уланскомъ кушакѣ и этишкетѣ, возился, окончивая „туалетъ“ лошади, около 5 ти вершковаго, выводнаго изъ Англіи, рыжаго Ирландца капитана Филиповскаго.

Кругомъ толпились офицеры и вслухъ выражали одобреніе дѣйствительно выдающемуся коню.

Лошадь капитана, приведенная имъ изъ гвардейскаго полка, гдѣ онъ служилъ до Академіа, бравшая уже призы въ столицѣ, являлась главнымъ конкурентомъ „Боярышни“, и этого было достаточно, чтобы Земба ее ненавидѣлъ.

Но это было еще не все.

Какъ доложилъ Баторскому Земба, „ихъ“ кобылицу смотрѣла какая то дама, пришедшая въ паддокъ въ компаніи „цивильнаго“ и двухъ чужихъ офицеровъ.

Суевѣрному крестьянину, какимъ до службы, въ своей Подольской губерніи былъ Земба, не понравилась, что женщина передъ скачкою похвалила его лошадь, и въ конецъ разозлило замѣчаніе этой дамы, что ихъ маленькой лошаdkѣ трудно будетъ справиться съ рослымъ капитанскимъ конемъ, бравшимъ призы въ Петербургѣ на состязаніяхъ Гвардіи.

Обиженный за свою любимицу, всегда сдержанный и дисциплинированный солдат не могъ сдержаться и, какъ узналъ въ послѣдствіи Баторскій, заявилъ дамѣ, что „Боярышню“ можно и въ Петербургъ въ Гвардію, что тамъ она будетъ первою офицерскою лошадыо! Услышавъ его слова, женщина засмѣялась и уходя сказала Зембѣ: „посмотримъ, любезный, какъ она покажетъ себя сегодня!..“

Съ трудомъ успокоилъ своего вѣстового Баторскій, но у него, послѣ этихъ словъ, появилось иросло въ душѣ какое-то предчувствіе неудачи...

Впрочемъ, когда Баторскій сѣлъ на лошадь, чтобы выѣхать къ старту, онъ почувствовалъ знакомую увѣренность: онъ зналъ, что кобылица не закинется и не подведетъ его...

„Боярышня“ круто собралась, какъ-то вся напряжилась и легкимъ танцующимъ тротомъ пошла на середину круга, гдѣ уже собирались участники конкурса...

Баторскій долженъ былъ скакать 3-мъ номеромъ, У флага, обозначающаго стартъ, уже наготовѣ стоялъ верхомъ красивый офицеръ Генеральнаго Штаба. Его рослый, слегка декаденскаго вида конь грызъ въ нетерпѣннй удила и копалъ ногой землю...

Баторскій невольно залюбовался своимъ главнымъ конкурентомъ и въ этотъ моментъ ему почему-то вспомнились слова незнакомой дамы, опасавшейся за успѣхъ „Боярышни“.

Впрочемъ, была еще одна серьезная соперница для его лошади: старая, чистокровная „Грабина“ — поручика фонъ-Деттихъ, также являлась опасною конкуренткою въ состязаніи на призъ. Остальныхъ 7 или 8 лошадей Баторскій въ расчетъ не принималъ.

По звонку съ судейской бесѣдки стартеръ, толстый, высокій полковникъ, выпустилъ первымъ номеромъ Капитана Филиповскаго.

Широкимъ броскомъ охотничьяго галопа съ мѣста пошелъ горячій Ирландецъ.

Высоко въ воздухѣ надъ бревнами перваго барьера мелькнули его свѣжекованныя копыта... Не уменьшая хода, длиннымъ, настильнымъ прыжкомъ прыгала остальные барьеры горячая лошадь и казалось временами, что вотъ вотъ собьется она съ темпа и вдребезги разнесеть препятствіе.

Но искусно вель своего прыгуна смѣлый, принаровившійся къ нему ѣздокъ, „ловиль“ моментъ прыжка, и публика привѣтствовала его дружными аплодисментами.

Чисто, безъ зацѣпокъ прошелъ весь паркуръ главный конкурентъ Баторскаго, и это было уже хуже!..

Второй скакала гнѣдая, сильно тронутая на ноги „Офелія“ подъ молодымъ офицеромъ — конно-артиллеристомъ

И невольно почувствовалось во всадникѣ и въ лошади опредѣленная неувѣренность: первый барьеръ — бревна — она взяла въ обрѣзъ, вымученнымъ прыжкомъ; густо цѣпанула на слѣдующемъ, и сразу послѣ этого какъ-то завяла...

Послѣ двухъ закидокъ на валъ съ канавой — конно-артиллеристъ съѣхалъ съ круга.

Наступила очередь Баторскаго.

Сразу взяла ровный махъ галопа спокойная, хорошо выѣзженная „Боярышня“ и, нѣсколько усиливъ затѣмъ аллюръ, легко, съ запасомъ, какъ будто бы бросивъ его подъ себя, прыгнула бревенчатый барьеръ...

Увѣренно, съ тѣмъ же спокойнымъ расчетомъ прошелъ Баторскій еще два препятствія. Публика, еще находившаяся подъ впечатлѣніемъ прыжковъ Петербургскаго гастролера, наконецъ, оцѣнила эффектные, расчетливые прыжки этой небольшой, сравнительно съ Ирландцемъ, лошадки.

И когда „Боярышня“, повернувъ на корзинку, съ хорошаго хода, въ два отбитыхъ темпа, чисто, красиво взяла ее — Баторскаго встрѣтили аплодисменты.

Довольный успѣхомъ, онъ поспѣшилъ перевести лошадь на болѣе короткій галопъ: уже недалеко впереди, преграждая дорожку, уродливо краснѣлъ высокій барьеръ — выкрашенная подъ кирпичъ деревянная стѣнка, которой такъ опасался Баторскій...

Ровнымъ, небольшимъ галопомъ, четко выбрасы-

вая впередъ правую переднюю ногу, приближалась „Боярышня“ къ барьеру.

Она вся собралась, напряглась, словно нацѣливалась къ прыжку.

Слѣва отъ Баторскаго надвинулись чьи то лица, донесся шумъ разговора многочисленной публики... Кобыла насторожила уши, и ему показалось, что эта глазѣющая и галдящая толпа отвлекаетъ вниманіе его лошади отъ барьера.

А онъ приближался и увеличивался въ размѣрахъ... За нѣсколько шаговъ до него, среди толпившейся за перилами публики, Баторскому сразу бросилось въ глаза чье-то улыбающееся, сильно подрисованное молодое женское лицо въ большой шляпѣ подъ кружевнымъ красноватымъ зонтикомъ.

На мгновенье ихъ взоры встрѣтились...

Баторскимъ овладѣло какое то непріятное ощущеніе, родъ какого то безпокойства, и назойливая мысль, что это она, та дама, смотрѣвшая передъ скачкою его лошадь, вонзилась въ его мозгъ.

Одновременно съ тѣмъ онъ почувствовалъ, что кобыла мѣняетъ ногу и тормозитъ на ходу.

Въ слѣдующій моментъ „Боярышня“ какъ то странно вильнула задомъ, зонтъ очутился гдѣ то сзади и ниже Баторскаго, а его самого словно пружиною поддало кверху.

Отдавая поводъ, онъ понялъ, что кобыла не рассчитала прыжка и онъ будетъ неудачнымъ. Дѣйствительно, вслѣдъ за этимъ послышался характерный стукъ задѣтыхъ досокъ барьера.

„Боярышня“, снявшись на прыжокъ слишкомъ поздно, задѣла ногами стѣнку!

Раздались чьи то сорванные, одиночные хлопки...

Пока Баторскій успѣлъ дать себѣ окончательно отчетъ въ томъ, что случилось, слегка ткнувшаяся кобыла оправилась, и отфыркиваясь, перейдя чуть ли не въ карьеръ, понеслась на плетенный барьеръ...

Машинально, почти не управляя лошадью, допрыгаль Баторскій остальные препятствія.

Умная кобылица брала ихъ съ такимъ большимъ запасомъ, что когда она птицей, съ полного хода, перемахнула канаву, и одинъ моментъ казалась летящей

въ воздухѣ, — молчавшая публика снова разразилась бурными аплодисментами.

И во время прыжковъ и потомъ, когда Баторскій вмѣстѣ съ Зембою на ипподромной конюшнѣ возился около вспотѣвшей „Боярышни“, передъ нимъ неотступно стоялъ преслѣдовавшій его образъ женщины.

Образъ „проклятой вѣдьмы“ (какъ мысленно ругалъ онъ ее), сглазившей его лошадь.

Конечно винилъ Баторскій и себя въ проигрышѣ приза, и стыдно было ему усмотрѣть въ глаза надувшемуся Зембѣ...

Только черезъ полчаса, послѣ того, какъ мрачный, что то ворчавшій про себя, Земба повелъ покрытую нарядною клѣтчатою попоной, разсѣдланную „Боярышню“ домой, Баторскій, не безъ задней мысли увидѣть эту „чертовку“ пошелъ въ трибуны...

Но „чертовка“ оказалось совсѣмъ не вѣдьмой, а очаровательной молодой женщиной.

Она не улетѣла послѣ колдовства на „Лысую Гору“, а какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣла въ нижней ложѣ, окруженная компаніей мужчинъ.

Мало того, увидѣвъ проходящаго мимо Баторскаго, она закатила ему такіе „глазки“, что онъ почувствовалъ, что колдовство дѣйствуетъ на него и въ „пѣшемъ строю“.

Вскорѣ затѣмъ состоялось ихъ знакомство.

Какъ заявила при этомъ Баторскому Инна Николаевна, она уже познакомилась въ паддокѣ съ его прелестной „Боярышной“, пикировалась съ его мрачнымъ вѣстовымъ, а теперь ей представили самого хозяина лошади, который былъ передъ барьеромъ, видимо, кѣмъ то очень и очень заинтересованъ въ публикѣ!..

Кто то изъ офицеровъ поспѣшилъ сообщить ему, что „Боярышнѣ“ все таки присуждены 3-й призъ.

Правда удовольствоваться маленькимъ серебрянымъ жетончикомъ, вмѣсто того, чтобы выиграть красивую, цѣнную вещь и получить приличную сумму денегъ, было для Баторскаго большимъ огорченіемъ,

но Инна Николаевна его такъ мило утѣшала, что онъ скоро въ ея обществѣ забылъ про свою неудачу.

Время до конца скачекъ прошло весело и незамѣтно.

Онъ скоро узналъ изъ разговора, что молодая женщина совсѣмъ недавно развелась со своимъ мужемъ, служившимъ въ нашемъ консульскомъ корпусѣ въ Китаѣ, что она съ нимъ раньше исколесила всю Европу, а теперь возвращается въ Петербургъ, мечтая поступить тамъ на драматическіе курсы!

И вотъ по пути въ столицу, она заѣхала повидаться съ замужней старшей сестрой, мужъ которой служилъ въ мѣстномъ банкѣ...

Конечно, все это было естественно и правдоподобно, но на Баторскаго произвело впечатлѣніе, что 28-ми лѣтней обезпеченной и красивой бабенкѣ просто хотѣлось на свободѣ пожуировать.

Да и причину задержки Инны Николаевны въ ихъ городѣ онъ усмотрѣлъ въ толстомъ, представительномъ инженерѣ, который смотрѣлъ на молодую женщину масляными, влюбленными глазами и былъ ея вѣрнымъ чичеронѣ.

Послѣ скачекъ рѣшили обѣдать всей компаніей въ ресторанѣ „Grand Hôtel'я“ гдѣ жила Инна.

Переодѣвшись въ своемъ номерѣ, она вышла къ ожидавшимъ ее въ холлѣ мужчинамъ.

Парижское вечернее платье-модель, слишкомъ, пожалуй, шикарное для обыкновеннаго экспромтнаго обѣда, и надѣтыя драгоценности, правда, какъ нельзя лучше подчеркивали ея оригинальную красоту и стройную, чуть полную фигуру, но такой откровенный, экстравагантный туалетъ скорѣе подходилъ для эстрады фешенебельнаго столичнаго кафе-шантана, годился бы, быть можетъ, для обѣда въ какомъ нибудь изъ отелей Шанхая, а для ресторана хотя и первоклассной, но по дальневосточному совершенно не претенціозной гостиницы—онъ былъ слишкомъ вызывающимъ.

Во всякомъ случаѣ, несмотря на это „потрясающей“ (какъ его опредѣлилъ Баторскій) нарядъ Инны имѣлъ опредѣленный успѣхъ у ея кавалеровъ, а присутствіе нѣсколькихъ мужчинъ за столомъ, на

перебой старавшихся услужить своей единственной дамѣ—дѣлало ее королевой.

Впрочемъ Инна за обѣдомъ сама откровенно созналась, что вообще предпочитаетъ исключительно мужское общество и терпѣть не можетъ присутствія въ компаніи женщинъ.

Очень весело и непринужденно прошелъ обѣдъ, затянувшійся до поздняго вечера.

И во время него, слегка подвипившая Инна, къ плоху скрываемому неудовольствію инженера, усиленно флиртвала съ Баторскимъ.

А онъ чувствовалъ, что противъ своей воли попадаетъ подъ влиянія чаръ опытной кокетки.

Послѣ обѣда рѣшили ѣхать всей компаніей въ городской садъ на оперетку, а затѣмъ тамъ же, на верандѣ лѣтняго кафе шантана, ужинать.

Вставшій въ этотъ день очень рано, Баторскій, ссылаясь на усталость, пытался отклониться и уѣхать, но Инна его задержала.

Капризнымъ, не допускающимъ возраженія тономъ, она заявила, что у нея къ нему есть дѣло, о которомъ надо поговорить и просила остаться до отъѣзда компаніи въ театръ. Вскорѣ она ушла къ себѣ переодѣваться, а мужчины разошлись, чтобы черезъ часъ опять собраться вмѣстѣ.

Кое кто изъ нихъ отправился домой; вѣрный пажъ Инны — толстый инженеръ умчался за какими то особенными розами для нея, а ожидать Инну въ hall'ѣ гостиницы остались только Баторскій, два сразу засѣвшихъ за шахматы офицера да директоръ банка — начальство beau frèrе'а молодой женщины.

Послѣдній Впрочемъ, послѣ сытнаго обѣда, сразу задремалъ въ глубокомъ кожанномъ креслѣ подъ пальмами...

Такъ прошло минутъ 20, какъ вдругъ на порогѣ hall'а появился одѣтый въ голубую съ золотыми галунами курточку мальчишка — отельный посыльный и громко заявилъ, что г-на Баторскаго просятъ изъ полка къ телефону.

Но когда Баторскій вышелъ и было направился къ аппарату, пикколо его задержалъ и, не скрывая

лукавой улыбки, сказалъ ему, что его просить къ себѣ дама изъ четвертаго номера.

Удивленный такимъ секретнымъ приглашеніемъ, онъ поспѣшилъ подняться на 2-ой этажъ...

Когда Баторскій, послѣ стука, вошелъ въ маленькую переднюю, соединявшую двѣ комнаты, спальню и гостинную номера Инны, она встрѣтила его въ кокетливомъ, отдѣланномъ кружевами, прозрачномъ, какъ паутинка, копотѣ.

Подъ этимъ домашнимъ нарядомъ, который красивыми складками облегалъ ея фигуру, видимо ничего не было одѣто, или одѣто слишкомъ мало.

И какъ то случилось, но вышло такъ, что Баторскій самъ не отдавая себѣ отчета, привлекъ къ себѣ молодую женщину!

Но дерзость его не была наказана, потому что его шею обняли двѣ полныя, бѣлыя въ браслетахъ руки, а послушное женское тѣло, такъ легко осязаемое подъ тоненькимъ батистомъ, тоже прильнуло къ нему!

Вернувшійся затѣмъ въ hall офицеръ, уже не уѣхалъ домой, какъ предполагалъ, а, стравленный ядомъ женской ласки, терпѣливо остался ждать появленія своей повелительницы...

Только спустя очень долгое время, когда уже всѣ давно собрались, Инна нарядная, оживленная, сверкающая брилліантами сапфировыхъ серегъ, впорхнула въ комнату, гдѣ ее ждали мужчины. Инженеръ съ церемоннымъ поклономъ приподнесъ ей дѣйствительно роскошные цвѣты...

„Высочайшій“ выходъ состоялся!

Баторскій былъ окончательно очарованъ ею.

Молодая женщина, весело болтавшая съ ожившими ее кавалерами, конечно, замѣтила производимое на него впечатлѣніе, и лукавыя искорки, какъ напоминаніе о связующей ихъ, только имъ однимъ извѣстной тайнѣ только что пережитаго приключенія запрыгали у нея въ глазахъ.

А вслѣдъ затѣмъ Инна, какъ о чемъ то давно рѣшенномъ, объявила присутствующимъ, что она

скоро начнеть брать уроки верховой ѣздѣ, и что Мег Баторскій любезно согласился быть ея учителемъ, „— обѣщая предоставить ей для этого свою прелестную „Боярышню!“ закончила она торжествующимъ тономъ.

Удивило Баторскаго то обстоятельство, что компанія встрѣтила заявленіе Инны аплодисментами, но ему ничего не оставалось дѣлать, какъ въ знакъ согласія поклониться и щелкнуть шпорами...

Правда все это онъ продѣлалъ со скрытымъ неудовольствіемъ, потому что Баторскій никому, кромѣ Зембы, кобылу въ ѣзду не давалъ.

Кромѣ того, всего какойнибудь часъ тому назадъ, когда, ласкающаяся къ нему въ номерѣ Инна просила его объ этомъ — онъ ей отказалъ, предложивъ любую лошадь, только не „Боярышню“.

Но теперь обѣщаніе было дано при свидѣтеляхъ и его надо было исполнить...

Веселою, шумною гурьбою поѣхали въ садъ.

Но не долго пришлось Баторскому слушать красивыя мелодіи „Веселой Вдовы“.

Инна заявила, что ей въ театрѣ скучно, и компанія поспѣшила занять заранѣе заказанную ложу на верендѣ кафе-шатана.

Ужинали... Ломился отъ закусокъ и всякой снѣди огромный столъ. Искрилось въ фужерахъ вино. Важно, священнодѣйствуя распорядился безшумными боями представительный *maitre d'hôtel*.

Номеръ за номеромъ шла на эстрадѣ программа. Пѣли и танцевали красивыя оголенные женщины. Въ дикой пляскѣ и буйныхъ выкрикахъ хоровой пѣсни бѣсновался цыганскій хоръ. Томный пѣвецъ-брюнетъ съ подведенными, порочными глазами пѣлъ затѣмъ модный романсъ и смотрѣлъ на Инну...

Оживленная Инна пила, почти не отставая отъ мужчинъ и безраздѣльно „царствовала“ въ компаніи влюбленныхъ въ нее поклонниковъ.

И надо отдать справедливость, что „царствовала“ тонко и умѣло.

Во все время угарной ночи, она, какъ опытный дирижеръ искусно руководила своей различной по возрасту и привычкамъ компаніей кавалеровъ, не вы-

дѣля никого, любезная и обворожительная со всѣми...

Вино смѣнили ликеры, а уже подь утро, когда хорь, однообразно одѣтыхъ въ длинныя закрытыя платья дѣвиць, исполниль заключительный номеръ программы — рѣшили опять закусывать.

Вдребезги чѣмъ то недовольный инженеръ, со всѣмъ не двухсмысленно перемигавшійся съ полной, сильно накрашенной блондинкою, мрачно налегъ на водку.

Ушли ночныя тѣни; незамѣтно надвинулось утро и сразу поблекла и замерла жизнь ночного ресторана — и съ нею ушелъ навѣянный угаръ веселья. Всей компаніей двинулись провожать даму до коляски.

Когда же Инна, садась съ директоромъ въ его банковскій экипажъ, пригласила съ собою и Баторскаго, кто то изъ мужчинъ сзади негромко сказала: „очередной фаворитъ!“

Разобралъ эти слова Баторскій.

Были они сказаны такъ, что сразу ревнивое подозрѣніе закралось въ его душу. Почему знать, можетъ быть эта женщина также близка своимъ поклонникамъ, какъ была близка ему? Онъ поймалъ себя на мысли, что уже самъ ревнуетъ ее.

Ее—веселую, легкомысленную, взбаломошную, для которой вчерашнее приключеніе съ нимъ могло быть только случайнымъ капризомъ, прихотью молодого тѣла подь вліяніемъ выпитаго вина.

Онъ попросилъ завести его по дорогѣ домой.

И цѣлый день потомъ Баторскій думалъ о ней.

Въ этихъ думахъ страшное чудовище съ зелеными глазами—ревность—не давало ему покоя. Но въ тотъ же вечеръ, проспавъ послѣ занятій мертвымъ сномъ часа два, онъ торопился въ „Grand-Hôtel“ къ Иннѣ, чтобы ѣхать компаніей, какъ было условлено вчера, въ „Яхтъ-Клубъ“...

И такъ пошло каждый день.

Баторскій сознавалъ, что онъ совершенно выбить изъ колеи; чувствовалъ, что въ его жизнь вошла женщина, сразу перевернувшая весь привычный укладъ его трезваго и здороваго существованія: службы, спорта съ увлеченіемъ своими любимыми лошадьми и ко-

роткихъ, не мѣшающихъ ни тому, ни другому, скоро-
проходящихъ любовныхъ интригъ.

Но ничего съ собою подѣлать не могъ.

Напрасно онъ пытался бороться со своимъ но-
вымъ увлеченіемъ.

Съ утра давалъ себѣ слово не ѣздить больше къ
Иннѣ; но наступалъ вечеръ, и какъ то само собою вы-
ходило, что онъ переодѣвался и ѣхалъ къ ней въ го-
стиницу.

Здѣсь обычная компанія уже была въ полномъ
сборѣ, слѣдоваль „Высочайшій выходъ“ и вечеръ,
вѣрнѣе ночь, заканчивалась угарнымъ кутежомъ гдѣ-
нибудь въ значномъ мѣстѣ...

Флиртъ Баторскаго съ Инною былъ въ прежнемъ
положеніи. Впередъ не подвигался. Умная женщина
держала себя съ нимъ на дружескую ногу, не выдѣляя
его изъ среды своихъ поклонниковъ.

Но и только. А на всѣ просьбы пріѣхать къ не-
му и удѣлить ему вечеръ, неизмѣнно слѣдоваль уклон-
чивый отвѣтъ: „Можетъ быть да, а можетъ быть нѣтъ!“
Дразнящій. Неопредѣленно общающій.

И это „нѣтъ“ длилось нѣсколько дней, во время
которыхъ Баторскій злился и безумно ревноваль ее...

Наконецъ Инна соблаговолила вспомнить свое
намѣреніе ѣздить верхомъ.

Наканунѣ праздника, когда Баторскій, дежурия по
полку, скучаль въ одиночествѣ, его вызвали къ те-
лефону.

Звонила Инна. Молодая женщина предупредила
его, что завтра, послѣ завтрака (а это означало, для
поздно встававшей Инны — часа въ три) она пріѣдетъ
къ нему на первый урокъ ѣзды.

„Одна?“ — „совсѣмъ одна“.

„Безъ своей обычной свиты?“ — „Даже безъ ин-
женера“.

„Почему именно безъ инженера?“ — „Такъ... къ
слову“.

„А потомъ?“ — „Потомъ будетъ видно“...

Тутъ же въ разговорѣ, она просила приготовить
ей, согласно обѣщанія, „Боярышню“.

Тщетно Баторскій доказываль, что лошадь эта
при добронравномъ характерѣ, все же имѣетъ горячій

темпераментъ и потому для обученія дамы не годится.

Инна, ссылаясь на то, что она съ мужемъ „каталась“ въ Шанхаѣ на дикихъ монголкахъ, упрямо стояла на своемъ: „Боярышню“ и никого другого!

Ему пришлось подчиниться.

Въ праздникъ, какъ было условлено, Баторскій ждалъ Инну.

Но она опаздывала.

Уже Баторскій два раза справлялся въ гостиницѣ по телефону, и каждый разъ оттуда отвѣчали, что „барыня одѣваются и сейчасъ выѣдутъ въ полкъ“.

А пока что, уже отъѣзженная Баторскимъ почти до пота „Боярышня“ (не лишняя предосторожность!) шагомъ ходила подъ Зембою по манежу.

Наконецъ, больше чѣмъ съ часовымъ опозданіемъ, прямо въ манежъ, пріѣхала Инна.

И въ первый разъ, за время ихъ знакомства, Баторскому вѣшній видъ Инны не понравился. Видимо она, вообще щеголявшая стильными, къ лицу туалетами, считала, что для поѣздки верхомъ можно одѣться какъ угодно, и одѣлась типичной *Sonntagsreiter*'шей.

Въ прежнее доброе время, гдѣ-нибудь въ Крыму или на Кавказѣ въ такихъ костюмахъ, случайныя горенаѣздницы, шалыя курортныя дамы носились верхомъ — на отдаваемыхъ на прокатъ клячахъ, въ сопровожденіи кавалеровъ, чаѣздниковъ по недоразумѣнію, ображавшихъ, что лошадь и велосипедъ — одно и то же.

Нарядъ изъ блузки, подпоясанной широкимъ поясомъ, переходящей въ комбинацію юбки для верховой ѣзды Иннѣ опредѣленно не шель.

Впрочемъ, сама Инна, видимо, была недовольна собою, и вообще чувствовалось, что она не въ духѣ. А у женщинъ — это сейчасъ же отражается на всемъ.

Такъ случилось и на этотъ разъ.

Вначалѣ, на шагу, все шло спокойно; хотя „Боярышня“, почувствовавъ на своей спинѣ неумѣлую наѣздницу, стала проявлять уже нѣкоторое неудовольствіе. Когда же Инна тронулась рысью, темпистый

ходъ лошади сталъ ее выбалтывать изъ сѣдла. Женщина начала злиться и дергать ни въ чемъ неповинное животное.

Естественно, что той это не поправилось и она начала горячиться.

Обезпокоенный Баторскій видя, что Инна не справляется съ лошадыю, предложилъ пересѣдлатъ ей смирнаго „Досуга“.

Но это еще подлило масла въ огонь.

У плохого ѣздока всегда виновать конь: изведенная въ конецъ горе— наѣздница съ досады обрушилась на лошады.

Указаній Баторскаго Инна не слушалась...

Долго терпѣла незаслуженные цуки и дерганья „Боярышня“ и видимо ей это надоѣло.

Она закрутила головой, выдернула затянутый поводъ и, затропотивъ сперва на мѣстѣ, вдругъ перешла въ скокъ. Не галопъ, но именно скокъ, со всѣхъ четырехъ ногъ. Пренепріятный.

Инна потеряла стремяна и уцѣпилась за шею лошади.

Не успѣли, бросившіеся на выручку Баторскій и Земба подхватить „Боярышню“ подъ узцы, какъ она круто повернула изъ угла на середину манежа и сразу остановилась, какъ вкопанная. Неожидавшая этого Инна чуть не свалилась на бокъ къ ней подъ ноги.

Хорошо, что Баторскій успѣлъ ее подхватить...

Вдребезги изведенная Инна уѣхала одна домой. Какихъ только попрековъ и обидныхъ словъ не услышался отъ нея Баторскій. Конечно во всемъ виновать только онъ, нарочно подсунувшій ей такую отвратительную лошады!

Такова женская логика. Во всякомъ случаѣ въ ихъ отношеніяхъ это была точка.

Женщина никогда не проститъ своему поклоннику, если онъ, даже противъ своей воли, поставитъ ее въ жалкое или смѣшное положеніе.

И разрывъ былъ уже на лицо: Баторскій, ѣздив-

шій вечеромъ въ гостинницу узнать о здоровьи Инны — ее не засталъ.

Звонилъ попозже по телефону, въ обычный часъ сбора компаніи, — безрезультатно! ее все еще не было.

Не помогло отправленное затѣмъ письмо, тоже не заставшее адресатку дома.

Невольню у Баторскаго появилось чувство досады на „Боярышню“, косвенную виновницу ихъ разрыва.

Въ самомъ мрачномъ настроеніи пребывалъ Баторскій, ожидая, что молодая женщина, наконецъ, вспомнить про него.

Тщетно—звонка не было.

Впрочемъ, ни одинъ только Баторскій страдалъ въ одиночествѣ. Терялись въ догадкахъ и остальные поклонники: Инна какъ то сразу ликвидировала свою „свиту“ и переѣхала къ сестрѣ въ банкъ.

Компанія разстроилась...

Только спустя нѣкоторое время узнали въ чемъ дѣло: оказалось, что „Ея Величество“ изволятъ выйти замужъ за инженера, получившаго назначеніе на Амурскую желѣзную дорогу.

И что вслѣдъ за тѣмъ, какъ Инна послѣ свадьбы станетъ М-те Верховцевой, молодожены уѣзжаютъ на Амуръ.

Вскорѣ, Впрочемъ, эти слухи подтвердило и официальное приглашеніе на свадьбу. Получилъ его и Баторскій, но имъ не воспользовался. Его отсутствіе искупила роскошная корзина цвѣтовъ и поздравительное письмо.

А затѣмъ произошли событія, сразу излечившія сердечную рану отвергнутаго поклонника: тамъ, далеко на Западѣ вспыхнулъ міровой пожаръ Великой войны.

Въ разворачивающихся грозныхъ событіяхъ, все личное, будничное отошло на задній планъ.

Даже отъѣздъ Инны съ мужемъ прошелъ для него незамѣтно.

Постепенно стусеивалось и улетучилось у Баторскаго воспоминаніе о проведенныхъ въ обществѣ Инны дняхъ. Потускнѣлъ образъ женщины, передъ

тѣмъ всецѣло владѣвшій его чувствами. Утихла сердечная боль.

Всѣми помыслами стремился Баторскій туда, гдѣ на поляхъ Пруссіи и Галиціи лилась русская кровь.

Но кровожадный Богъ войны требоваль все новыхъ и новыхъ жертвъ, и длинными эшелонами, уже непрерывно съ ранней осени, шли на подмогу Дальневосточныя войска.

Наконецъ его мечта сбылась: полкъ Баторскаго былъ двинуть на театръ военныхъ дѣйствій и молодой офицеръ сдѣлался участникомъ кроваваго браннаго пира!..

На войнѣ честно несла свою боевую службу „Боярышня“.

Отмахивала громадныя переходы, мокла подъ дождемъ, порою не доѣдала, но никогда не подводила своего хозяина, никогда не отказывалась отъ работы.

Много находилось желающихъ приобрѣсти такую чудную строевую лошадь; большія деньги предлагали за нее Баторскому, но не могъ онъ съ нею разстаться ни за какія блага!

По прежнему, какъ заботливая нянька берегъ и ухаживаль за „Боярышней“ Земба, но въ каждый бой, въ каждый большой переходъ, старался посѣдлатъ своему командиру, отдохавшаго въ заводу подъ вьюкомъ „Хунхуза“.

Не удалась ему эта уловка въ то дивное апрѣльское утро, когда полкъ былъ двинуть съ ночлега къ переправѣ черезъ Днѣстръ.

Разсердившійся Баторскій приказаль пересѣдлатъ „Боярышню“, а въ конецъ обиженный на своего офицера вѣстовой, былъ отправленъ съ „Хунхузомъ“ къ заводнымъ лошадямъ...

... Уже третій день на крутыхъ берегахъ Днѣстра шель горячій бой.

Доблестная Заамурская пѣхота, переправившись черезъ рѣку, шагъ за шагомъ отбирала у австрійцевъ этотъ благодатный кусокъ за-Днѣстровской Галиціи, исконе русской Червонной Руси.

Въ борьбѣ съ подходившими къ противнику подкрѣпленіями, изнемогали храбрые Заамурскіе полки, но резервовъ не было, и каждая минута промедленія грозила катастрофой.

На поддержку еле державшимся пѣхотинцамъ, были спѣшно двинуты кавалерійскія части.

На разсвѣтѣ рѣшительнаго дня, когда на той сторонѣ уже съ ночи грохотала артиллерійская канонада и, подкрѣпленный нѣмцами противникъ кой-гдѣ самъ перешель въ наступленіе, къ переправѣ черезъ Днѣстръ, сдѣлавъ наканунѣ 80-ти верстный переходъ, подошла Н-ская кавалерійская дивизія...

На рослыхъ гнѣдыхъ лошадяхъ прошли мостъ Уланы; за ними потянулись нарядные караковые эскадроны Гусарь; прогремѣли по понтонному настилу пушки конной батареи; а сзади, на мелкихъ, невзрачныхъ лошадакахъ, темно-бѣлой лентою влилась въ колонну недавно пришедшая на войну, Манчжурская конная бригада.

Два полка. Пять сотенъ на темныхъ, пять на бѣлыхъ, какъ снѣгъ, лошадяхъ.

Молодые, недавно сформированные полки, но уже вѣнчаные боевою славою въ Русско-Японскую войну.

Георгіевскій штандартъ у одного полка, знаки отличія на папахахъ и серебряныя трубы у того и другого; а въ прошломъ — боевой опытъ военнаго и мирнаго времени среди сопокъ, тайги и степей далекой чужбины.

Не парадная, не показная конница, но конница въ которой жилъ доблестный духъ тѣхъ героевъ-казачковъ, піонеровъ Русскаго дѣла, горсточка которыхъ въ чужой странѣ высоко держала престижъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ.

Преемники славныхъ традицій тѣхъ самыхъ охранниковъ, про которыхъ когда-то была сложена пѣснь:

„Русскій Царь собралъ дружину,
И велѣлъ своимъ орламъ,
Плыть по морю, на чужбину,
— Путь желѣзный строить тамъ!

. . . . .

Конница на мелкомъ степномъ конскомъ составѣ. Эти 14-ти вершковые кони попадали въ ремонтъ русской конницы изъ дикихъ степей Монголіи.

Во времена Батыя берега Днѣстра видѣли такихъ же мелкихъ, грудастыхъ, словно изъ стали выкованныхъ лошадокъ, топтавшихъ подъ скуластыми всадниками тучныя поля Галиціи. И сопровождало тогда ихъ побѣдное нашествіе, смерть и разрушеніе...

... Пока шла переправа, плыли надъ рѣкою розоватыя облачки австрійскихъ шрапнелей, а иногда съ воемъ проносился въ воздухѣ тяжелый снарядъ и выростали черныя букеты гранатныхъ разрывовъ на крутыхъ прибрежныхъ скатахъ Днѣстра.

Сотня за сотней переходила на ту сторону бригадная колонна, а въ головѣ одной изъ нихъ, трубачъ вель на поводу сѣрую арабскую лошадь подъ офицерскимъ сѣдломъ.

Красавица-кобыла такъ рѣзко выдѣлялась своими благородными линіями и ростомъ среди невзрачныхъ солдатскихъ монголокъ и забайкалокъ, что ею залюбовался, пропускавшій полки мимо себя, гвардеецъ — начальникъ дивизіи.

Гордившемуся своею лошадью Баторскому, была особенно оріятна похвала стараго лошаадника...

Пройдя влагополучно мостъ, дивизія, спѣшившись, стала „квадратомъ“ въ резервѣ у деревни, подъ горкою.

За этимъ селеніемъ шель все еще разгоравшійся бой.

Но сразу почувствовалось, что неблагополучно тамъ впереди.

Сейчасъ же ушли, вызванные куда-то на поддержку Уланы. За ними стали раздергивать эскадрены гусарь. А потомъ, нѣсколько позже, какъ-то вдругъ снялась, стоявшая у деревни на позиціи батарея, усилился по селенію огонь, запылали въ нѣсколькихъ мѣстахъ подожженные снарядами дома и на возвышенности показались отходящіе въ беспорядкѣ пѣхотные солдаты...

Бригада сѣла на коней.

Озабоченный Начальникъ дивизіи поскакалъ со штабомъ впередъ, а за нимъ въ обходъ деревни на

рысяхъ пошли оставшіеся еще нетронутыми гусарскіе эскадроны.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого, прискакавшій офицеръ-ординарецъ привезъ приказаніе бригадѣ выдвинуться за деревню и поддержать нашу разстроенную пѣхоту.

Пришла очередь новоприбывшимъ полкамъ держать свой первый серьезный боевой экзаменъ на глазахъ блестящей Гвардейской кавалеріи.

И задача, имъ данная, была не изъ легкихъ!

Но для конницы, воспитанной въ духѣ славныхъ боевыхъ традицій, она рѣшалась очень просто: конною атакой на наступающаго врага!

Такъ и сдѣлали.

Сотня Баторскаго, проскочивъ пылающую деревню, вѣеромъ развернула лаву.

Подъ ея прикрытіемъ, длинными эшелонами разомкнулись остальныя сотни полка. И сейчасъ же влѣво отъ развернувшихся, за прямымъ, какъ стрѣла, шоссе на Городенку, примыкая къ флангу, рассыпались бѣлыя линіи ихъ однобригадниковъ.

Какъ выпавшій въ маѣ снѣгъ, заполнили ихъ бѣлые монголы складки мѣстности.

Эскадронъ гусаръ пристроился на лѣвомъ флангѣ атакующихъ...

Манчжурская бригада, сверкая шашками, грозно наклонивъ пики „къ бою“, стройно, какъ на ученьи, пошла въ атаку на врага!..

Словно бѣшенный набросился противникъ на вышедшихъ изъ селенія кавалеристовъ.

Фонтанами летѣла кверху земля отъ гранатъ съ визгомъ лопались въ воздухѣ шрапнели.

Уже много лошадей скакало безъ всадниковъ, еще больше осталось распростертыми на землѣ, рядомъ со своими хозяевами, но сотни шли впередъ.

Привычные маленькіе кони галопомъ несли ихъ въ атаку, туда, гдѣ сѣрѣли густыя цѣпи австрійцевъ, а кое-гдѣ торчали и перевитые проволокою кольца...

На правомъ флангѣ полка, впереди лавы своей

сотни, какъ въ скачкѣ, рвалась впередъ подъ Баторскимъ „Боярышня“.

Въ два могучихъ прыжка вынесла она его по дорогѣ изъ болотистой лощинки, съ маху прыгнула брошенный пѣхотою окопъ и увидѣвъ, наконецъ, противника, сама по себѣ перешла въ широкой галопъ.

Впереди, уже близко были видны отходящiе въ одиночку люди въ защитномъ, за которыми сѣрѣли многочисленныя цѣпи наступающихъ австрiйцевъ.

Слышался непрерывный грохотъ ружейной стрѣльбы. Трещали пулеметы.

Сплошнымъ роемъ свистѣли пули.

По прежнему вспыхивали въ воздухѣ огоньки шрапнельныхъ разрывовъ.

Но грозно ощетинившись шашками и пиками, неудержимо неслись на выручку своихъ, порѣдѣвшiя линiи кавалеристовъ.

Миновали небольшой, клубившiйся отъ пуль бургоръ, усѣянный, вперемежку съ австрiйцами, убитыми и ранеными пѣхотинцами; перевалили черезъ его гребень, и вдругъ по всей линiи вспыхнуло громкое „ура“!

Какъ ураганъ, карьеромъ понеслись всадники туда, гдѣ около частью горящихъ стоговъ полуразрушеннаго фольварка все поле было покрыто сѣрыми фигурами непрiятельскихъ солдатъ.

Дрогнули австрiйцы.

Безпорядочнымъ огнемъ встрѣтили они атакующихъ, а нѣкоторыя изъ нихъ бросилась назадъ. Показались поднятыя кверху руки сдающихся.

Засверкали на солнцѣ клинки шашекъ—сотни врубились въ ряды врага.

Сзади нихъ по полю, со штыками на перевѣсъ, бѣжали цѣпи оправившей русской пѣхоты.

Натискъ врага былъ сломленъ!..

Въ схваткѣ „Боярышня“ далеко вынесла впередъ Баторскаго.

Онъ рубанулъ на отмахъ подставившаго ему штыкъ австрiйскаго пѣхотинца, проскочилъ съ полного хода цѣпь сдающихся и сталъ останавливать разгорячившуюся лошадь.

Въ этотъ моментъ Баторскiй замѣтилъ невдалекъ,

ближе къ фольварку, небольшую, такъ человекъ въ 15 группу австрійцевъ, которые, пробираясь по лошадкѣ, старались уйти незамѣтно.

Баторскій поскакалъ ихъ догонять.

Австрійцы, замѣтивъ погоню, сперва было растерялись и видимо хотѣли броситься вразсыпную, но увидѣвъ, что ихъ атакуютъ всего нѣсколько человекъ русскихъ, а остальные далеко сзади и заняты сборомъ плѣнныхъ, приостановились...

Одинъ изъ нихъ, вѣроятно офицеръ, крича и махая руками, сталъ собирать отступавшихъ къ себѣ.

Когда же Баторскій со своими людьми подскочилъ къ нимъ ближе,—прямо въ лицо ему треснулъ сорванный залпъ.

Солдаты метнулись въ сторону.

Баторскій почувствовалъ острую боль въ плечѣ; и поднятая кверху съ шашкою рука—безсильно опустилась.

Одновременно съ тѣмъ скакавшая „Боярышня“ стала останавливаться.

Вся морда лошади была въ крови, а кромѣ того тонкая красная струйка била изъ ея раненой шеи.

Все это заняло нѣсколько мгновений, а затѣмъ кто-то сзади крикнулъ истошнымъ голосомъ: „назадъ! назадъ! сзади нѣмцы!“.

Обернувшись, Баторскій увидѣлъ, что его солдаты торопливо поворачиваютъ коней, а справа отъ него, изъ-за сараевъ фольварка, выѣзжаютъ какіе-то всадники.

Каски, флюгера на пикахъ и большія вороныя лошади не оставляли никакого сомнѣнія, что это враги.

„Плѣнъ или смерть!“ мелькнуло въ головѣ Баторскаго.

Инстинктивно и онъ повернулъ уже совсѣмъ ставшую раненную лошадь.

А противникъ уже близко: человекъ 30 саксонскихъ кирасиръ, наклонивъ пики, обнаживъ палаши, скачутъ тяжелымъ галопомъ по полю.

Баторскій далъ шпоры „Боярышнѣ“.

Она замотала головой, обдала его розоватою, смѣшанной съ кровью пѣной и... поскакала. Поска-

кала рѣзкими высокими скачками, напрягая всѣ свои силы.

На перерѣзъ ему бросилось нѣсколько нѣмцевъ, а сзади застигали австрійскія пули. Началась охота, въ которой раненный русскій офицеръ на раненой лошади, очутился на положеніи затравленнаго звѣря.

Въ этой скачкѣ мгновенія казались Баторскому вѣчностью.

Нестерпимою зудящею болью ныло прострѣленное плечо; мокрый, правый рукавъ наполнился теплою, липкой кровью.

Уже близко преслѣдователи, вотъ тутъ за спиной. Слышенъ мѣрный стукъ копытъ ихъ лошадей... что то кричатъ ему по нѣмецки. Впередъ вразсыпную уходятъ его солдаты. Среди нихъ скачетъ чья то лошадь безъ всадника...

Рѣзко щелкаютъ сзади револьверные выстрѣлы. Одинъ... другой... третій.

Мимо!

„Боярышня“ хрипя, разбрасывая кругомъ кровавую пѣну, скачетъ изъ послѣднихъ силъ. Но уже близко спасительные стога, а тамъ — свои! Замѣтили. Суэта. Забѣгали пѣшіе люди. Садятся на лошадей.

Вдругъ справа, из-за крайняго стога, съ гикомъ, махая шашками, навстрѣчу нѣмцамъ вынеслась карьеромъ кучка всадниковъ.

Впереди — уцѣлѣвшій въ атакѣ, корнетъ его сотни...

„Спасены!“ было послѣднею мыслью Баторскаго. Что было дальше, онъ уже не видѣлъ: „Боярышня“, сразу сбавивъ ходъ, сдѣлала нѣсколько вымученныхъ, шатающихся скачковъ, ткнулась мордою въ землю, пробороздила ее передомъ и повалилась на бокъ.

Баторскій, падая, почувствовалъ сильный ударъ головою о что-то твердое; на секунду встало передъ нимъ блѣдное лицо Инны, и онъ потерялъ сознание.

Когда Баторскій очнулся, онъ увидѣлъ, что лежитъ на отстегнутой отъ сѣдла буркѣ.

Около него толпились солдаты его сотни.

Тутъ же, присѣвъ на корточкы, сотенный фельдшеръ приготовлялъ бинты.

Около стога, съ безучастнымъ покорнымъ видомъ, стояла кучка растрепанныхъ плѣнныхъ австрійцевъ, изъ которыхъ рѣзко выдѣлялись своими зелено-защитными однобортными мундирами и касками два бравыхъ нѣмецкихъ кирасира. Конечно, первую мысль Баторскаго было спросить про „Боярышню“, но, осмотрѣвшись, шагахъ въ 20 отъ себя онъ увидѣлъ распростертую на землѣ сѣрую тушу.

Далеко вытянувъ впередъ окровавленную шею, съ поджатыми подъ себя передними ногами, лежала мертвая „Боярышня“.

Трубачъ съ другимъ солдатомъ снимали съ нея сѣдло.

И сразу понялъ тогда Баторскій, что смертельно раненная нѣсколькими австрійскими пулями вѣрная лошадь нашла еще силы въ себѣ, чтобы спасти своего хозяина отъ нѣмецкихъ палашей и пикъ.

До послѣдняго вздоха служила она ему и пала во время предсмертной скачки отъ потери крови.

Лишившійся своего боевого вѣрнаго друга—лошади, не могъ сдержать Баторскій подступившихъ къ горлу рыданій и горькими слезами заплакалъ онъ.

Бой догоралъ.

Невдалекѣ окапывалась пѣхота.

Съ пиками на перевѣсѣ, на легкихъ соловыхъ лошадяхъ проходили рысью гусары чужой дивизіи, пригнувшись къ лукѣ, скакали по полю разѣзды казаковъ-Оренбурцевъ. Изрѣдка гремѣли пушки. А вдали, гдѣ Городенское шоссе поднималось на возвышенность, извивались колонны отступающихъ австрійцевъ.

Баторскаго эвакуировали.

Какъ въ воду опущенный ходилъ нѣсколько дней послѣ гибели своей любимицы Земба, а затѣмъ перенесъ всѣ заботы и любовь на 4-хъ вершковаго вороного Тракена, доставшагося его командиру послѣ

зарубленного тогда же въ стычкѣ Саксонскаго лейтенанта.

А приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ этого боя, когда уже оправившійся отъ раны Баторскій собирался вернуться въ полкъ, тамъ далеко, далеко, на другомъ краю свѣта, среди Амурской тайги, въ уютно обставленной ж. д. квартирѣ при деповской станціи, красивая, молодая женщина однажды утромъ за кофе въ газетѣ „Новое Время“ прочла описаніе этой конной атаки.

И вспомнился ей кратковременный романъ со спортсменомъ — офицеромъ, и какъ живая стала передъ нею нарядная, сѣрая лошадь, уносящая въ предсмертной скачкѣ своего хозяина отъ врага.

Но не пожалѣла она нисколько о гибели благороднаго животнаго, а только облачко досады за слишкомъ дорогую цѣну исполненнаго каприза ѣздить на этой лошади легло на ея уже съ утра подрисованное лицо!

Парадъ Призраковъ.

(Легенда).

На Волыни, недалеко отъ того мѣста, гдѣ лѣни-
выя волны р. Стыри тихо плещутся у мѣстечка Радо-
мысль, въ полѣ, близъ опушки вѣкового дубоваго лѣса
стоитъ какъ воспоминаніе грознаго прошлаго — оди-
нокой памятникъ.

На гранитномъ пьедесталѣ высится тонкій крестъ,
сдѣланный ввидѣ сломанной на двѣ части кавалерій-
ской пики. И вѣщаетъ прохожему почернѣвшая отъ
времени металлическая доска, какъ въ одинъ изъ
кровавыхъ дней Великой войны, когда военныя бури
потрясали эти края, изъ роши, что за лощиной окру-
жаетъ хутора „Нивы Злочевскія“, развернулись шерен-
ги русскихъ кавалеристовъ.

Сверкнули шашки и грозно „къ бою“ наклони-
лись пики, а затѣмъ вся лавина шести эскадроновъ
понеслась въ атаку на лѣсъ...

(То дерзкой атакой, спасая положеніе, былъ на
смерть брошенъ П-скій Конный полкъ!)

И сразу нависли надъ ними разрывы шрапнелей...
Съ трехъ сторонъ затрещали пулеметы по нимъ, а цѣ-
пи сѣрыхъ фигуръ въ каскахъ (поднявшись въ ростъ
для удобства обстрѣла) опоясали лѣсъ.

Въ адскомъ грохотѣ ружейной стрѣльбы закипѣла
лѣсная опушка...

Стальными бичами хлестала Смерть ряды атакую-
щихъ; косила ихъ въ ярости пулеметнымъ огнемъ, а
остановить не могла!

Атака шла впередъ.

Падали сраженными люди и лошади, рѣдѣли и таяли шеренги, но ни одинъ всадникъ не повернулъ обратно!..

Мало кто доскакалъ тогда до лѣса.

Еще меньше собралось потомъ, послѣ схватки у роши.

Остальные легли тутъ же въ полѣ, а половина офицеровъ и солдатъ нашли себѣ могилу въ этой землѣ.

Такъ захлебнулась и кончилась атака, потому что атаковать было уже некому и неачемъ! Но прорывъ къ Стѣри Макензеневскихъ полчищъ былъ остановленъ доблестью Русской Конницы, сдѣлавшей дату 19-го іюня 1916 г. поворотнымъ днемъ Германской военной удачи въ Волынской операціи!..

Весь слѣдующій день громили озлобленные тевтоны „чемоданами“ позицію русскихъ у роши.

Подъ корень срѣзались деревья...

Въ развалины превращались хутора „Нивы Злочевскія“...

Но не шли нѣмцы впередъ. Не думали они, что въ эти два дня Русская позиція обозначалась рѣдкимъ пунктиромъ жидкой цѣпи спѣшенныхъ кавалеристовъ!

И въ эти ночи рыли прусскіе гренадеры огромныя братскія могилы-ямы, въ которыя, вмѣстѣ со своими павшими врагами, случалось, зарывали и убитыхъ лошадей.

Какъ дань уваженія доблестному противнику, написали побѣдители-нѣмцы на самодѣльномъ крестѣ одной изъ нихъ:

„Hier sind die braven Mandschurischen
Dragoner begraben, Welche den heldenhaften
Tod in der Kavalerieattacke auf die deut-
schen Transcheen am 19./VI. — 1916.
erlitten haben!“

(„Здѣсь погребены храбрые Манчжурскіе (?) драгуны, павшіе геройскою смертію 19-го іюня 1916 г. въ конной атакѣ на германскіе окопы!“).

... А на третій послѣ атаки день, когда, остановленные дерзостной отвагой русскихъ кавалеристовъ,

нѣмцы окапывались и укрѣплялись въ лѣсу, у нихъ произошелъ бой съ подошедшей къ этому времени русской пѣхотой.

Когда же онъ кончился, то къ старымъ могиламъ, въ которыхъ уже лежали со страшными ранами зарубленные и заколотые пруссаки, прибавилось много новыхъ. Въ одной изъ нихъ, въ глубинѣ лѣса, у развалинъ старой корчмы, вмѣстѣ съ нѣсколькими хауптманами и лейтенантами своего полка нашель себѣ вѣчное успокоеніе рыцарь-маіоръ — авторъ надписи на крестѣ Русскихъ!

Съ тѣхъ поръ истлѣли, вѣроятно, даже кости недавнихъ враговъ, дравшихся изъ-за этихъ мѣстъ.

Но ни тѣмъ, ни другимъ не достался этотъ кусокъ благополучной Волыни: вмѣсто нихъ бѣлый одноглавый орелъ на малиновомъ фонѣ простеръ свои крылья надъ политыми чужою кровью полями!

„Лишь крестъ изъ сломанной пики у Радомысля остался стоять, какъ память о бывшемъ когда-то здѣсь боѣ!“

Уже почти никого не осталось въ живыхъ изъ участниковъ славной атаки, а тѣ, что еще живы — далеки отъ этихъ мѣстъ.

Только старый солдатъ, одноногій калѣка—инвалидъ, сторожить его, доживая свой вѣкъ на церковномъ мѣстномъ погостѣ.

Хоть оставили его безъ ноги двѣ нѣмецкія пули во время этой атаки, но пощадила его смерть; и только спустя года три насильники — Буденовцы побоями отняли у несчастнаго оставшіеся у него разумъ и языкъ,

И съ тѣхъ поръ сталъ полу-помѣшаннымъ и замолчалъ навсегда убогій инвалидъ.

Не можетъ онъ рассказать, какъ въ томъ 20-мъ году видѣли эти мѣста снова русскихъ кавалеристовъ.

Какъ въ яркомъ уборѣ красныхъ лентъ, съ уханіемъ, гармоникой и циничными пѣснями текли черезъ полуопустѣвшее мѣстечко пьяные эскадроны.

Небрежно развальясь въ сѣдлѣ ѣхали ихъ всадники на разномастныхъ, худыхъ и нечищенныхъ лошадахъ.

Какъ многіе изъ нихъ, похабно ругаясь, выѣзжали

изъ рядовъ и врывались въ болѣе зажиточные дома поселянъ... А потомъ слышались оттуда крики, визгъ и плачь женщинъ...

Разнузданныя банды осквернили храмъ и переломали церковную утварь.

Но почему-то оставили они нетронутымъ большой образъ Георгія Побѣдоносца (даръ Н-скаго полка въ церковь въ память атаки) и уцѣлѣла могильная дощечка съ нѣмецкою надписью на ней.

Настоятель же церкви, старенькій сельскій священникъ, когда то отпѣвавшій павшихъ въ атакѣ, принялъ отъ насильниковъ мученическую кончину:

Чуть было не раздѣлилъ участи своего духовнаго отца заступившійся за него сторожъ — инвалидъ.

Въ тѣ кровавые дни террора и насилія былъ украшенъ памятникъ красными цвѣтами и лентами, а крестъ закрывала простая доска съ аляповатою надписью химическимъ карандашемъ: „Обманутыя жертвы Имперіализма, убитыя 19-го іюня 1916 года, товарищи Н-скаго Коннаго полка!“.

А въ скоромъ времени потомъ, въ одиночку и безпорядочными толпами, нахлестывая лошадей, хлынули обратно за Стырь красные кавалеристы, но не до памятника имъ тогда было!

Тихо, мирно теперь протекаетъ спокойная жизнь поселянъ въ этомъ краю и только иногда, какъ напоминаніе о когда то гремявшихъ здѣсь грозахъ войны, крестьяне, обрабатывая обильно насыщенную кровью и прахомъ землю, до сихъ поръ находятъ въ ней кости и черепа, или предметы военного снаряженія.

Шумить за Радомыслемъ заросшій лѣсъ... Колышется высокою пшеницею поле...

Давно сравнялись съ землею могилы павшихъ здѣсь воиновъ, исчезли самодѣльные кресты, и вѣчнымъ сномъ, въ ожиданіи Страшнаго Суда Господня, уснули павшіе бойцы!

Одиноко стоитъ забытый памятникъ славнаго прошлаго; печется о немъ лишь одноногій полупомѣшанный молчальникъ — сторожъ.

Но жуткую легенду сплела нарядная молва о годовщинѣ боя!

Боятся окрестные крестьяне ночи 19-го іюня. Знаютъ они, что съ утра хмурится небо и цѣлый день затѣмъ плачеть оно по убиеннымъ здѣсь воинамъ.

Встаетъ туманъ съ болотъ Стыри и бѣлою пеленою ползеть по лощинѣ къ лѣсу.

Окутанъ имъ къ вечеру памятникъ.

Какъ будто кто-то таинственный нарочно скрыль его завѣсой...

Усиливается къ ночи непогода. Стонетъ буря съ дождемъ. Въ адскомъ вихрѣ, низко, низко пригибаясь верхушками деревьевъ, колеблется лѣсъ. Словно стонетъ и тоскуеть онъ по комъ-то дорогомъ, умершемъ...

И чудится испуганнымъ поселянамъ, что тамъ за окномъ, въ вихрѣ бури и дождя, въ полѣ у одинокаго памятника происходитъ въ эту ночь что-то таинственное, страшное.

Но нѣтъ смѣльчаковъ проникнуть въ эту тайну: никто не рискуеть пойти этою ночью къ нему!

Въ этотъ день, на церковномъ погостѣ въ своей душной каморкѣ весь вечеръ истово молится полу-помѣшанный калѣка инвалидъ.

А къ ночи какая-то непреодолимая сила тянетъ его туда наружу, на дождь, на непогоду; туда, гдѣ одинокой памятникъ вѣнчается могилы его павшихъ однополчанъ.

Близится полночь.

Одѣваетъ старый солдатъ свою истрепанную шинельку съ двумя Георгіевскими крестами на ней, и, ковыляя культяпкою ампутированной ноги, на костылѣ спѣшитъ къ мѣсту бывшей брани, на поле чести, къ своимъ мертвымъ соратникамъ.

Бережно несетъ онъ съ утра приготовленный большой вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ, скрѣпленныхъ колючею проволокою...

Итакъ каждый годъ: въ годовщину атаки одинокая

убогая фигура, несмотря на бурю и дождь, бредеть въ ночной мглѣ со своею странною ношей къ памятнику.

Глухая темная ночь. Свистить и завываетъ въ полѣ вѣтеръ. Хлещетъ непрерывною стѣной дождь.

Жутко шумитъ лѣсъ и таинственные звуки рождаются вокругъ.

Давно попряталось все живое. Пустынно кругомъ.. Высится къ небу тонкій крестъ и сквозь пелену тумана чернѣетъ на немъ простой вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ.

А подъ нимъ, на каменныхъ, мокрыхъ отъ дождя ступеняхъ пьедестала, разметалось скорченное тѣло его возложившаго.

Въ конвульсіяхъ припадка несчастный больной!..

Въ горячечномъ бреде создаетъ его воспаленный мозгъ жуткія картины кошмара.

Бьетъ тамъ вдали, на колокольнѣ Радомысельской церкви, двѣнадцать разъ надтреснуто колоколь.

И въ этотъ моментъ, сквозь сѣтку дождя и завѣсу тумана, появляется у памятника призракъ — трубачъ. Согнулся въ сѣдлѣ мертвецъ. Въ понурой неподвижности застылъ его конь...

Мѣшаются звуки трубы съ воемъ вѣтра и шумомъ деревьевъ...

И сразу, какъ будто буря породила ихъ — все поле оживаетъ неясными контурами конныхъ фигуръ: Со всѣхъ сторонъ, съ поля, изъ лощины, изъ подъ лѣса, медленно, безшумно тянутся къ памятнику блѣдные призраки мертвыхъ всадниковъ на мертвыхъ коняхъ.

Безмолвно собираются они къ сборному мѣсту, жуткіе, страшные въ своей омертвѣлости.

Плотнo сомкнуты давно погасшія очи... Улыбкою смерти оскаленъ ротъ... Согнулся корпусъ въ сѣдлѣ. А костлявыя руки по прежнему крѣпко держатъ поводья.

Колеблются проржавѣвшія пики надъ ними.
Плывутъ, не касаясь земли ихъ кони, такіе же мерт-
вые, застывшіе.

Постепенно собираясь, строятся въ привычныя
колонны разбуженные отъ вѣчнаго сна мертвецы.

А къ строящимся изъ окружающей тьмы при-
страиваются все новые и новые всадники.

И много ихъ.

Тѣсными рядами окружаютъ памятникъ шеренги
мертвыхъ бойцевъ.

Безмолвень безжизненный строй.

Передъ строемъ — мертвецы командиры.

И снова трубить свой призывной сигналъ мерт-
вый трубачъ, а вѣтеръ относить изъ лѣса сюда отвѣт-
ные звуки.

Какъ будто и тамъ, въ лѣсной чащѣ, будятъ зву-
ки трубы уснувшихъ бойцовъ.

То въ ночь годовщины атаки, собираетъ участни-
ковъ Смерть на свой жуткій парадъ!

... Шумить потревоженный лѣсъ...

Изъ за деревьевъ опушки, оттуда, гдѣ за разва-
линами старой корчмы еще сохранился бугоръ гер-
манской могилы, выходятъ убитые нѣмцы!

Сѣрые мундиры и каски на нихъ...

Ужасомъ предсмертныхъ страданій искажены
ихъ блѣдныя лица.

Черными пятнами запеклась кровь на одеждѣ...

Торжественно, какъ на парадѣ ведетъ гренадеръ
ихъ мертвый командиръ.

Въ схваткѣ съ русскими, прикладомъ разбита
его голова, а вмѣсто лица — кровавая маска! Въ ноч-
ной тьмѣ надвигается щетина ржавыхъ штыковъ —
у памятника строятся нѣмцы. А когда мертвое войско,
построившись, беретъ „на караулъ“, изъ его рядовъ
выходитъ зарубленный лейтенантъ и, салютуя, ведетъ
за собою къ памятнику почетный караулъ изъ грена-
деръ — мертвецовъ.

По его четыремъ угламъ становятся призраки — часовые.

Одновременно съ тѣмъ, какъ отвѣтная честь взлетаютъ кверху клинки надъ стоящими здѣсь эскадронами.

И въ порывахъ вѣтра слышится похоронный маршъ.

То мертвые враги привѣтствуютъ другъ друга!..

Выситя къ небу крестъ изъ сломанной пики...
Чернѣетъ вѣнокъ подъ нимъ...

А кругомъ—мертвецы!

Только одинъ живой прижался въ ужасѣ къ цоколю.

И чудится ему, что вѣтеръ доносить сюда изда- лека погребальное пѣніе.

Это тамъ вдали, въ темной Радомысельской церкви, при тускломъ мерцаніи лампы, передъ ико- ною Георгія Побѣдоносца, служить въ полуночный часъ мертвый священникъ по убиеннымъ на полѣ брани панихиду!

Сплошными ранами покрыта его сѣдая голова... Кровавымъ рубцомъ перерѣзана шея... Изодранныя ризы—испачканы кровью. (Въ такомъ видѣ и зарыли тогда тайкомъ, хоронясь отъ насильниковъ, въ могилу около церкви, старые крестьяне своего замученнаго пастыря).

И много народа въ глубинѣ неосвѣщеннаго храма, пусты въ эту ночь солдатскія могилы на сельскомъ погостѣ.

Служать ихъ обитатели сами по себѣ заупокой- ную литургію!

Глухо, придавленно глухо, звучать печальныя слова молитвы, а вѣтеръ бережно относить ихъ на далекое поле, гдѣ такіе же мертвецы, собравшись строемъ у памятника, безмолвно молятся за упокой своей души!

И въ ночной тиши Городенскихъ полей Галиціи, на обрывахъ Днѣстра, на заброшенныхъ погостахъ Россіи, и на кладбищахъ далекой Манчжуріи въ эту

ночь встають изъ могиль мертвые однополчане и также слушаютъ слова той молитвы!..

Долго тянется такъ таинственная панихида.

До разсвѣта молятся павшіе бойцы.

А когда „вѣчная память“ раздается подъ низкими сводами церкви, эти заключительныя слова подхватываютъ тамъ—на полѣ.

Сквозь ревъ усиливающейся бури къ небу, какъ бы умоляя Всевышняго о прощеніи содѣяннаго убійства своего ближняго, несется пѣніе строя мертвецовъ!..

Но начинается свѣтлѣть на востокѣ. Идетъ съ наступающимъ утромъ на смѣну Смерти—Жизнь!

Утихаеъ постепенно вѣтеръ... Успокаивается потревоженный лѣсъ... Перестаетъ дождь...—Въ разсѣивающемся туманѣ медленно расплываются блѣдныя эскадроны конныхъ призраковъ.

Бѣлою пеленою относитъ къ лѣсу неясныя очертанія мертвой фаланги нѣмцевъ.

Тають въ сѣрой мглѣ близкаго разсвѣта застывшіе у памятника мертвецы—часовые.

Въ мѣста вѣчнаго успокоенія возвращаются выходцы изъ могиль!..

Кричитъ на хуторѣ пѣтухъ, и сразу все исчезаетъ, какъ будто ничего и не происходило здѣсь.

Спятъ вѣчнымъ сномъ въ забытыхъ могилахъ участники славной атаки.

Одинокѣ стоитъ въ полѣ памятникъ. Виситъ на немъ простой вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ, перевитыхъ колючею проволокой.

А подъ нимъ, на мокрыхъ отъ дождя ступенькахъ пьедестала, забылся въ цѣлительномъ снѣ убогій калѣка-инвалидъ.

Но проснувшись, не вспомнить ему страшныхъ видѣній ночного кошмара...

И такъ каждый годъ!

Наши за границей.

(Воспоминанія).

Это было года за два до Великой войны.

Усиленного состава полусотня Заамурцевъ *) съ 2-мя датскими ружьями-пулеметами была послана изъ Харбина въ г. Тяньцзинь на охрану консульства и тамошней обширной Русской Концессіи, расположенной вдоль сѣвернаго берега рѣки.

Время было тревожное.

Загадочный желтый драконъ, дремавшій тысяча-лѣтія и, какъ будто снова, послѣ боксерскаго возстанія успокоившійся, опять поднялъ свою голову.

Незадолго передъ тѣмъ была свергнута царствующая въ Китаѣ Цингская (Манчжурская-Цин-Чоо) династія, а объявленная въ бывшей Пѣднебесной Имперіи республика принесла съ собою междусусобную войну, и съ нею—утихшая пропоганда противъ иностранцевъ—значительно усилилась.

Европейскимъ резидентамъ грозила опасность народныхъ беспорядковъ.

Сибаритствующие въ Пекинѣ, въ своихъ посольскихъ резиденціяхъ, Европейскіе дипломаты, опасаясь повторенія грозныхъ событій 1900 г., когда иностранцамъ пришлось выдержать продолжительную осаду въ Пекинѣ и Тяньцзинѣ, а затѣмъ снарядить, правда выгодно за счетъ тѣхъ же китайцевъ, сильную интерна-

---

*) Примѣчаніе; Заамурцы—войска Заамурскаго Округа пограничной стражи, авангарда Русской Арміи на Дальнемъ Востокѣ, охранявшія въ Манчжуріи линію Кит.-Восточн. желѣзной дороги.

ціональную експедицію для освободжѣнія своихъ концессій и наказанія виновныхъ,—не на шутку встревожились.

Находившіеся на охранѣ своихъ Settlements въ Китаѣ, иностранные отряды были значительно увеличены, а ж. д. линія Таку-Пекинъ была ими взята подъ контроль и охрану.

Чистенькіе кварталы Европейской части г. Тяньцзиня, гдѣ находились концессіи почти всѣхъ Европейскихъ государствъ и Японіи, превратились въ военный лагерь

По улицамъ то и дѣло, подъ трескъ барабановъ и звуки музыки, проходили войска.

То, предшествуемые монументальнымъ, пестро расшитымъ тамбуръ-мажоромъ, шли въ красныхъ мундирахъ подтянутые англичане, за которыми легкимъ шагомъ горцевъ двигались оливковые индусы въ бѣлыхъ тюрбанахъ. Заунывно гудѣла ихъ шотландская музыка, похожая на нашу кавказскую зурну. Шумно брели збродъ, со скучающимъ видомъ бездѣльниковъ, рослые, великолѣпно одѣтые и снаряженные американцы.

А иногда, въ частомъ темпѣ бравурнаго марша, чередовавшася съ рѣзкими звуками сигнальныхъ фанфаръ, спѣшили въ городъ изъ Арсенала (гдѣ они стояли въ казармахъ) синіе ряды французской морской пѣхоты.

Тяжело „печата“ шагъ, въ каскахъ и защитномъ обмундированіи, на диво вымуштрованные и дисциплинированные, штампованные какъ одинъ, маршировали нѣмецкіе солдаты.

И какъ рѣзкій контрастъ Европейскимъ отрядамъ, случалось, что улицы иностранныхъ концессій оглашались громкою, съ присвистомъ пѣсней, звенѣлъ бубень и тарелки, извивались ленты пестраго бунчука, и съ топотомъ конскихъ копытъ по асфальтовой мостовой, тропотили всадники въ папахъ на мелкихъ Забайкальскихъ и Монгольскихъ лошадакахъ.

То шла на проѣздку или ученье охранныя полусотня Россійскаго Императорскаго Консульскаго Отряда!

Среди Тяньцзинскаго иностраннаго гарнизона, это была единственная кавалерійская часть.

Кромѣ полусотни, въ Тяньцзинѣ стояла и русская рота пѣхоты, охранявшая вокзалы Пекинѣ—Пукоуской жел. дор.

Прочія государства были представлены лишь небольшими отрядами моряковъ, а довольно большой, около бригады, японскій гарнизонъ, почти не показывался на иностранныхъ концессіяхъ, а жилъ обособленною жизнью у себя въ казармахъ.

Вечеромъ рестораны и бары были до отказа заполнены веселящимися военными.

Вытянувшись въ шезлонгахъ, возлежали на верандѣ „Aster-House“ а, за традиціоннымъ виски-сода, англійскіе и американскіе офицеры. Сидѣли во французскомъ кафэ-кондитерской шумливые французы-офицеры.

Носились какъ сумасшедшіе изъ одного бара въ другой, погоняя пинками загнанныхъ рикшъ, бездѣльники американскіе солдаты и устраивали грандіозныя побоища бокса съ встрѣчаемыми тамъ англичанами.

Гдѣ-то въ подозрительныхъ, третьеразрядныхъ рестораникахъ, содержимыхъ большею частью греками, пьянствовали и скандалили французскіе артиллеристы и морскіе стрѣлки...

Русскіе, нѣмцы и японцы вели казарменный образъ жизни и въ городѣ рѣдко можно было встрѣтить ихъ офицеровъ и лишь одиночныхъ солдатъ.

На фонѣ этой веселящейся военщины, шла дѣловая жизнь мѣстныхъ businessman'овъ, пріѣхавшихъ сюда изъ метрополіи за „длинными“ долларами и обогащавшихся за счетъ китайцевъ...

Немногочисленное русское общество группировалось вокругъ Тяньцзинскаго корпуса г. Кристи и очень гостепріимной четы Ермолаевыхъ—директора мѣстнаго отдѣленія Русско-Азіатскаго банка и его супруги. Въ то время русскіе были приняты всюду и вездѣ считались желанными гостями.

Вообще же жизнь тяньцзинскихъ обывателей шла усиленнымъ темпомъ.

То чопорные англичане устраивали у себя пріемъ или спортивный праздникъ на Regreischen grund; то все тяньцзинское общество въ автомобиляхъ, верхомъ

или на рикшахъ, устремлялось въ Арсеналь на какое-нибудь празднество, стоявшаго тамъ французскаго гарнизона. Часто прїѣзжавшій изъ Циндао, недурной струнный оркестръ австрійскаго станціонера, давалъ концертъ въ залѣ одного изъ отелей.

Впрочемъ, по музыкальной части, вечерами въ городскомъ около ратуши скверѣ на англійской концессіи, хорошо сыгравшіеся оркестры Самерседскихъ англійскихъ стрѣлковъ и гренадеръ—Инискилинговъ, по-переменно услаждали слухъ гуляющей публики модными попури, или развлекали ее церемоніей исполненія вечерней зари. А раннимъ утромъ, такъ часовъ въ шесть утра, весь европейскій Тянцзинь, старъ и младъ, всѣми способами передвиженія, а многіе даже для моціона и пѣшкомъ торопились за городъ, на благоустроенный, хорошо содержимый ипподромъ, гдѣ шла тренировка мѣстныхъ pony (пони) къ грандіознымъ весеннимъ или осеннимъ скачкамъ.

Здѣсь, наслаждаясь прелестью солнечнаго ранняго утра, попывая кофе и заѣдая легкій завтракъ фруктами и американскимъ вареньемъ, наблюдали галопы будущихъ фаворитовъ и мечтали о крупномъ выигрышѣ въ свипъ-стэкъ. (Sweep-stakes).

Дни скачекъ являлись изъ ряда вонъ выходящимъ событіемъ: во время ихъ закрывались всѣ магазины и офисы и весь Тянцзинь азартничалъ на Ипподромѣ, дѣлая крупныя ставки въ тотализаторъ, или играя въ свипъ-стэкъ.

Еще въ тѣ времена, сумма выигрыша, которую можно было выиграть при счастья въ этой лоторейной комбинаціи достигала нѣсколькихъ десятковъ тысячъ долларовъ (теперь больше сотни тысячъ).

Называли счастливецъ, выигравшихъ состояніе за 10 долларовъ—цѣна билета.

Разсказывали, что однажды какой-то англичанинъ, вернувшись „еле можаху“ изъ клуба домой, ударилъ раздѣвавшаго его боя-китайченка.

Въ пьяномъ раскаяніи обидчикъ рѣшилъ компенсировать обиженнаго и подарилъ ему одинъ такой билетъ. И что же? Дня черезъ два, когда состоялся розыгрышъ, счастливецъ выигралъ около 60.000!

Былъ еще случай, нѣсколько иного характера: въ клубѣ, при предварительной лотереѣ скачущихъ лошадей, кто то вытянулъ лошадь, которая несомнѣнно должна была придти первой и принести обладателю билета на нее 1 ый выигрышъ.

Нашлись желающіе перекупить на рискъ билетъ. Онъ былъ проданъ за 30.000 или 40.000!

А черезъ нѣсколько дней фаворитъ, зашибшій въ конюшнѣ накануне скачекъ ногу, легко пришелъ.. послѣднимъ! Такимъ образомъ, азартный игрокъ, перекупившій билетъ, долженъ былъ ограничиться 500 долларами, суммою, которую получаетъ каждый, вытянувшій билетъ на вышедшую къ старту лошадь...

На этомъ же ипподромѣ въ тѣ годы устраивалась джигитовка солдатъ Охранной полусотни. Ей, по нашему скверному обыкновенію, предшествовали ссоры и раздоры въ Тянцинскомъ русскомъ дамскомъ обществѣ. Каждой дамѣ хотѣлось пожертвовать часы для 2-го или 3-го приза за рубку (1-ый призъ давала жена консула).

Въ конечномъ результатѣ командиру полусотни пришлось принять Соломоново рѣшеніе: дамами было куплено 12 почти одинаковыхъ серебряныхъ часовъ.

Послѣ состязанія во владѣннн шашкой, 12 лучшихъ рубакъ изъ 36 участниковъ, тянули жребій, кому какія достанутся, а призы раздавала, вмѣсто все-таки обидѣвшейся жены консула — М-ме Ермолаева.

Тѣ же наѣздники, показывая различные номера джигитовки, во время исполненія „скашиванія“ съ коня на карьерѣ, подбирали платки съ деньгами, которые бросала на дорожку пришедшая въ восторгъ отъ ихъ удали и отваги иностранная публика.

Послѣ этого дня оказалось, что нашими солдатами было внесено въ банкъ на текущій счетъ ихъ собственныхъ сберегательныхъ книжекъ больше 2¹/₂ тысячъ рублей!

Да! Тогда Русское имя пользовалось престижемъ и вся иностранная колонія очень интересовалась бы- томъ „русскихъ дикихъ казаковъ (?!), пріѣхавшихъ сюда изъ вѣчно покрытой снѣгами Сайберіи“!

Подъ этимъ впечатлѣніемъ, какой-то предпримчивый грекъ отлично заработалъ, пустивъ въ мѣст-

номъ (тогда единственномъ) кинематографъ американскую фильму изъ русской жизни.

Называлась она громко: „Мечь бояра Ивана» и была такой кляквой, о которой нынѣшняя публика понятія не имѣеть.

Нельзя забывать, что тогда иностранцы вообще имѣли смутное понятіе о Россіи, которая рисовалась имъ страной дикихъ нравовъ, вѣчнаго снѣга, и совершенно запросто гулящихъ по улицамъ медвѣдей!

Вотъ вкратцѣ ея содержаніе:

Старый бояръ (бояринъ?) Иванъ живеть въ помѣстьи въ холодной Сиберіи (Сибири?), не далеко отъ Москвы, и женатъ на молодой женщинѣ, которую зовуть Маруся (между прочимъ я зналъ одного англійскаго офицера, который думаль, что всѣхъ русскихъ дамъ зовуть Марусь'я или Катъ'я и былъ увѣренъ, что вся русская интеллигенція въ прошломъ — татары!)

За Марусей ухаживаетъ молодой челсвѣкъ Николай.

Николай видимо офицеръ, потому что иногда появляется въ эполетахъ, хотя костюмъ его нѣчто среднее между черкеской и кафтаномъ архіерейскаго пѣвчаго.

Бояринъ же почему то ходитъ дома въ шубѣ, а выходя на улицу, — затыкаетъ за поясъ... топоръ!

Вся домашняя челядь кланяется при каждомъ удобномъ случаѣ своимъ господамъ въ ноги.

Часть дѣйствія происходитъ въ комнатѣ, обильно увѣшанной образами и уставленной лавками вдоль по стѣнамъ.

Персонажи все время сидятъ за самоваромъ и глушатъ, кромѣ того, водку.

Съ ними дѣлитъ компанію и мѣстный „попъ“ старикъ съ огромной бородой и кудрями.

Этотъ хитрый „попъ“, прослѣдивъ свиданіе влюбленныхъ, открываетъ глаза обманотому Рогоноосу.

Характерна сцена въ опочивальнѣ, когда боярыня, прежде чѣмъ измѣнить мужу, завѣшиваетъ икону полотенцемъ...

Узнавъ объ измѣнѣ жены, бояринъ, горя желаніемъ отомстить обидчику, пускается на хитрость: онъ

уѣзжаетъ на охоту, но скоро потихоньку возвращается домой.

Избивъ нагайкой жену и вырвавъ у нея силою признаніе въ измѣнѣ, обманутый мужъ ожидаетъ условленнаго ночного визита Николая къ его женѣ.

Когда же ничего не подозревающій любовникъ, прокравшись ночью ко входной двери въ ихъ домъ, открываетъ въ ней окошечко, чтобы отодвинуть щеколду, бояринъ защемляетъ ему въ такомъ положеніи руку.

Затѣмъ приказываетъ плачущей женѣ подать ему пилу и, перекрестившись, отпиливаетъ обидчику руку по локоть!

Такъ, какъ гласила заключительная надпись, бояринъ по русскому обычаю отомстилъ своему обидчику.

Добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказанъ... Картина пользовалась въ Тянцзинѣ большимъ успѣхомъ и должна была изображать современные русскіе нравы...

Изъ спортивныхъ международныхъ состязаній, устроенныхъ въ то время въ Тянцзинѣ, слѣдуетъ упомянуть объ офицерской скачкѣ на большихъ лошадяхъ, состоявшейся по инициативѣ офицеровъ французской горной батареи, имѣвшихъ пару старыхъ лошадей *pur sang* (чистокровныя).

По условію въ скачкѣ должны были принять участіе по 2 офицера отъ каждой націи на полукровныхъ или чистокровныхъ лошадяхъ; дистанція нѣсколько больше 2-хъ верстъ, скачка барьерная.

Распорядительный комитетъ мѣстнаго ипподрома, поступившись основнымъ пунктомъ своего устава, по которому на немъ могли скакать только монгольскія пони (а не большія лошади), предложилъ устроить это состязаніе на *race — course*'ѣ.

Пожертвовавъ для 2-хъ призовъ пару цѣнныхъ серебрянныхъ кубковъ, комитетъ взялъ всю организационную часть заѣзда въ свои руки.

Къ сожалѣнію большинство его членовъ были

англичане, старавшіеся выработать наиболѣе выгодныя условія для своихъ соотечественниковъ.

У командира русской полусотни, штабсъ-ротмистръ Б., былъ очень рѣзвый, почти чистокровный (^{15/16}) жеребецъ завода Пѣховскаго, зарекомендовавшій себя на военныхъ скачкахъ въ г. Харбинѣ.

Кромѣ того, у него была и вторая лошадь — арабская кобыла Стрѣleckаго государственнаго конскаго завода.

Обѣ лошади хорошо тренированы и отлично напрыганы. Собственная офицерская лошадь младшаго офицера полусотни, поручика К., уступленная изъ строя Приморскаго драгунскаго полка, хромала и скакать не могла.

Хитрые сыны Альбіона, прикинувъ жеребца штабсъ-ротмистра на рѣзвомъ галопѣ, заявили, что допустятъ его въ скачку при условіи лишнихъ 10 паундовъ 12^{1/2} русск. фунтовъ) вѣса противъ другихъ лошадей

Стрѣleckую же кобылу, какъ лошадь государственнаго конно-заводства (она имѣла корону на шеѣ подъ гривой) — совсѣмъ не допустили къ предварительной запискѣ,

Жеребецъ русскаго офицера не боялся вѣса и былъ тягучъ на большія дистанціи, поэтому штабсъ-ротмистръ Б. согласился нести лишній вѣсъ, чтобы участвовать на немъ въ скачкѣ.

Тогда англичане перемѣнили дистанцію на 1 вер. и сдѣлали скачку гладкой.

Въ такихъ условіяхъ жеребецъ имѣлъ мало шансовъ на выигрышъ.

Огорченному Б. пришлось записать на это состояніе слабенькаго австралійца, запроданнаго ему женою директора Русско-Азіатскаго банка М.те Ермолаевой, собиравшейся уѣзжать въ Европу.

Бѣднокостный, совсѣмъ не тренированный австраліецъ, годился только подъ дамскій вѣсъ и скоро выдыхался.

Довольные англичане предложили русскимъ крупное денежное пари, чья лошадь—русскихъ или англичанъ—будетъ въ скачкѣ впереди, независимо отъ приза.

Русская колонія поддержала своего офицера и отвѣтила 3.000 долларо́въ заклада на пари.

Въ день скачки къ старту выѣхали: русскіе, французы, нѣмцы, англичане и 2 бельгійца.

Подъ шт.-ротмистромъ Б. былъ австраліецъ, прошедшій всего 10 дневную тренировку, а поручикъ К. выѣхалъ только для отбытія номера 2-ой русской лошади — на казенно-офицерскомъ старомъ кабардинцѣ.

Послѣ 2-хъ фальшистартовъ, скачку повелъ разгорячившійся австраліецъ, сперва было далеко бросившій своихъ противниковъ. Но на выходѣ на прямую онъ сразу завялъ.

Шпоры и хлысть не помогали. Скоро очень недурная нѣмецкая полукровка подѣ германскимъ конноартиллеристомъ подошла къ нему. Сзади подпирала лошадь англійскаго лейтенанта. При такомъ положеніи, штабсъ-ротмистру ничего не оставалось дѣлать, какъ, бросивъ борьбу съ нѣмцемъ, ѣхать по англичанину.

Первымъ къ столбу пришелъ германецъ, вторымъ шт.-ротмистръ Б. на совершенно выдохшемся конѣ, и сзади на $1\frac{1}{2}$ корпуса былъ англичанинъ.

Англичане были посрамлены и пари было выиграно!

Между прочимъ, нашъ казенно-офицерскій кабардинецъ, подѣ ѣздокомъ поручикомъ К., въ этой компаніи все таки былъ впереди одной французской лошади, пришедшей къ финишу послѣдней.

Характерно, что отъ привѣтствія бокаломъ шампанскаго, предложеннаго затѣмъ русской колоніей участникамъ скачки, англичане уклонились.

Въ Тяньцзинѣ часто устраивались военно-спортивные праздники, въ которыхъ побѣдителями большою частью выходили англичане.

Наши солдаты, вообще нѣсколько сырые, мало тренированные, были крѣпки и выносливы только естественной черноземной силою крестьянина, но спортивной подготовки къ этимъ состязаніямъ не имѣли.

Хотя, на примѣръ, въ 1913 г. въ Пекинѣ, наши здоровенные хохлы-артиллеристы (взвода тяжелой артиллеріи изъ Хабаровска) какой то чисто медвѣжьей ухваткой перетянули по очереди, въ состязаніяхъ на перетягиваніе веревки, команды всѣхъ націй.

А въ состязаніи патрулей отъ каждой націи на переходъ форсированнаго марша, стрѣлки квартировавшей въ Пекинѣ роты хотя и были только на 3-мъ мѣстѣ, но зато удивили всѣхъ иностранцевъ своею выносливостью: побѣдителей марша, французовъ и англичанъ, отпаивали послѣ окончанія состязанія виномъ, вытирали полотенцами, массировали, а затѣмъ, почти обезсиленныхъ, повезли нарикшахъ домой.

Наши же земляки, придя къ финишному флагу, присѣли на пару минутъ, подымили цыгарками, кой кто переобулся... Потомъ начальникъ патруля ихъ построилъ и они по его командѣ бодро, въ ногу зашагали въ свои казармы.

Къ сожалѣнію нашимъ стрѣлкамъ не пришлось принять участія въ призовой стрѣлбѣ изъ винтовокъ: дистанціи для нея были опредѣлены въ метрахъ а нашъ прицѣлъ, нарѣзанный въ шагахъ (аршинахъ), не допускалъ точной установки разстоянія при этихъ условіяхъ.

Призъ, кажется, тогда взяла команда нѣмцевъ.

Былъ случай въ Тяньцзинѣ, когда англійскіе офицеры, устраивавшіе рядъ матчей бокса между своими солдатами-боксерами и американцами, захотѣли попробовать въ этомъ видѣ спорта кого-нибудь изъ русскихъ кавалеристовъ. Въ полусотнѣ какъ разъ былъ кузнецъ, человѣкъ феноменальной, грубой силы, легко гнувшій руками подковы.

Между прочимъ, съ этимъ молодцомъ, незадолго передъ тѣмъ, по пьяному дѣлу произошелъ комичный случай: къ командиру полусотни явилась съ жалобой на него компанія изъ 6 или 7 избитыхъ и окровавленныхъ французскихъ солдатъ, которыхъ, какъ оказалось, молодчинище гдѣ то въ веселомъ домикѣ исколотилъ до полу-смерту.

Вотъ такого монстрика штабсъ-ротмистръ приказалъ привести въ англійскій спортивный клубъ на пробу въ боксъ.

Расторопный вахмистръ справиль посланнаго, по его выраженію. „честь-честью“: наканунѣ „сгоняль“ его въ баню, а въ день состязанія не разрѣшилъ обѣдать, а напоилъ только чаемъ.

И вотъ передъ любопытными англичанами предстала квадратная фигура средняго роста съ бычачьей шеей, на кривыхъ короткихъ ногахъ, съ длинными обезьяньими руками.

Фигура была затянута въ парадный мундиръ, при шашкѣ, въ огромныхъ тяжелыхъ сапогахъ съ немилосердно звенящими шпорами.

Старательный вахмистръ даже смазаль ему волосы деревяннымъ масломъ.

Словомъ, красавецъ на 12 балловъ.

Звали его въ сотнѣ Кузя. Въ строю Кузя не блисталъ, за это и былъ сосланъ на кузницу въ кузнечные ученики...

Когда ему предложили переодѣться въ спортивный костюмъ для бокса, вообще чувствовавшій себя неловко въ присутствіи такого большого общества богатырь сконфузился окончательно и сталъ просить Христомъ Богомъ своего командира не одѣвать на него „шутовскаго“ наряда.

Дѣлать было нечего и ограничились тѣмъ, что съ него сняли мундиръ и шпоры.

Надѣли перчатки для бокса. Два инструктора-англичанина—солдата продемонстрировали сущность бокса, а затѣмъ нашъ офицеръ объяснилъ ему его правила. Стали въ позицію. По свистку сошлись.

Инструкторъ—англичанинъ, потоптавшись на мѣстѣ и сдѣлавъ нѣсколько пассивныхъ руками передъ его физиономіей, нанесъ ему нѣсколько прямыхъ ударовъ въ лицо.

Фигура только помотала головой, но никакъ на это не реагировала.

Тогда удивленный командиръ рѣшилъ его пободрить.

— Ну что же, Приходько, ты не отвѣчаешь ему?

— А можно, Ваше Высокоблагородіе?

— Ну, конечно же можно, дай ка ему!

... Кузнецъ неловко махнулъ раза два рукой, но ловкій англичанинъ увернулся и снова далъ ему нѣсколько затрещинъ...

И вдругъ Кузя, разъяренный какъ быкъ, наклонивъ голову, не обращая вниманія на сыпавшіеся удары, двинулся къ нему... Секунда—и, подхваченный какъ перышко на воздухъ инструкторъ очутился высоко надъ его головой, а затѣмъ, отлетѣвъ на нѣсколько шаговъ, тяжело шлепнулся на полъ и остался лежать безъ движенія...

Послѣ этого кузнецъ пытался удрать изъ зала, но азартные англичане уговорили попробовать еще разъ, объяснивъ, что хватать противника руками нельзя, а надо дѣйствовать кулаками.

Приходько мрачно кивнулъ головой, но только, когда выпустили второго инструктора (первый еле пришелъ въ себя), опять сталъ просить командира отпустить его домой.

„Какъ бы не зашибить ихъ на смерть“ — объяснилъ онъ причину своего отказа...

Свистокъ — и пара сошлась. Опять та же исторія: получивъ нѣсколько здоровенныхъ тумачковъ, сильно его разукрасившихъ, Кузя пытался было схватиться со своимъ противникомъ, но ихъ разняли. Состязаніе продолжалось. Но тутъ вышло такъ, что русскому силачу удалось, наконецъ, нанести ударъ своему противнику: онъ коротко, какъ медвѣдь лапою, „шлепнулъ“ англичанина на отмашь по щекѣ. Тотъ чуть не слетѣлъ съ ногъ, но быстро оправился и шатаясь, съ опущенной головой, бросился къ нему. Тогда кузнецъ крякнувъ, нанесъ ему такой ударъ по головѣ, что бриттъ сразу осѣлъ къ его ногамъ, теряя сознаніе.

На этомъ проба и кончилась.

Англичане собрали молодцу полную шапку кредитокъ и предложили его тренировать для публичнаго выступленія.

Но отъ ихъ затѣи пришлось отказаться, потому что въ тотъ же вечеръ Кузя черезъ вахмистра сталъ просить командира откомандировать его обратно въ полкъ. Конечно, онъ остался въ сотнѣ, но больше уже въ боксѣ не выступалъ, хотя многіе иностранцы,

любители этого вида спорта, специально приходили въ лагерь русскаго отряда, и, предлагая деньги, вызывали его на состязаніе.

Кузя былъ непоколебимъ и скоро, уволенный по окончаніи службы въ запасъ, уѣхалъ изъ Тянцина въ свою глухую сибирскую деревню.

Наши солдаты, поставленные уставомъ въ узкія рамки казарменной жизни, держались всторонѣ отъ иностранныхъ отрядовъ.

Но отношеніе къ націямъ съ ихъ стороны было различное: они почему то вообще не любили англичанъ, равнодушно относились къ французамъ (хотя лечились въ ихъ госпиталѣ) и итальянцамъ, за то съ нѣмцами, среди которыхъ много было познанскихъ поляковъ, вели опредѣленную дружбу.

Германцевъ они считали „настоящими“ солдатами. Можетъ быть это исходило отчасти отъ нашихъ офицеровъ, которые чаще всего бывали въ нѣмецкомъ военномъ обществѣ, а можетъ быть играло роль пониманіе языка (въ полусотнѣ также были поляки).

Что же касается вольнонаемныхъ американскихъ солдатъ, получавшихъ по курсу громадное жалованье (въ среднемъ 50 американскихъ долларовъ въ мѣсяць до 100 русскихъ рублей), то къ нимъ наши земляки питали особое уваженіе. Всегда удивляли нашихъ солдатъ ихъ „партикулярныя“ шляпы и пальто, присвоенныя по формѣ арміи Соединенныхъ Штатовъ.

На этой почвѣ коммерсанты-янки даже эксплуатировали русскихъ.

Обычно происходило такъ: пропустившій въ 2—3 дня по барамъ и пр. значнымъ мѣстамъ свое жалованье американецъ одѣвался въ пальто, или бралъ его съ собою, и съ самымъ беззаботнымъ видомъ шелъ въ воскресенье въ городской скверъ.

Здѣсь, нахлобучивъ шляпу, небрежно развалиясь и задрать ноги возможно выше, олицетворяя собою полнѣйшее равнодушіе ко всему, располагался на садовой скамейкѣ.

Дзинь... Дзинь... Дзинь,—появлялся около него одѣтый въ парадную форму, звѣнѣвшій шпорами, русскій кавалеристъ. Остановившись около сидѣвшаго, послѣдній бралъ подъ козырекъ и робко начиналъ лепетать по русски:

— “Дозвольте, господинъ, съ вами сняться на фотографіи?”

„What?“ „Photograph? Okay!“ слѣдовалъ отвѣтъ американца сквозь зубы: — “one dollar“!

Нашъ солдатикъ покорно опускалъ въ протянутую руку серебряную монету, а какъ изъ подъ земли появившійся бродячій китаецъ — фотографъ устанавливалъ аппаратъ на своеобразную группу.

На переднемъ фонѣ, развалиясь на скамейкѣ, (обязательно въ пальто и шляпѣ) американецъ, а сзади, вытянувшись въ струнку, иногда съ обнаженной шашкой — нашъ землякъ!

Для этихъ идиотскихъ снимковъ наши молодцы добыли кого то предприимчиваго петербургскаго фотографа, который за рубль высылалъ имъ (можно и налож. платежемъ) фотографическую карточку, столь распространенную среди солдатъ.

Голова солдата, вырѣзанная изъ старой фотографической карточки (ее нужно было послать при заказѣ) наклеивалась на уже готовый рисунокъ вздыбившейся породистой лошади (любой масти) на которой сидѣлъ всадникъ въ разкрашенной фантастической формѣ даннаго полка.

Всадникъ (наклеенная голова en face, а фигура въ профиль) палилъ изъ револьвера или грозилъ, поднятой кверху обнаженной шашкой. Послѣднее—по желанію

Внизу надпись: „Въ память моей военной службы. Конь — „Вихрь“.

Такими „Георгіями — Побѣдоносцами“ снимались не только строевые солдаты, но даже эскадронный писарь, панически боявшійся коня, и тотъ запечатлѣлъ себя такимъ геройскимъ образомъ.

Но не долго пришлось оборотистымъ янки выуживать русскіе рубли — скоро наши ихъ перехитрили.

Осенью 1912 года въ полусотню было дано на испытаніе съ десятокъ бамбуковыхъ пикъ, которыми какой то Тяньцзинскій коммерсантъ предложилъ русскому правительству снабдить всю дальневосточную конницу. Къ слову сказать, онѣ оказались при уколѣ ломкими или гнулись, а потому были забракованы.

И вотъ картина: ѣдетъ какъ то въ воскресенье командиръ полусотни съ дамой верхомъ близъ американскихъ казармъ. Навстрѣчу—два его молодца верхомъ съ пиками и, несмотря на совсѣмъ еще теплое время, въ огромныхъ манчжурскихъ папахъхъ.

Взяли пики въ руку..вскликнули головы на офицера. „Здорово, джигиты!“ — „Здравія желаемъ, Ваше Высокородіе“ — „Куда?“ — „Такъ что сниматься“.

„Съ американцами?“ Сконфуженно улыбаются. „Никакъ нѣтъ — одни“...

Черезъ нѣсколько кварталовъ еще нѣсколько конныхъ, и въ томъ же видѣ: защитная русская рубашка (а не парадный мундиръ, какъ обычно для фотографіи), папаха и въ рукахъ торчатъ пики.

И тоже ѣдутъ сниматься.

Поѣхаль послѣ завтрака къ французамъ въ гости въ Арсеналь (4 версты отъ города) — опять встрѣтилъ пару своихъ солдатъ въ такомъ же подчеркнуто боевомъ видѣ.

Заинтересовался штабсъ-ротмистръ и вечеромъ, придя въ сотню, полюбопытствовалъ посмотреть снимки. Солдаты мнутъ,.. толкаютъ другъ друга, но карточекъ что-то не показываютъ — стѣсняются.

Наконецъ разбитной, первый джигитъ въ сотнѣ, любимецъ командира ун. офицеръ Бѣлюкинъ смущенно извлекаетъ изъ сундучка фотографическую карточку.

И что же? На скверномъ снимкѣ бродячаго фотографа — китайца снятъ верхомъ нашъ солдатъ съ пикою и въ папахъ, а рядомъ скромно, безъ своего обычваго гордаго вида, стоитъ американскій солдатъ.

Для поясненія этого дружескаго альянса на паспарту заранѣе напечатанная надпись по англійски гласитъ: „The wild Russian Cossack from Siberia“.

— „Дикій русскій казакъ изъ Сибири“.

Оказалось, что наши земляки перехитрили американцев и, снимаясь съ ними въ такомъ видѣ, брали съ нихъ „за позированіе“ не 1 долларъ, а два!

Впрочемъ, для другихъ націй, болѣе бѣдныхъ, такса была понижена.

Пользовались у иностранцевъ успѣхомъ и наши пѣсенники, по правдѣ сказать очень и очень посредственные, бравшіе шумомъ, присвистомъ и аккомпанементами 2-хъ великолѣпныхъ гармонистовъ.

Заключительнымъ номеромъ всегда была русская плясовая. На одномъ изъ благотворительныхъ вечеровъ, Танцинская интернаціональная публика, оставшись довольно равнодушной къ интересному номеру партерной и фигурной гимнастики спортивной команды нѣмецкихъ солдатъ, долго не отпускала со сцены нашъ хоръ и особенно плясуновъ, исполнившихъ нѣсколько разъ на bis русскую плясовую. А репертуаръ хора былъ очень скромный, состоявшій изъ нѣсколькихъ малороссійскихъ и военныхъ пѣсень, болѣе подходящихъ для коннаго строя, чѣмъ для концертнаго зала.

Впрочемъ, симпатіи Тянцинскихъ обывателей къ русскимъ солдатамъ остались еще со временъ боксерскаго возстанія 1900 г., когда русскіе стрѣлки защищали г. Тянцинь и съ генераломъ Линевичемъ ходили на штурмъ стѣнъ Пекина.

Въ огромномъ тѣнистомъ паркѣ русской концессіи, гдѣ въ братской могилѣ въ 1900 г. были похоронены, павшіе при штурмѣ Тянцинскаго Арсенала, Сибирскіе стрѣлки, въ то время была небольшая часовня — памятникъ (Теперь построены обширный храмъ).

Въ день ихъ поминовенія, все подножіе памятника обычно бывало украшено цвѣтами — знакъ вниманія къ героямъ Тянцинскихъ дѣльцовъ, которымъ русскіе тогда спасли драгоцѣнную жизнь и имущество.

И странно было читать по англійски на стѣнахъ городской ратуши, наравнѣ со сравнительно малочисленными фамиліями иностранцевъ, убитыхъ во время

экспедиціи Сеймура къ Пекину, перевернутыя имена и фамиліи нашихъ, павшихъ при оборонѣ Тянцзина стрѣлковъ и казаковъ.

Но въ тѣ времена, передъ Великой войной, престижъ Россіи стоялъ высоко и русскіе не были безродными и бездомными паріями, какъ теперъ.

Французы и англичане опредѣленно искали, даже въ этомъ отдаленномъ уголку свѣта, сближенія съ русскими, а нѣмцы съ интересомъ наблюдали и изучали своихъ будущихъ враговъ.

Дѣло теперъ прошлое, но во время натянутыхъ отношеній Россіи съ Китаемъ въ 1912 г. изъ за Монгольскаго вопроса, новыя трехлинейки съ прицѣломъ для остроконечной пули, привезенныя пароходомъ изъ Владивостока въ Циндао, и запасъ патроновъ къ нимъ—были доставлены Тянцзинскому Россійскому охранному отряду въ эшелонѣ нѣмецкой смѣнной команды, ѣхавшей смѣнять свои части въ Пекинѣ и Тянцзинѣ.

Вѣроятно огромная серебряная ваза для крушона, подарокъ русскихъ офицерскому собранію 3-го Германскаго морскаго батальона за оказанное въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе, украшаетъ теперъ какой-нибудь Японскій военный музей, въ которомъ собраны ихъ трофеи осады Циндао въ 1914 году!

Тогда вулканъ будущей Европейской войны еще только шумѣлъ гдѣ то внутри и вотъ вотъ должно было вырваться наружу пламя взрыва всемірной бойни, которое раздѣлило впослѣдствіи мирно живущихъ въ Тянцзинѣ бокъ о бокъ военныхъ представителей различныхъ націй на два враждующихъ лагеря.

Но это случилось послѣ описаннаго, только черезъ два года!

И правъ былъ мудрый Юан-Ши-Кай, первый президентъ Китайской Республики, который на парадномъ обѣдѣ, устроенномъ имъ при пріѣздѣ весною 1913 г. въ Тянцзинъ въ честь представителей иностранныхъ армій гарнизона, сказалъ въ своей рѣчи: „Джентльмены, когда Родина каждаго изъ васъ, можетъ быть потребуеть отъ васъ жертвъ, я не сомнѣваюсь, что вы всѣ исполните свой воинскій долгъ.“

„Теперь здѣсь, на чужбинѣ, вы являетесь гостями Великаго Китайскаго народа, исконне отличающагося своимъ миролюбіемъ; поэтому въ сегодняшній день, за нашей дружеской бесѣдой, вы всѣ должны быть только хорошими пріятелями между собою...“ и т. д. что то въ этомъ духѣ.

На этомъ обѣдѣ, за огромными столами, установленными въ обширномъ залѣ ввидѣ русской буфеты П, вперемежку сидѣли русскіе, германскіе, японскіе, французскіе, англійскіе и офицеры другихъ націй.

Компанія весело объединялась до глубокой ночи.

Никто тогда, вѣроятно, не предполагалъ, что скоро, очень скоро японскіе и англійскіе офицеры будутъ осаждать своихъ сосѣдей по столу — Германцевъ въ Циндао; что французамъ придется драться съ соотечественниками послѣднихъ на поляхъ Франціи; что большинство лихихъ джигитовъ охранной полусотни, которыми всегда такъ восторгались нѣмцы и австрійцы, найдутъ себѣ могилу на поляхъ Галиціи и Волыни отъ нѣмецкихъ же пуль; а миролюбивый Китай будутъ раздирать нескончаемая междуусобная война, поднятая можетъ быть этими же, сидѣвшими тогда за столомъ китайскими генералами.

Кто могъ тогда думать, что черезъ нѣсколько лѣтъ обширная русская концессія въ Тяньцзинѣ будетъ возвращена „товарищами“ Китаю, а нѣмцы утратятъ благоустроенную свою, находящуюся противъ русской, на другомъ берегу рѣки?

Но времена измѣнчивы, и тѣ времена канули въ вѣчность.

Случай.

Курьерскій поѣздъ шель въ Москву.

Весело было на душѣ у Бориса Рязанцева, когда носильщикъ устроилъ его въ двухмѣстномъ купѣ наряднаго, чистенькаго вагона. Да и было чему радоваться: наконецъ то, хоть на нѣсколько дней онъ могъ вырваться изъ опеки дядюшки, тяжелаго старика старой купеческой складки, отдохнуть отъ родственныхъ нотацій тетушки. Вотъ вѣдь наградила его огромнѣйшей корзиной домашнихъ припасовъ, даже банка варенья предательски торчитъ изъ подъ крышки. — „Въ буфетахъ все дорого, такъ ты, Боря, денежки береги“...

Борисъ даже покраснѣлъ, вспомнивъ насмѣшливую улыбку красивой брюнетки, которую носильщикъ нечаянно задѣлъ въ корридорѣ.

Борису, племяннику самодура купца, наслѣднику значительнаго состоянія, пришлось почти безвыѣздно прожить въ провинціальномъ городѣ болѣе 20 лѣтъ: старикъ не отпускалъ его и всячески старался заинтересовать юношу своимъ торговымъ дѣломъ.

Въ вагонѣ Борисъ размечтался о Москвѣ. Исполнить порученіе дяди, а потомъ встряхнуться, кутнуть во всю. Онъ даже машинально пощупалъ боковой карманъ пиджака, гдѣ у него хранился толстый пакетъ съ крупною суммой для взноса по векселю. Старикъ по старинной традиціи не пользовался услугами банковскихъ переводовъ, да и дѣло требовало личныхъ переговоровъ съ кредиторомъ. Въ бумажникѣ пріятно шелестѣло нѣсколько радужныхъ, данныхъ молодому человѣку на расходы и покупки, а въ карманчикѣ жилета были спрятаны двѣ сторублевки, сунутыя тетей своему любимцу въ послѣдній моментъ.

Словомъ, все слагалось какъ нельзя лучше и Борисъ заранѣе предвкушалъ массу удовольствій.

Осмотрѣвшись, онъ остался очень доволенъ публикой своего вагона. Въ сосѣднемъ купѣ помѣщалась та красивая брюнетка, на которую онъ обратилъ вниманіе раньше. Сейчасъ она сидѣла въ корридорѣ и оживленно разговаривала съ какимъ то высокимъ, представительнымъ господиномъ въ дымчатомъ пенснэ. Въ слѣдующемъ купѣ два господина, повидимому иностранцы, говорили по нѣмецки. Борисъ почему обратилъ вниманіе на холеныя руки, съ бриллиантовымъ перстнемъ на правой одного изъ нихъ. Кромѣ этихъ пассажировъ, была еще пожилая дама съ хорошенькой дѣвочкой подросткомъ и какая то супружеская чета. Остальныя отдѣленія были закрыты.

Раскладывая свои вещи, Борисъ замѣтилъ въ сѣткѣ щегольской чемоданъ, весь испещренный наклейками отелей. Тутъ же висѣло элегантное пальто. При видѣ этихъ вещей юношѣ стало стыдно своего потрепаннаго чемодана, стараго портплекда, а корзина съ провизіей приводила его въ ужасъ. Онъ рѣшилъ обязательно отъ нея избавиться.

Борисъ устроился, досталъ московскую газету и, смакуя предстоящія удовольствія, углубился въ чтеніе объявленій театровъ, цирковъ и пр. Его занятіе прервалъ чей-то голосъ. „Pardon“, я кажется вамъ помѣшалъ? Въ дверяхъ стоялъ господинъ въ пенснэ и видимо хотѣлъ занять свое мѣсто.

Борисъ засуетился, но тотъ сѣлъ къ окну и, доставъ массивный портсигаръ, весь усыпанный монограммами, предложилъ ему курить. Они познакомились и скоро непринужденно болтали. Молодой человекъ узналъ, что спутникъ его—инженеръ, стоящій во главѣ одного изъ заводовъ на югѣ, ѣхалъ по дѣламъ въ столицу.

Въ свою очередь Борисъ рассказалъ ему о себѣ и даже о цѣли своей поѣздки. Онъ не обратилъ вниманія, какъ при упоминаніи о деньгахъ у инженера радостно блеснули глаза, съ этого момента онъ сталъ особенно предупредителенъ къ Борису.

Поболтавъ, инженеръ что-то напѣвая, прошелъ на площадку. Слѣдомъ за нимъ поспѣшила дама, съ

которой онъ разговариваль, а затѣмъ скоро, подѣ видомъ желанія вымыть руки, прошелъ къ уборной одинъ изъ иностранцевъ. Компания обмѣнялась нѣсколькими отрывочными фразами и разошлась.

Завтракать въ вагонъ-ресторанъ Борисъ пошелъ вмѣстѣ со своимъ новымъ знакомымъ. Когда инженеръ заказываль меню завтрака и съ особымъ барствомъ любящаго и умѣющаго покушать гурмана отдаваль приказанія лакею, Борисъ былъ на верху блаженства отъ сознанія, что находится въ обществѣ такого господина.

Пришли и два иностранца и расположились за столикомъ невдалекѣ.

Выпили и закусили, снова выпили. Инженеръ самъ накладываль молодому человѣку то одно, то другое, и наливаль, наливаль безъ конца.

Борисъ пилъ рюмка за рюмкой, раскраснѣлся и чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ, видя что брюнетка, сидѣвшая за сосѣднимъ столикомъ, кокетничаетъ съ нимъ.

Воспользовавшись общимъ разговоромъ, инженеръ представилъ ей молодого человѣка, отрекомендовавъ ее какъ жену своего большого пріятеля, московскаго присяжнаго повѣреннаго.

Какъ поняль Борисъ — Евгенія Владимировна возвращалась къ мужу въ Москву, послѣ леченія на одномъ изъ курортовъ.

Пересѣли къ ея столику.

Лакей принесъ замороженное Клико и фрукты. Компания разошлась: пили кавалеры, пила и дама, усиленно чокавшаяся съ Борисомъ, заставляя его залпомъ выпивать фужерь за ея здоровье. Ушли нѣмцы, предварительно обмѣнявшись вопросительными взглядами съ инженеромъ. Шампанское смѣнило кофѣ съ цѣлымъ ассортиментомъ ликеровъ.

Борисъ чувствовалъ, что онъ пьянѣеть отъ вина и отъ прикосновенія ножки, прижимавшейся къ нему подѣ столомъ... и все таки пилъ.

Наконецъ дама заявила, что она устала. Лакей принесъ внушительный счетъ, по которому щедро расплатился инженеръ. Попытку молодого человѣка

внести свою часть онъ категорически отклонилъ. Вернулись въ вагонъ. Дорогой дама нѣжно прижималась къ Борису.

Когда проходили мимо купэ, занятаго иностранцами, Евгенія Владимировна, увидѣвъ, что они играютъ въ карты, какъ ребенокъ захлопала въ ладоши и выразила желаніе принять участіе въ игрѣ. Напрасно Борисъ шепталъ ей о своей любви, просилъ ее посидѣть съ нимъ — она обѣщала потомъ, послѣ игры.

Иностранцы раскланялись и предложили мѣста. Одинъ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, назвался барономъ П., а другой, — владѣлецъ красивыхъ рукъ, — докторомъ С. Усѣлись и игра началась, Вынули карты, банкъ заложилъ докторъ. Играли по мелкой и скоро заложенныхъ имъ денегъ не стало. Банкъ перешелъ къ инженеру — тотъ заложилъ сразу 50 рублей, что шумно привѣтствовала Евгенія Владимировна, хотя ея карта была бита, зато Борисъ выигравшій сразу болѣе ста рублей и поощряемый своей сосѣдкой, рѣшилъ не упускать счастья.

Очередь держать банкъ дошла до Бориса, ему повезло и онъ снялъ цѣлую кучу бумажекъ.

Игра продолжалась, проигрывался инженеръ, все увеличивавшій ставки, выигрывалъ баронъ, у доктора и Евгеніи Владимировны игра шла съ переменнымъ счастьемъ. Поощряемый послѣдней, предлагавшей играть на ея счастье, то на то что она задумала, при чемъ эти слова сопровождалась многообѣщающими взглядами, Борисъ все увеличивалъ ставки. Онъ давно проигралъ свой выигрышъ, проигралъ часть своихъ денегъ и хотѣлъ отыграться.

Борисъ пробовалъ остановиться, бросить игру, но азартъ захватилъ его, бродилъ хмель въ отуманенномъ мозгу и безумно хотѣлось отыграться. Онъ досталъ свой пакетъ, вынулъ крупную кредитку и сразу сдѣлалъ большую ставку. Игра перешла въ новую фазу: всѣ стали азартничать, даже Евгенія Владимировна, бывшая въ небольшомъ проигрышѣ, поддавалась общему настроенію. Фортуна окончательно повернулась спиной къ Борису: всѣ крупныя его ставки бились.

Приходили и уходили лакеи, принося сандвичи, закуски, вино... Нѣсколько разъ заглядывали кондуктора, но послѣ краткаго разговора съ инженеромъ въ корридорѣ, они успокаивались. Получилъ свою мзду и проводникъ.

А Борисъ все игралъ и игралъ и по мѣрѣ его игры пакетъ его становился тоньше и тоньше...

Теперь выигрывалъ докторъ и отчасти баронъ. Евгенія Владимировна больше не играла, прижавшись къ Борису и какъ будто сочувствуя ему, она ловко подзадаривала его на крупныя ставки, и въ то же время подавала незамѣтные знаки остальнымъ партнерамъ. Какъ только Борисъ хотѣлъ бросить игру, ему начало везти, онъ старался отыграться, счастье мѣнялось и проигрышъ его росъ.

Давно наступила ночь. Ушла къ себѣ молодая женщина. Приближались къ узловой станціи.

Подъ видомъ большого проигрыша забастовалъ инженеръ, потребовавшій себѣ для освѣженія мартелевскаго коньяку.

Теперь только Борисъ понималъ ужасъ своего положенія: изъ всей суммы у него осталась сотенная и нѣсколько мелкихъ кредитокъ.

Съ горя Борисъ залпомъ выпилъ цѣлую стопку коньяку, услужливо налитую ему инженеромъ, не обративъ вниманія на нѣсколько странный вкусъ коньяку. Въ головѣ у него зашумѣло, закачался вагонъ, поплыли въ табачномъ туманѣ лица партнеровъ и онъ, совершенно пьяный, свалился на диванъ и тотчасъ уснулъ тяжелымъ сномъ.

Онъ не чувствовалъ какъ его перенесли въ купѣ, уложили, не слышалъ, какъ спутникъ его исчезъ безшумно на узловой станціи. Незамѣтно, каждый отдѣльно сошли его остальные партнеры.

Вновь вступившая бригада не въ силахъ была его разбудить.

Борисъ проснулся, когда поѣздъ пришелъ въ Москву.

Безумно болѣла и кружилась голова. Блѣдный, совсѣмъ разбитый вчерашнимъ пьянствомъ съ трудомъ поднялся, кое какъ привелъ себя въ порядокъ и

вдругъ вспомнилъ, съ ужасомъ вспомнилъ свой вчерашній проигрышъ.

Схватился за боковой карманъ — онъ былъ пустъ. Тамъ сиротливо лежало смятое письмо дяди. Въ бумажникѣ нашлось, правда, около 160 рублей, но что же дѣлать дальше. Какъ быть? Заявить жандармамъ, можетъ быть они разыщутъ и отберутъ деньги у этихъ несомнѣнно мошеннически обыгравшихъ его шулеровъ.

Позвонилъ проводника. Тотъ дерзко заявилъ, что онъ ничего знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ, это моль, не его дѣло и нехотя, громко ворча, пошелъ за жандармомъ.

Когда еле державшійся на ногахъ Борисъ разсказалъ ему все происшедшее, жандармскій ротмистръ усумнился въ правдивости его заявленія и составляя протоколъ, укорялъ молодого человѣка въ пьянствѣ и неосторожности.

Вызванный къ допросу проводникъ показалъ, что господа немного гуляли у него въ вагонѣ но все было тихо, смирно, благородно, никакой азартной игры не было, развѣ только въ преферансъ или въ какую другую господскую игру. Ничего подозрительнаго онъ не замѣтилъ, всѣ имѣли билеты въ разныя мѣста и ночью слѣзли.

Ресторанная прислуга тоже не показала ничего новаго и только подчеркнула, что по крупному счету платилъ другой господинъ, а не этотъ молодой человѣкъ, бывший сильно пьянымъ.

Ротмистръ подозрительно просмотрѣлъ паспортъ Бориса, сухо обѣщаль принять мѣры и предложилъ навѣдаться денька черезъ два—три.

Разбитый нравственно и физически, въ полномъ отчаяніи отъ неожиданно свалившагося на него несчастья, молодой человѣкъ поплелся къ выходу.

Онъ апатично позволилъ завладѣть своими вещами первому попавшемуся комиссіонеру гостиницы, какъ потомъ оказалось гостиницы „Спортъ“.

Оставшись, наконецъ, одинъ въ номерѣ, Борисъ съ судорожными рыданіями повалился на кровать.

Что дѣлать? Телеграфировать дядѣ, — скупой

старикъ никогда не проститъ ему этого поступка, лишитъ наслѣдства, выгонитъ вонъ.

Разыгравшееся воображеніе рисовало самыя мрачныя картины.

Какъ быть? Срокъ векселя истекаетъ послѣ завтра, необходимо внести деньги, но гдѣ и у кого ихъ взять.

Цѣлый день и ночь ломалъ себѣ голову надъ этимъ вопросомъ Борисъ, составлялъ письма къ дядѣ, тетускѣ, рвалъ, ихъ, снова писалъ.

Мысль о самоубійствѣ не разъ приходила ему въ голову, но онъ гналъ ее прочь, рѣшивъ попробовать смягчить дядю.

Лишь подъ утро, не раздѣваясь, въ своемъ дорожномъ костюмѣ онъ легъ и забылся тяжелымъ, полнымъ кошмаровъ сномъ.

На слѣдующій день Борисъ проснулся поздно, наскоро позавтракалъ и рѣшилъ прогуляться, чтобъ потомъ на свѣжую голову, обдумать свое положеніе и остановиться на томъ или иномъ рѣшеніи.

Было воскресенье. Многочисленная публика въ автомобиляхъ, въ экипажахъ, въ трамваяхъ торопилась на ипподромъ.

Машинально, не отдавая себѣ отчета, свернулъ туда и Борисъ. Около ипподрома вниманіе его привлекъ какой то разбитной паренекъ, весь обвѣшанный принадлежностями конюшеннаго обихода, видно принадлежащей къ прислугѣ одной изъ конюшенъ.

Паренекъ уже нѣсколько разъ приставалъ къ проходящей публикѣ, но всѣ съ досадой отмахивались отъ него.

Заинтересованный Борисъ подошелъ къ нему и спросилъ въ чемъ дѣло. Путаясь и сбиваясь, паренекъ объяснилъ ему, что въ шестомъ заѣздѣ бѣжитъ ихъ „Звѣзда“, которая непременно должна выиграть, что всѣ конюха и наѣзники на нее ставятъ, что онъ тоже хочетъ примазать свои два рубля, да боится, что его обманутъ при расчетѣ и отнимутъ у него выигрышъ. Поэтому онъ и обращается къ господамъ, чтобъ тѣ взяли его въ долю. Борисъ обѣщаль ему это сдѣлать и взявъ на счастье деньги паренька, отправился на ипподромъ.

Звуки духовой музыки, шумъ и гомонъ многочисленной суетливой толпы, блескъ туалетовъ — все это ошеломило и отвлекло, а когда на стартъ выѣхало нѣсколько кровныхъ рысаковъ, Борисъ, вообще большой любитель лошадей, заинтересовался состязаніями и почти забылъ про свое несчастье. Онъ пропустилъ четвертый заѣздъ и поставилъ въ пятомъ заѣздѣ на вороного удивительно похожаго на ихъ „Шаловливаго“.

Когда Борисъ машинально опускалъ въ жилетный карманъ свой, правда небольшой, выигрышъ, рука его невольно нащупала засунутыя двѣ сторублевки-подарокъ тетки. Вчера онъ совсѣмъ забылъ о нихъ. Обрадованный Борисъ увидѣлъ, что капиталъ его округлился до 400 рублей.

Зазвонилъ къ шестому заѣзду.

Изъ десяти классныхъ рысаковъ, пронесившихся мимо трибунъ, ему положительно понравилась рослая, мощная, великолѣпнаго экстерьера гнѣдая кобыла — „Звѣзда“.

Въ публикѣ горорили, что это новая, впервые выступавшая въ сезонъ лошадь, бѣжавшая и довольно неудачно, не то въ Тамбовѣ, не то въ Воронежѣ. Игры на нее почти не было, ставки публики раздѣлялись на двухъ жевебцовъ, общихъ фаворитовъ.

Но Борису больше по душѣ была „Звѣзда“, инстинктомъ охотника онъ былъ всецѣло за нее.

Какое то странное чувство охватило его, онъ вспомнилъ разговоръ съ конюшеннымъ мальчикомъ, росла ничѣмъ необъяснимая увѣренность въ выигрышѣ этой лошади, внутренній голосъ подсказывалъ, что теперь, когда, казалось, потеряно все: деньги, честь, довѣріе дяди,— нужно рискнуть послѣдними сторублевками.

Послѣ недолгой борьбы, Борисъ всѣ деньги (онъ оставилъ на телеграмму дядѣ) поставилъ на „Звѣзду“.

Никогда онъ такъ не волновался: отъ результата заѣзда зависѣла его дальнѣйшая судьба... А вдругъ эта ставка будетъ бита. Борисъ даже похолодѣлъ отъ этой мысли...

Опять позвонилъ звонокъ, призывающій къ старту.

Послѣ нѣсколькихъ фальстартовъ, лошади съ хода приняли стартъ.

„Пошли“ облеченно вырвалось у публики. Борисъ съ ужасомъ увидѣлъ, что „Звѣзда“ рѣдко и далеко выбрасывая ноги, шла предпоследней.

Въ правомъ поворотѣ „Звѣзда“ постепенно переложилась на 5 или 6 мѣсто и бѣжала, все наддавая ходу.

Борисъ, какъ впился взглядомъ въ лошадь, такъ и не могъ оторваться отъ нея. Въ ней была его судьба, его счастье, и лошадь какъ будто зная это, энергично боролась со своими соперниками. Уже на той сторонѣ она обошла еще двухъ лошадей и была, правда далекой, третьей.

Последній поворотъ, вышли на прямую, гдѣ „Звѣзда“ стала настигать впереди идущихъ. Кобыла шла свѣжо, напористо, прося хода, тогда какъ соперники ея въ борьбѣ между собой тратили много силъ.

Приближались къ выигрышному столбу... Шумѣлъ и волновался ипподромъ, борьба двухъ фаворитовъ, шедшихъ голова въ голову, увлекала всѣхъ. Выкрикивали, приходя въ азартъ ихъ имена, аплодировали, поощряли.

У Бориса упало сердце: „Звѣзда“ полемъ, съ небольшимъ просвѣтомъ, шла только третьей.

„Все потеряно, все пропало“, думалось ему...

И вдругъ, когда соперники на финишѣ напрягли всѣ усилія, „Звѣзда“ сразу наддала, закрыла ихъ, моментъ продержалась съ ними и увѣренно въ рукахъ вышла впередъ

Грянулъ громъ аплодисментовъ. Счастливый Борисъ неистово хлопалъ въ ладоши и всѣмъ своимъ существомъ выражалъ бурный восторгъ.

Публика хлынула къ кассамъ тотализатора. Дрожащими руками сунуль юноша артельщику — кассиру пачку билетовъ. Тотъ хмуро отсчитывалъ ему деньги, сколько Борисъ не зналъ, что то много, много сторублевокъ, которыя онъ разсовывалъ по карманамъ.

Сопровождаемый завистливыми взглядами, безцеремонно расталкивая публику, онъ бросился къ выходу. Скорѣй, скорѣй домой.

У выхода его встрѣтилъ паренекъ, виновникъ удачной ставки и обиженнымъ тономъ потребоваль 50 рублей, причитавшихся на его долю.

Борисъ на ходу сунулъ ему три сотенныхъ и вскочилъ въ пролетку лихаца. Дома, немного придя въ себя, онъ сосчиталь свой выигрышь: въ кучкѣ бумажекъ оказалось болѣе восьми тысячъ. Сумма вполнѣ достаточная, чтобъ пополнить проигрышь, сдѣлать покупки и кутнуть, во всю кутнуть.

Борисъ десятки разъ пересчитываль деньги, пряталь, снова вынималь.

Вечеромъ, хорошо поужинавъ у себя въ номерѣ, онъ рано легъ и уснулъ безмятежнымъ сномъ счастливаго человѣка.

На утро поѣхаль въ банкъ, внесъ деньги, покончилъ съ кредиторомъ, послаль срочную телеграмму дядѣ и жизнерадостный, оживленный отправился въ городъ.

Онъ сдѣлаль нужныя покупки, съ ногъ до головы одѣлся у Жака и по купеческой традиціи отправился завтракать къ Тѣстову.

Остатокъ дня и ночь прошли какъ въ туманѣ: оперетка у Зона, ужинъ у Яра въ компаніи шансонетныхъ пѣвиць, цыганскій хоръ въ Мавританіи и почему то совсѣмъ подъ утро румяные блины въ какомъ то кабачкѣ.

Черезъ двое сутокъ Борисъ вернулся въ родной городъ.

Спустя долгое время онъ прочель въ газетахъ про громкій процессъ шайки шулеровъ, состоявшей изъ 4 членовъ — женщины и трехъ мужчинъ. По описанію это была Евгенія Владимировна и ея кавалеры.

Элла.

(Изъ цирковой жизни).

Въ этомъ весеннемъ столичномъ сезонѣ Элла пользовалась громаднѣмъ успѣхомъ. Въ фешенебельныхъ салонахъ, въ модныхъ кабакахъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчались прожигающие жизнь богатые люди, — имя Эллы было особенно популярно.

О ней говорили какъ о самой шикарной женщинѣ столичнаго демимонда, восторгались ея красотой, умопомрачительными бриллиантами, самыми вызывающими роскошными туалетами, а самое главное — дикимъ, необузданнымъ, чисто дьявольскимъ характеромъ взбалмошенной женщины, не знающей удержа ни въ своихъ тратахъ, ни въ походахъ.

Правда, многіе связывали ея имя съ именемъ банкира, хотя кромѣ этого, такъ сказать, главнаго персонажа, было еще нѣсколько второстепенныхъ, летѣвшихъ къ ней, какъ мотыльки на огонь, и конечно, расплачивавшихся за это своими туго набитыми карманами.

Но помимо всего этого артистическія выступленія Эллы въ циркѣ Тамазелли собирали, особенно по субботамъ, весь столичный хай-ляйфъ и представленія проходили съ аншлагомъ.

Элла была наѣздницей, но не обыкновенной цирковой дивой, продѣлывающей на старой, спокойной, дрессированной лошади скучные номера вольтижеровки, доступные исполненію зауряднаго кавалерійскаго юнкера, она не показывала подъ музыку мало кому понятныхъ пируэтовъ высшей школы на заранѣе надерганной кордами и нашлепанной бичемъ лошади.

Жанръ Эллы былъ другой и трудно было сказать, гдѣ кончалось одно и начиналось другое. Когда Элла подѣ звуки бѣшеннаго галопа чертомъ вылетала на своемъ золотистомъ англо-арабѣ „Демонъ“, очень зломъ и упрямомъ жеребцѣ и въ костюмѣ то ковбоя, то Мефистофеля, (похожая, правда, въ немъ больше на обворожительнаго вампира), рѣже въ трико, продѣлывала такіе головокружительные трюки наѣздническаго искусства, что публика, пораженная дьявольской ловкостью и смѣлостью этой хорошенькой, стройной женщины, буквально сходила съ ума отъ восторга. Дѣйствительно, в исполненіи номера Эллы воскресало понятіе о легендарныхъ амазонкахъ эпическаго періода. Весь циркъ, начиная отъ чопорныхъ ложъ и кончая чуткой галеркой бѣшено аплодировалъ красавицѣ наѣздницѣ, а толстый важный Тамазелли, считая барыши, алчно потиралъ руки.

Окутежахъ Эллы, окруженной всегда толпой богатыхъ, изысканныхъ поклонниковъ, ходили самые невѣроятные, часто пикантные рассказы.

Правда безумства ея носили, хотя и рискованный характеръ, но всегда почти имѣли красивый оттѣнокъ отваги и дерзости, столь присущей этой женщинѣ-ковбою.

Былъ случай, когда послѣ бурнаго кутежа въ компаніи влюбленныхъ въ нее до потери сознанія поклонниковъ, Элла, посадивъ въ экипажъ двухъ или трехъ самыхъ своихъ приближенныхъ обожателей, сама правя бѣшенной тройкой горячихъ лошадей, ничего лучшаго не нашла, какъ весною, когда переправа черезъ Неву была уже опасна, пролегѣть стрѣлой по трещавшему льду. Разъ, поспоривъ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ, большимъ спортсменомъ по части конкурнаго спорта, она на разсвѣтѣ, послѣ сильнаго кутежа въ загородномъ ресторанѣ, прыгнула на „Демонъ“ черезъ закрытый шлагбаумъ передъ быстро мчавшимся курьерскимъ поѣздомъ.

Однажды, приглашенная ужинать компаніей мужчинъ, Элла, заставивъ ихъ довольно долго себя ожидать, въѣхала верхомъ по лѣстницѣ въ отдѣльный кабинетъ второго этажа. Восхищеннымъ ея смѣлостью кавалерамъ, ничего не оставалось дѣлать, какъ распла-

тяться за убытки, причиненные ресторану вторженіемъ лошади. Другой разъ, увидѣвъ въ циркѣ швейцарскаго стрѣлка, стрѣлявшаго безъ промаха въ яблоко, положенное на голову партнерши, Элла, во время ужина потребовала револьверъ и захотѣла продѣлать этотъ номеръ со своими поклонниками.

Вызвавшійся военный пережилъ нѣсколько неприятныхъ минутъ, стоя съ бокаломъ на вытянутой в сторону рукѣ, пока Элла, наслаждавшаяся его нервною, только послѣ третьяго выстрѣла разбила стекло.

Вмѣшательство администраціи ресторана прекратило, къ вящему огорченію Эллы, эту милую шутку, а живая мишень была награждена ею разрѣшеніемъ ѣхать провожать Эллу домой . . .

Бывали, впрочемъ у Эллы чисто женскіе номера: протанцевать на столѣ огненную качучу совѣмъ „ню“ было у нея зауряднымъ явленіемъ.

Чуждая въ этомъ случаѣ эротики, Элла просто любила показать свое прекрасное тѣло, свою великолѣпно сложенную фигуру античной Діаны.

Таковъ былъ образъ этой женщины, вѣрнѣе дьявола въ женской оболочкѣ, но дьявола чертовски соблазнительнаго, красиваго, дразнящаго, увы — съ темпераментомъ мраморной Ніубей . . .

Элла никогда не рассказывала о своемъ дѣтствѣ, о своемъ происхожденіи, о родинѣ. Она была дитя цирка, арена ее воспитала и создала изъ нея интернаціональный типъ цирковой артистки.

Въ pendant своей хозяйкѣ — была и ея лошадь „Демонъ“. Рослый, сильный, великолѣпно сложенный англо-арабъ — какъ нельзя лучше оправдывалъ свое названіе: злая, горячая лошадь признавала только свою хозяйку, да подпускала къ себѣ конюха ее убиравшаго.

Зато въ ѣздѣ и только подъ Эллой „Демонъ“ былъ мечта, а не лошадь.

Отлично выѣзженный подъ высшую школу, великолѣпно ходившій подъ вольтижировку, онъ легко прыгалъ на пятакѣ цирковой арены почти 2 хъ аршинные барьеры. Разъ Элла, бывшая въ своемъ обыкновенномъ бѣснующемся настроеніи, прыгнула на немъ черезъ открытый автомобиль.

Ничего не стоило Эллѣ, карьеромъ вылетающей на арену, съ полнаго хода поднять его на дыбы, поставить на колѣни, положить. А на бѣшеной вольтижерскихъ трюковъ, прѣдѣлываемыхъ Эллою въ программѣ, „Демонъ“, даже не развязанный, безъ спеціального вольтижерскаго сѣдла, шелъ ровнымъ темпистымъ махомъ. Въ ѣздѣ, во время исполненія головокружительныхъ номеровъ наѣздническаго искусства, „Демонъ“ былъ весь огонь, весь порывъ, какъ будто лошадь понимала каждое движение, и помогала своей отважной наѣздницѣ, какъ могла.

Элла и „Демонъ“ были очень привязаны другъ къ другу. Зато другихъ людей, кромѣ входившаго съ опаской въ стоило уборщика, — „Демонъ“ не признавалъ. Два или три наѣздника, вполне могущіе считать себя смѣлыми, опытными сѣдоками, пожелавшіе попробовать лошадь, чуть не покалѣченные ею отказались отъ нея разъ и навсегда...

* * *

Блестящимъ праздникомъ шла жизнь Эллы: золото, веселая жизнь, толпа изысканныхъ поклонниковъ, стремившихся къ обладанію этой странной женщиной, шумный артистическій успѣхъ, все это сопровождало ея головокружительную карьеру...

Не было только одного: сердце этой красивой женщины, этого обворожительнаго ковбоя въ юбкѣ, никогда никѣмъ не было затронуто.

Правда, у Эллы были мимолетныя, очень и очень непродолжительныя связи, часто продиктованныя капризомъ или настроеніемъ, о которыхъ она забывала на слѣдующій день. Наконецъ, былъ богатый покровитель довольствовавшійся очень рѣдкими и крайне сдержанными ласками.

Сама же Элла никого не любила, никогда страсть не захватывала всего ея существа. Никогда Элла не испытывала сладкихъ, жгучихъ моментовъ интимной близости любимаго человѣка.

Но, наконецъ, это случилось... Элла поѣхала на скачки и влюбилась, влюбилась всѣмъ существомъ ди-

кой, необузданной амазонки, нашедшей, наконецъ, себѣ обладателя.

Онъ былъ изящный, стройный, сухощавый молодой человекъ, спортсменъ съ головы до ногъ, восходящая звѣзда стипль-чезнаго и конкурнаго спорта.

Когда Маскольцевъ, проведя по серьезному повышенному стипль-чезу, своего „Герцога“, блестяще его выигралъ,—Элла потребовала, чтобы его ей представили. Маскольцевъ пришелъ въ ложу корректный, сдержанный, подчеркнута вѣжливый... Напрасно Элла съ нимъ усиленно кокетничала и явно, къ большому неудовольствію другихъ кавалеровъ, оказывала ему особое вниманіе. Онъ оставался такимъ-же холоднымъ, нечувствительнымъ къ ея авансамъ — сперва тутъ въ ложѣ, а потомъ за обѣдомъ въ Вилла-Родэ, куда поѣхали цѣлой компаніей.

Маскольцевъ хладнокровно, не обращая на нее вниманія, пилъ вино и оживленно разговаривалъ съ сосѣдомъ о лошадахъ своей скаковой конюшни.

Онъ даже не поѣхалъ ее проводить. Когда всей компаніей усаживались в автомобиль, онъ холодно поцѣловалъ ей руку и получивъ приглашеніе, обѣщалъ быть. Впрочемъ былъ одинъ моментъ, который Элла не замѣтила — иначе она можетъ быть бы поняла, что это только игра.

Когда Элла передъ зеркаломъ одѣвала манти, была минута, когда Маскольцевъ страстнымъ взглядомъ впился въ молодую женщину... но это былъ всего лишь моментъ... его Элла, занятая своимъ туалетомъ, не замѣтила.

Во всякомъ случаѣ, сердце женщины, избалованной общимъ поклоненіемъ, недопускавшей мысли, что она можетъ быть нежеланной — было ущемлено. Противъ обыкновенія, несмотря на уговоры своихъ кавалеровъ, Элла скромно вернулась домой.

Она прождала его визита нѣсколько дней — злилась, капризничала, а его все не было.

Она поѣхала опять на скачки и уже окончательно разозлилась: не скакавшій въ этотъ день Маскольцевъ не обращалъ на нее никакого вниманія и усиленно ухаживалъ за какой то разрисованной красивой блондинкой.

Къ ней онъ даже не подошелъ.

Разсерженная Элла, со своей блестящей свитой, уѣхала кутить къ Эрнесту, весь вечеръ капризничала и мучила своихъ поклонниковъ.

День, вѣрнѣе ночь, закончилась бѣшенною гонкою въ автомобиляхъ на Стрѣлку, причемъ сама Элла сѣла на руль и развила такой ходъ, что напуганные спутники, каждую минуту рисковавшіе разбиться на смерть, умоляли ее прекратить эту опасную забаву.

На разсвѣтъ вернулась Элла домой, и твердо рѣшила немедленно взять ангажементъ въ заграничный циркъ и уѣхать.

Но уѣхать и не отомстить — было выше ея силъ.

Съ чисто дьявольскою хитростью оскорбленной женщины Элла задумала свой планъ.

Окруженная многочисленнымъ штатомъ поклонниковъ, Элла подъ видомъ желанія посмотрѣть скаковыхъ лошадей Маскольцева, утромъ пріѣхала на ипподромъ. Послѣ осмотра, въ душѣ радуясь своей изобрѣтательности, она какъ ни въ чемъ не бывало, пригласила Маскольцева ѣхать съ ними въ циркъ на дневную репетицію и, злорадно смѣясь, предложила попробовать въ ѣздѣ „Демона“. Маскольцевъ только улыбнулся на ея предложеніе и, чего она никакъ не ожидала, охотно согласился ѣхать тотчасъ съ ними.

Элла, зная нравъ „Демона“, заранѣе торжествовала свою побѣду, но и тутъ ее постигла полная неудача: Маскольцевъ смѣло вошелъ въ денникъ. Насторожившійся „Демонъ“ пригнулъ уши, оскаливъ зубы съ налитыми кровью глазами было бросился на смѣльчака, дерзнувшаго его беспокоить. Элла съ біеніемъ сердца наблюдала эту сцену, и ждала только момента, чтобы придти къ нему на помощь. Но Маскольцевъ грубо окрикнулъ жеребца, поднялъ хлыстъ и глядя въ упоръ лошади въ глаза, вплотную подошелъ къ нему. „Демонъ“ задрожалъ подъ этимъ взглядомъ, началъ рыть копытомъ землю и только злобно оглянулся ему вслѣдъ, когда Маскольцевъ, осмотрѣвъ его въ стойлѣ, спокойно выходилъ изъ денника.

Элла проигравшая свою ставку, съ упрямствомъ женщины не хотѣла еще сдаваться: она предложила Маскольцеву попробовать лошадь въ ѣздѣ.

„Демона“ посѣдлали и вывели въ манежъ. Артисты, пріѣхавшіе гости, конюшенная прислуга наполнили манежъ и съ любопытствомъ ждали окончанія этой интересной сцены.

Волновалась и Элла... Волновалась какъ наѣздница за свою лошадь, волновалась за себя какъ женщина, которой безумно хотѣлось пораженія своего смѣлаго противника.

Маскольцевъ ловкимъ прыжкомъ очутился въ сѣдлѣ. „Демонъ“, почувствовавъ чужого ѣздока, взвился отвѣсно на дыбы и началъ бить задомъ, давая невѣроятные козлы. Въ ту же минуту на него посыпался градъ ударовъ хлыста, а острия, скаковыя шпоры больно рѣзали ему бока.

Недолго продолжалась борьба человѣка съ животнымъ...

„Демонъ“ смирился и грызя мундштукъ, круто согнувъ шею, пошелъ тротомъ. Чуть замѣтнымъ уклономъ руки Маскольцевъ поставилъ его на курцьгалопъ... Когда Маскольцевъ подъ громкіе аплодисменты присутствующихъ, на взмыленномъ жеребцѣ подѣхалъ къ Эллѣ и, насмѣшливо раскланявшись, прыгнулъ съ лошади, въ ярости Элла на мелкіе куски разломала свой хлыстъ и далеко отбросивъ его отъ себя, пошла в уборную переодѣваться.

Тутъ Маскольцевъ понялъ, что покоровивъ лошадь онъ окончательно покорилъ и сердце женщины.

Отговорившись неотложными дѣлами, попросивъ передать его извиненія Эллѣ, онъ, не попращавшись съ нею, уѣхалъ.

Переодѣвавшаяся въ уборной на репетицію, задыхавшаяся отъ злобы и обиды, Элла, успокоившись, рѣшила больше не встрѣчаться съ Маскольцевымъ.

Такъ диктовалъ разсудокъ, а сердце влекло къ нему. И сердце побѣдило.

Вечеромъ Элла, всегда настойчивая въ своихъ рѣшеніяхъ, сама пріѣхала къ Маскольцеву...

Эта ночь были сплошнымъ любовнымъ угаромъ. Послѣ нея Элла переродилась: изъ женщины-ковбоя, изъ женщины черта, игравшей и помыкавшей своими поклонниками, Элла превратилась въ влюбленное по-

корное существо. Проснувшаяся страсть, безумная страсть к Маскольцеву захватила ее всю.

Элла ликвидировала окончательно своих огорченных поклонниковъ, перестала выступать въ циркъ и совершенно забросила „Демона“.

Напрасно директоръ одного изъ заграничныхъ цирковъ бомбардировалъ ее пригласительными телеграммами, Элла не отвѣчала, да и не въ силахъ была теперь ухать.

Лишь спустя нѣсколько дней послѣ роковой для нея ночи, Элла нашла время заглянуть въ циркъ къ своему забытому любимцу.

Она не узнала его: сильно похудѣвшій жеребецъ чуть не убилъ ее, когда она по обыкновенію смѣло вошла въ денникъ.

Лишь профессиональная ловкость спасла Эллу отъ зубовъ и копытъ разъяреннаго животнаго.

Тѣмъ не менѣе смѣлая Элла приказала посѣдлатъ его и вывести въ манежъ. Тутъ опять повторилась прежняя исторія жеребец не слушался, горячился, билъ задомъ, давалъ отвѣсныя свѣчки и все хотѣлъ сбросить свою отважную наѣздницу. Какъ будто лошадь чувствовала, что хозяйка ей измѣнила, какъ будто инстинктомъ понимала, что въ жизнь Эллы вошелъ кто то другой, чужой, имѣющій теперь надъ этой женщиной власть и права.

Когда Элла рѣшилась прибѣгнуть къ хлысту, чего раньше никогда не бывало. „Демонъ“ взбѣсился окончательно, понесъ, налетѣлъ на барьеръ, разнесъ вдребезги доски партера и, упавъ, сильно покалѣчился.

Элла успѣла во время прыгнуть, иначе дѣло кончилось бы катастрофой. Приглашенный ветеринаръ, съ трудомъ осмотрѣвъ кусавшагося и легавшагося жеребца, категорически заявилъ, что раньше двухъ, трехъ мѣсяцевъ леченья на лошади ѣздить нельзя.

Обезкураженная Элла, крупно поспоривъ съ недовольнымъ ею директоромъ, обо всемъ рассказала Маскольцеву. Послѣдній, въ душѣ ревновавшій Эллу къ ея сценическому успѣху, категорически высказался противъ публичныхъ выступленій в циркъ.

Послѣ страстнаго объясненія во взаимной любви, любовники рѣшили ухать в Крымъ, а потомъ загра-

ницу. Они скоро привели свое рѣшеніе въ исполненіе.

Похудѣвшій, запущенный, лишенный хозяйскаго присмотра „Демонъ“, спустя нѣкоторое время, слегка подлеченный былъ проданъ за безцѣнокъ въ провинціальныи циркъ.

Тамъ его выхлестали, еще подлечили и приспособили подъ „пано“. Съ трудомъ покоренный „Демонъ“, попрежнему не измѣнившій своего злого и упрямаго характера, бѣгалъ, жалуясь на больную ногу по кругу, коротко развязанный. Часто мѣнявшіеся въ циркѣ артисты вольтижировали на немъ. Иногда самъ директоръ выѣзжалъ на „Демонѣ“, на высшую школу.

Дѣла цирка шли не особенно важно и циркъ кочевалъ изъ города въ городъ. „Демону“ частенько приходилось и недоѣдать и трястись въ тѣсномъ душномъ вагонѣ при переѣздахъ.

Онъ хирѣлъ все больше и больше, пока, наконецъ, не сдохъ.

А въ это время счастливая Элла блистала на модныхъ курортахъ, наслаждалась прелестями Ривьеры и Италіи, во всю веселилась въ Парижѣ и бѣшено играла въ Монть-Карло.

Не разъ въ Булонскомъ лѣсу парижане любовались красивой амазонкой, продѣлывавшей чисто ковбойскіе трюки на кровной горячей лошади, то правя тендеромъ великолѣпныхъ ирландскихъ гунтеровъ, запряженныхъ въ стильный брэкъ, Элла появлялась на „Promenade Anglaise“ въ Ниццѣ.

Давно уже было кончено съ окончательно раззорившимся Маскольцовымъ, который вернулся в Россію и съ горя (онъ попрежнему былъ безумно влюбленъ въ Эллу), женился на милліонершѣ-купчихѣ, вдовѣ волжскаго рыбопромышленника; Масольцева смѣнилъ не то сапожный, не то кожевенный американскій король, потомъ принцъ одного изъ многочисленныхъ германскихъ владѣтельныхъ княжествъ недолго задержалъ вниманіе Эллы; прогорѣлъ изъ-за нея и банкиръ-грекъ изъ Константинополя.

Наконецъ Элла сошла съ какимъ-то авантюристомъ международнаго типа, добывающимъ себѣ средства къ жизни не совсѣмъ чистыми путями.

Послѣдній разъ Элли видѣли въ Каирѣ въ Элио-полисъ-Отелѣ.

Она сошла со сцены и исчезла съ горизонта . . .

Прошло нѣсколько лѣтъ, . . .

Каждое ихъ выступленіе въ циркѣ „Олимпія“, находившемся въ одной изъ европейскихъ столицъ, было сплошнымъ триумфомъ этой своеобразной, оригинальной *blanche et poig* какъ ихъ называли, артистической пары.

Онъ—смуглый, мускулистый, какъ статуя сложенный, мексиканецъ Джонъ, первокласный наѣздникъ и вольтижеръ; она, его партнерша — рыжая, мраморно-розовая красавица женщина.

На саженныхъ афишахъ, красовавшихся у циркового входа, они значились какъ Джонъ и Элла Ришай.

Да, это была Элла, случайно встрѣтившаяся во время своихъ скитаній по свѣту съ этимъ сразу покорившимъ ея сердце оливковымъ Джономъ, уроженцемъ далекой Мексики.

Благодаря ему, снова арена цирка увидѣла у себя Элли, которую опять потянуло къ бродячей жизни артистки.

Въ Джонѣ Элла нашла себѣ вполнѣ подходящаго по аренѣ партнера. Такой же ловкій, смѣлый, презирающій опасность, какъ она, но грубый и ревнивый какъ Отелло въ обыденной жизни. Послѣднее обстоятельство стало стѣснять молодую женщину. Когда прошелъ любовный угаръ, избалованной прежней богатой жизнью Эллѣ, имѣвшей громадный успѣхъ и самыя лестныя предложенія отъ жужчинъ, стало не хватать самага главнаго въ жизни — свободы.

Трезво разобравшись въ своемъ положеніи, Элла увидѣла себя во власти грубаго, властнаго мужчины, ревниво относящагося къ ея кокетству и попыткамъ жужчинъ за нею ухаживать. Происходили на этой почвѣ безобразныя сцены.

Элла не разъ хотѣла бросить Джона, но боясь его угрозъ, и зная что онъ способенъ привести ихъ въ исполненіе—оставалась съ нимъ, несмотря на то, что такое сожительство тяготило ее все больше и больше.

Пара гастролировала по всѣмъ почти Европей-

скимъ циркамъ и, наконецъ, этой зимой попала въ „Олимпію“, гдѣ сразу завоевала себѣ шумный успѣхъ.

А между тѣмъ Москольцевъ успѣлъ уже потерять свою нелюбимую жену, сдѣлался наслѣдникомъ колоссальнаго состоянія и свободный, богатый, жаждущій вознаградить себя за нѣсколько лѣтъ лишеній холостяцкихъ удовольствій — отправился жуировать за границу.

Его величество случай свелъ Элли съ Маскольцевымъ въ „Олимпію“, куда онъ попалъ проездомъ черезъ этотъ городъ. Встрѣтивъ имя Элли на цирковой афишѣ, онъ пошелъ въ циркъ.

Хотя время и залечило его сердечную рану, нанесенную въ прошломъ разрывомъ съ нею, но все-же, особенно теперь, свободный, независимый, богатый Маскольцевъ мечталъ о встрѣчѣ съ этой дивной женщиной, когда то ему принадлежавшей.

Угасшее было чувство къ ней, вспыхнуло съ новой силой.

Элла тоже его узнала и въ антрактѣ, несмотря на бѣшеные, ревнивые взгляды, бросаемые на бѣдующихъ Джономъ, имъ удалось переговорить и даже условиться встрѣтиться на слѣдующій день.

Когда, сходящій съ ума отъ ревности Джонъ, послѣ этого разговора, тамъ же за кулисами закатилъ Эллѣ бурную сцену — послѣдняя съ притворнымъ равнодушіемъ успокоила его, объяснивъ, что это старый знакомый, еще по Россіи, женатый и обремененный семьею помѣщикъ къ тому же завтра уѣзжающій къ себѣ обратно въ Россію.

Ревнивые мужья и любовники въ такихъ случаяхъ, какъ то особенно бывають доврчивы и слѣпы, и Джонъ успокоился.

Маскольцевъ въ циркъ больше не бывалъ.

Зато въ послѣдующіе дни хитрая женщина сумѣвшая усыпить подозрительную ревность Джона, нѣсколько разъ бывала у Маскольцева и прежнее чувство вспыхнуло у бывшихъ любовниковъ.

Маскольцевъ звалъ Элли съ собой, обѣщая ей богатую, блестящую жизнь, въ сравненіи съ которой совмѣстное сожителство съ опостылѣвшимъ, грубымъ Джономъ, крайне жаднымъ и расчетливымъ въ день-

тахъ, было для молодой женщины тяжелымъ бременемъ.

И Элли, какъ бабочку на огонь потянуло опять къ блеску, богатству.

Уже разрывъ съ Джономъ былъ окончательно рѣшенъ Эллою (Маскольцевъ долженъ былъ самъ съ нимъ поговорить), какъ случилось одно обстоятельство, измѣнившее планы заговорщиковъ: Маскольцева экстренно вызвали по дѣламъ въ Россію и онъ принужденъ былъ выѣхать въ тотъ-же вечеръ.

Напрасно Маскольцевъ два или три раза заѣзжалъ въ гостиницу къ Ришай, чтобы сейчасъ-же взять съ собой Элли. Ни Джона, ни Эллы не было дома, потому что на этотъ понедѣльникъ и вторникъ, назначенные въ программѣ, они рѣшили проѣхать на ближайшей зимней курортъ, гдѣ и задержались почти на два дня.

Мрачный Маскольцевъ, предчувствуя недоброе, оставивъ крупный чекъ на имя Эллы, написалъ ей письмо, прося пріѣхать вслѣдъ за нимъ въ Россію.

Представленіе уже началось, когда Джонъ и Элла, вернушіеся съ курорта, пріѣхали въ циркъ. Въ уборной горничная передала Эллѣ письмо Маскольцева и Элла рѣшила тотъ часъ-же переговорить съ Джономъ. Онъ пришелъ уже готовый къ выходу, веселый, оживленный, такой мужественно-красивый въ своемъ цвѣтномъ цирковомъ нарядѣ.

Элла, съ беспощадной жестокостью разлюбившей женщины, открыла ему всю правду.

Не помня себя отъ ревности, Джонъ набросился на нее и чуть не задушилъ съ трудомъ отбивавшуюся отъ него партнершу. Разыгралась самая дикая сцена: Джонъ укорялъ, грозилъ Эллѣ и Маскольцеву, бросался къ ней съ кулаками, то, ставъ на колѣни, цѣловалъ ея ноги, прося не оставлять, не покидать его.

Элла была непоколебима...

Вдали уже звучалъ знакомый мотивъ бѣшеннаго галопа, подъ который Ришай исполняли свои номера, а прибѣжавшій режиссеръ, на ломанномъ французскомъ языкѣ, умолялъ кончить сцену и поспѣшить съ выходомъ.

Поднявшійся Джонъ, шатаясь, какъ пьяный, вышла изъ уборной...

„Allez“ прошептали его поблѣднѣвшія губы обычный цирковой призывъ, приглашающій партнера къ исполненію номера... Элла торопливо закончила туалетъ.

Подъ несмолкаемый громъ аплодисментовъ, оживленные, улыбающіеся, какъ будто ничего не произошло, выскочили они на арену. Пара красавцевъ, венгерскихъ жеребцовъ, коротко развязанныхъ, подъ богатымъ уборомъ, галопировала по кругу. И какъ будто арена, звуки музыки и аплодисменты публики переродили этихъ только что пережившихъ тяжелую драму людей: стусевалось все человѣческое, осталось только показное, наигранное, цирмовое...

Въ сатанинскомъ вихрѣ прыжковъ, сальто-морталей, пластическихъ группъ, съ громкимъ крикомъ „allez“, закружились два стройныхъ, красивыхъ акробатическихъ тѣла.

Огнемъ горѣли глаза Джона, онъ до боли сжималъ руку Эллѣ, жестоко впивался пальцами въ ея талию, когда она въ „сальто-морталѣ“ попадала къ нему. Публика неистовствовала.

Наконецъ остался послѣдній трюкъ. Уже поставили трамплинъ, съ котораго Элла должна была, разбѣжавшись, сдѣлать свое рискованное сальто-мортале на вытянутую руку Джона. Уже съ лошадей сняли развязки и онѣ бѣшеннымъ галопомъ, управляемая стоящимъ на нихъ Джономъ, носились по аренѣ...

„Allez“ уже три раза кричалъ, приготовившійся къ ея броску, Джонъ.

„Allez“ тихо шепталъ шталмейстеръ стоящій посрединѣ манежа съ шамбриеромъ. Группа гимнастовъ, ожидавшихъ своего выхода, съ нетерпѣніемъ выглядывала изъ-за занавѣски... Ждала публика...

„Allez“ чувствовала Элла, вся напружинившаяся передъ прыжкомъ... но не могла переступить этой роковой черты: какъ-будто въ образѣ Джона ее ожидала сама смерть, билось и холодѣло сердце, ноги приростали къ песку арены и не хотѣлось, безумно не хотѣлось дѣлать этого послѣдняго, какъ почему-то рѣшила Элла смертельнаго сальто-мортале.

А онъ блѣдный, съ закушенными до крови губами, метая глазами искры, властно звалъ ее въ свои объятія и изрѣдка ощупывалъ свой шелковый поясъ, какъ будто пряталъ тамъ что-то ..

Жуткое страшное было въ этой группѣ мрачнаго человѣка и несущихся лошадей... Публика ждала... нельзя было больше медлить... Она рѣшилась.

„Allez“ хрипло прозвучалъ голосъ Эллы. „Allez“ громко, торжествующе крикнулъ Джонъ... Мелкнулъ въ сальто мортале голубой клубокъ и фигура женщины, на лету подхваченная рукой Джона, высоко распласталась въ воздухѣ. Онъ рѣзко опустилъ ее къ себѣ, блеснулъ стилетъ, и голубое трико Эллы окрасилось алой кровью... Она забилась, затрепетала, какъ раненая птичка. Оборвалась музыка. Остановились неуправляемая лошади...

Артисты и публика бросились къ нимъ.

Но было все кончено: мятущаяся душа женщины навѣки успокоилась въ ледяныхъ объятіяхъ послѣдняго любовника — смерти.

Такъ трагически, на цирковой аренѣ кончила свою жизнь Элла.

Пари.

Изъ спортивной жизни.

„Золото купить четыре жены,
Вѣрный же конь не имѣетъ цѣны.“

Лола смѣло вошла въ денникъ и, снявъ перчатку съ длинной, узкой руки, протянула лошади кусокъ сахара.

Изъ полумрака конюшни къ ней потянулась сухая, породистая морда англійской кобылы съ большими умными глазами кровнаго животнаго.

Максъ Подгурскій, стоявшій въ дверяхъ конюшни, невольно залюбовался красивой картиной: высокая, стройная женщина, съ копной золотистыхъ волосъ, съ зелеными глазами порочной русалки, гордая, капризная и созданная для наслажденія — Лола и рядомъ съ ней сухая, вся изъ мускуловъ, съ просвѣчивающими черезъ нѣжную кожу жилками, съ шелковисто-черною гривой, какъ рѣзцомъ отбитыми въ чулкахъ ногами красавица „Изольда“.

О, какъ онъ любилъ ихъ! Одну — какъ женщину, какъ страстную любовницу, другую, какъ своего вѣрнаго друга, дѣлившаго съ нимъ успѣхъ на стипль — чезныхъ скачкахъ.

Лолу онъ любилъ болѣзненною страстью пожившаго человѣка, любилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ненавидѣлъ за всегдашнее кокетство, за ложь и обманъ въ ихъ отношеніяхъ, за взбалмошный, капризный характеръ избалованной общимъ поклоненіемъ, красивой и знающей это женщины. Лолѣ онъ не вѣрилъ, часто мучился, ревнуя ее къ многочисленному штату ея поклонниковъ.

Ихъ полугодовая связь, начавшаяся любовнымъ угаромъ, скоро прѣѣлась непостоянной и жаждавшей новизны кокеткѣ.

Охлажденіе Лолы вызвало у Макса мучительное чувство неудовлетворенной страсти и сомнѣній, и ревность, это чудовище съ зелеными глазами, охватывало своими цѣпкими лапами все существо Макса.

Всего недѣлю тому назадъ произошло, наконецъ, рѣшительное объясненіе и Лола (Елена Михайловна) съ безпощадною откровенностью заявила Максу, что страсть съ ея стороны прошла и что пора перейти на дружескія отношенія.

Практичная Лола, правда, не высказала всѣхъ мотивовъ своего рѣшенія, а эти мотивы въ видѣ заманчивыхъ предложеній колоссально богатаго грека, обладавшаго громаднымъ носомъ и неизсякаемымъ бумажникомъ, играли, конечно, главную роль въ рѣшеніи молодой женщины, справедливо разсуждавшей, что всякая красота нуждается въ золотой рамкѣ.

Подгурскій былъ не богатъ, и по мнѣнію капризной женщины, слишкомъ увлекался своими скаковыми лошадьми и скачками.

Любовники разошлись, но женщина, даже принявшая окончательное рѣшеніе, не такъ легко расстается съ тѣмъ, что считаетъ ей безраздѣльно и рабски принадлежащимъ. Если бы Максъ послѣ этого разговора сталъ бы клясться ей въ любви, валяться у нея въ ногахъ, требовать продолженія ихъ связи, наконецъ, просто закатилъ бы ей основательную сцену ревности, Лола была бы удовлетворена и все таки окончательно ликвидировало бы ихъ отношенія. Но тутъ случилось не такъ, какъ этого хотѣла она: Максъ, холодно пожелавъ ей полного счастья, распростился и ушелъ. Напрасно Лола прождала цѣлую недѣлю его обычнаго, почти ежедневнаго раньше, телефоннаго звонка, капризничала, злилась и, наконецъ, подъ видомъ желанія провѣдать ея любимицу Изольду, солнечнымъ утромъ, взявъ автомобиль своего грека-поклонника, отправилась на ипподромъ, гдѣ и застала Макса послѣ утренней работы.

Любовники встрѣтились какъ официальные знакомые.

Покормивъ сахаромъ Изольду, Лола ласково потрепала ее по золотистой шеѣ рукой и направилась къ выходу.

Высоко приподнявъ, какъ бы боясь запачкаться въ конюшнѣ, и безъ того короткую англійскую юбку, она нарочно обнажила свои стройныя, въ туго натянутыхъ ажурныхъ чулкахъ ножки, которыя, какъ она знала, когда-то какъ безумно любилъ Максъ...

Но и этотъ маневръ не удался: у Макса только на минуту сверкнули глаза; онъ быстро отвернулся и рѣзкимъ движеніемъ досталъ папиросу изъ портсигара.

Лола подошла къ стоявшему у дверей конюшни Максу и глядя на него своими прищуренными, умѣло подведенными глазами, спросила:

— Почему, Максъ Аркадьевичъ, Вы сегодня такой непривѣтливый? Почему цѣлую недѣлю не нашли времени, если не заѣхать ко мнѣ, то хоть справиться по телефону о моемъ здоровьѣ? — Это уже совсѣмъ не подружески, добавила она, улыбаясь и, почти прильнувъ къ нему, — зашептала: — Неужели ты такъ скоро разлюбилъ и забылъ меня, ты, который всегда говорилъ мнѣ, что я для тебя все въ жизни? — Затѣмъ, отступивъ, немного назадъ, спросила его игривымъ тономъ кокетливой, хорошенькой женщины: — А можетъ быть, мы ревнуемъ? Не можетъ быть, чтобы твои противныя лошади и скачки такъ завладѣли тобою, что ты совершенно, сразу послѣ того что было забылъ меня.

Максъ поднялъ опущенную голову, улыбнулся, видя какъ Изольда тянулась черезъ перекладину нѣжными губами къ платью Лолы и, далеко бросивъ такъ и незакуренную папиросу, рѣзко глядя въ лицо стоявшей передъ нимъ женщины сказалъ:

— Я подчинился Вашему рѣшенію, Елена Михайловна (Лола не любила когда ее называли Еленой). Вы сами этого хотѣли. Какія у меня къ Вамъ теперь чувства, думаю, для Васъ безразлично.

Лола пробовала возразить, но Максъ остановилъ ее рукой. — Что же касается этихъ противныхъ лошадей, — продолжалъ онъ: — то теперь только я понялъ, что въ нихъ я могу найти себѣ утѣшеніе. Они не обманываютъ... не измѣняютъ.

Во время этого разговора Лола судорожно мяла кружевной платочекъ и мѣнялась въ лицѣ. Гордая женщина не допускала мысли, что Максъ будетъ говорить съ нею такимъ тономъ. Она немного растерялась и молчала.

Максъ, довольный эффектомъ своихъ словъ, перемѣнилъ тонъ. — Такъ-то, уважаемая Лола Михайловна, — бросимъ этотъ неинтересный для Васъ разговоръ о моихъ чувствахъ къ Вамъ и поговоримъ лучше о завтрашнемъ днѣ. — Лола насторожилась. — Вы будете завтра на скачкахъ? Я скачу на Изольдѣ въ большемъ стипль-чезѣ и думаю, что Вамъ будетъ пріятно посмотрѣть, какъ выиграетъ Ваша, теперь, увы, противная, а когда то любимая лошадь, — нарочно подчеркнулъ онъ, намекая на ихъ теперешнія отношенія.

Понявъ намекъ, Лола густо покраснѣла и какъ-то перемѣнилась вся: опустились углы капризнаго ротика, поблѣднѣло подъ слоємъ пудры сразу похудѣвшее лицо, зрачки сдѣлались большими, большими и зажглись огнемъ гнѣва.

— Ахъ такъ, Максъ Аркадьевичъ. Вы хотите такъ говорить со мной, — извольте, я отвѣчу Вамъ тою же монетою: во первыхъ, я врядъ ли соберусь завтра на ипподромъ, потому что обѣщала моему греку ѣхать съ нимъ обѣдать въ „Пале-Рояль“, во вторыхъ, знайте, что Ваша калѣка Изольда не выиграетъ. Какъ я была бы счастлива, если бъ Вы упали съ нею на какомънибудь барьерѣ! Вѣдь это я приносила Вамъ счастье, я, слышите, я была Вашей Маскотой, а теперь ее у Васъ нѣтъ, — добавила Лола почти истерически, задыхаясь отъ волненія.

Максъ порывисто схватилъ Лолу за руку и до боли сжалъ ее, напрасно молодая женщина силилась ее вырвать.

— Угодно Вамъ, Елена Михайловна, пари? — Лола вызывающе тряхнула головкой. — Какое угодно, — отвѣтила она, продолжая вырывать руку.

Максъ, притянувъ вырывающуюся женщину къ себѣ, и, жадно вдыхая ароматъ знакомыхъ духовъ, хриплымъ голосомъ сказалъ ей: — Ты пріѣдешь завтра на ипподромъ со своимъ носатымъ поклонникомъ.

Если я выиграю пари, ты должна уѣхать со мной и ко мнѣ, заявивъ ему объ этомъ... Въ этотъ вечеръ ты должна быть моей вся, какъ была раньше... Слышишь вся... Если я проиграю, я отдамъ тебѣ Изольду, — дѣлай съ нею, что хочешь, хочешь ѣзди сама, какъ дѣлала это лѣтомъ, а нѣтъ — подари ее своему греку, если только эта туша умѣетъ ѣздить...—добавилъ онъ иронически, приходя въ себя и медленно выпуская руку Лола.

Лола, поправляя кокетливые завитки волос, выбившіеся во время борьбы изъ подъ шляпки, насмѣшливо сказала:

—Вотъ такимъ Вы мнѣ больше нравитесь, Максъ Аркадьевичъ. Я вижу, что Вы попрежнему меня любите. Идетъ! Я принимаю пари — вотъ моя рука.

Максъ медленно поднесъ ея руку къ губамъ.

— А теперь проводите меня, я спѣшу—заторопилась Лола,

Максъ молча поклонился и молодые люди пошли къ стоявшему у воротъ автомобилю, съ дремавшей на солнцѣ фигурой шофера.

Передъ автомобилемъ Лола нарочно задержалась и дразня Макса игрой своихъ подрисованныхъ глазъ, поднявъ кверху слегка вздернутый носикъ (она знала, что это къ ней идетъ), прощаясь съ нимъ сказала: —Итакъ, до завтра. Значить пари не на шутку. Посмотримъ, кто выиграетъ. Хотя впрочемъ... впрочемъ мнѣ пора,—такъ и не закончила она. —Good bye!,—и быстро мелькнувъ стройными ножками, обнажившимися чуть ли не до колѣнъ, она сѣла въ автомобиль. Моторъ зашумѣлъ, загудѣлъ и тронулся, увозя молодую женщину. Максъ проводилъ взглядомъ удалявшійся авто, рѣзко повернулся и пошелъ обратно къ своимъ любимцамъ.

Гл. II.

Афиша, расклеенная на всѣхъ перекресткахъ городскихъ улицъ гласила, что въ воскресенье ** Юня на мѣстномъ ипподромѣ, въ числѣ прочихъ заѣздовъ скаковой и бѣговой программы долженъ состояться большой весенній 3-хверстный джентельменскій стипльчезъ съ повышенными препятствіями, обезпеченный цѣннымъ денежнымъ призомъ.

Максъ усиленно готовилъ къ этому состязанію свою великолѣпно прыгавшую Изольду, зарекомендовавшую себя въ этомъ сезонѣ отличнымъ стиплеромъ.

Судя по предварительной запискѣ, у Макса въ этой скачкѣ было нѣсколько соперниковъ, у одного изъ коихъ лошадь, захромавшая на рѣзвомъ галопѣ въ среду, хромала и до сихъ поръ. Наиболѣе опаснымъ для себя конкурентомъ, имѣвшимъ громадныя шансы на выигрышъ, Максъ считалъ „Тангейзера“, бураго чистокровнаго жеребца его пріятеля Бориса Панаева. Да и самъ Панаевъ, смѣлый ѣздокъ по препятствіямъ, обладалъ большимъ посыломъ и громадной выдержкой въ скачкѣ. Правда, горячій Тангейзеръ на галопѣ немилосердно тянулъ и не имѣлъ вѣрнаго прыжка съ хода. Тѣмъ не менѣе жеребецъ этотъ, отлично тренированный и высушенный, былъ общимъ фаворитомъ. Газеты заранѣе предсказывали ему выигрышъ 1-го приза.

Опасна была и сѣрая „Аида“ (отъ знаменитаго „Пальмистра“),—старая, спокойная, вѣрная лошадь подь отличнымъ ѣздокомъ, имѣвшимъ большой опытъ по военнымъ скачкамъ.

Все же Максъ, надѣясь на мощный махъ, настильность прыжка и тягучесть Изольды, только этихъ двухъ соперниковъ считалъ опасными для себя — остальные въ его глазахъ не были настоящими ѣздоками. Димъ Уманову, большому любителю цвѣтныхъ галстучковъ и самыхъ потрясающихъ модныхъ костюмовъ, Максъ по дружески не совѣтывалъ ѣхать на это состязаніе, зная, что Дима удосужился сѣсть на своего злого упрямаго но очень рѣзваго „Шамана“ всего одинъ разъ и то для того, чтобъ порисоваться передъ пріѣхавшими на галопѣ дамами. Только недавно начавшая прыгать „Аро“ была записана и въ гладкую скачку, гдѣ несомнѣнно должна была выиграть, поэтому было вполнѣ вѣроятно, что на стипль-чезъ ее снимутъ. Гнѣдая „Лазурь“, записанная подь неопытнымъ ѣздокомъ, не внушала Максу опасеній.

Все это, взвѣсивая свои шансы, въ сотый разъ обдумывалъ Максъ, лежа ночью въ кровати. Волненіе передъ завтрашней серьезной скачкой, разрывъ съ Лолой, заставившій его пережить тяжелую душевную

драму, гнали сонъ отъ его изголовья. Картины прошлаго невольно проносились въ его мозгу; онъ курилъ одну папиросу за другой, ворочался и только подъ утро забылся тяжелымъ сномъ. Ему снилась Лола, то прежняя, манящая его къ себѣ своимъ обнаженнымъ розовымъ тѣломъ и копной распущенныхъ рыжихъ волосъ, то теперешняя Лола съ брезгливой гримаской отталкивала его жадныя руки... Все заслонила вдругъ появившаяся голова Изольды съ ея умными глазами, и дико хохоталь носатый грекъ, — его теперешній соперникъ...

Максъ проснулся поздно; освѣжившись ванной, онъ выпилъ кофе, взялъ конвертъ съ адресомъ Лолы и поспѣшилъ на ипподромъ.

Гл. III.

Когда Максъ пріѣхалъ на ипподромъ, программа началась. Публика нарядною толпой заполнила трибуны. Играла музыка, и стройные рысаки въ изящныхъ американкахъ, управляемые пестрыми наѣздниками проносились по бѣговой дорожкѣ. Неистово звонилъ звонокъ изъ судейской бесѣдки. Толстый стартеръ съ краснымъ лицомъ сиплымъ басомъ тщетно призывалъ къ порядку. Максъ, не заходя въ конюшню и невольно ища глазами Лолу, направился въ буфетъ. По пути встрѣчались знакомые, жали ему руку, желали успѣха и всякій старался дать полезный по его мнѣнію совѣтъ, какъ вести скачку.

Дима Умановъ, окруженный дамами, стоялъ въ проходѣ у буфета и, увлекаясь, громко хвастался своею лошадыю.

Замѣтивъ Макса, онъ конфузливо умолкъ и, чтобъ скрыть свое смущеніе, наиграннымъ тономъ сказалъ: — Вотъ еще одинъ мой соперникъ. Такъ скачемъ, Максъ Аркадьевичъ? „Аида“ и „Тангейзеръ“ дружески пили въ буфетѣ водку, — попробовалъ сострить онъ, назвавъ ѣздоковъ именами ихъ лошадей.

Максъ молча, продолжая искать глазами Лолу, прошелъ въ буфетъ, гдѣ увидѣлъ ее, сидящую за столикомъ въ компаніи мужчинъ (Лола органически не переносила общества дамъ). Рядомъ съ ней, развалясь, сидѣлъ толстый грекъ и жадно пилъ изъ тонкаго фужера искристое „Аи“. Лола въ шикарномъ таулетѣ,

ульбаясь и играя глазами, кокетничала съ двумя юнцами въ свѣтлыхъ костюмахъ, рассказывавшими ей на перебой что то видимо очень забавное.

При видѣ Макса компанія зашептала, а Лола сощурила на него свои подведенные глазки. Грекъ засопѣлъ носомъ, заморгалъ вѣками и неловко потянулся къ бутылкѣ. Юнцы для чего то стали одергивать свои и безъ того короткіе брючки. Максъ холодно поклонился и прошелъ къ стойкѣ. Онъ не услышалъ, а почувствовалъ, именно почувствовалъ присутствіе Лолы за своей спиной. Максъ инстинктивно обернулся и увидѣлъ ее. Распространяя аромать „L'origant“, свѣжая и нарядная, блестяя крупными брилліантами въ ушахъ, стояла передъ нимъ Лола.

—Здравствуйте, Максъ Аркадьевичъ,—сказала она, протягивая для поцѣлуя свою ручку. —Вы не забыли нашего пари? Хотя я боюсь, если Вы выиграете,— Вы стали такой бука.

Вся кровь бросилась въ лицо Максу, ему безумно захотѣлось до боли впиться въ этотъ алый ротикъ и цѣловать, цѣловать безъ конца... Но это было лишь одинъ моментъ... лишь маленькая неловкая пауза. Максъ напряженіемъ воли взявшій себя въ руки, наклонилъ голову и холодно отвѣтилъ ей:— Нѣтъ не забылъ, Лола Михайловна, и увѣренъ въ выигрышѣ. А Вашъ новый поклонникъ и Ваши юные кавалеры злятся, ожидая Васъ.

Дѣйствительно, компанія, смотря на разговаривающихъ, явно выражала нетѣрпѣніе. Грекъ краснѣлъ, сопѣлъ, и съ трудомъ старался сохранить безразличный видъ. Лола размѣялась, кивнула головкой и упорхнула къ столу.

Максъ подошелъ къ стойкѣ и залпомъ выпилъ стаканъ мадеры. Ему стало весело и новый притокъ энергіи охватилъ его. Боковымъ ходомъ онъ вышелъ въ трибуны, гдѣ его сразу окружили лошадаики. Съ интересомъ слѣдя за программой, Максъ старался не смотрѣть на ложу, гдѣ, окруженная поклонниками, сидѣла Лола.

Гл. IV.

Когда на судейской бесѣдкѣ рѣзко прозвучалъ колоколь, приглашавшій ѣздоковъ къ старту, Максъ

одѣтый въ голубой камзолъ и такой же картузь, былъ совсѣмъ готовъ къ скачкѣ.

Изольду, посѣдланную маленькимъ, легкимъ англійскимъ сѣдломъ, водили по кругу. Красавица — кобыла, граціозно ступая забинтованными ногами, пряла ушами и грызла желѣзо.

Горячившійся Тангейзеръ, высоко поднявъ голову, распушивъ свой длинный хвостъ и изогнувъ шею, тротилъ подъ сидѣвшимъ на немъ скаковымъ мальчишкой и напружинивая задъ, все порывался дать лансаду.

Въ сторонѣ въ коричневомъ камзолѣ стоялъ маленькій, сбитый Борисъ Панаевъ и, улыбаясь своей неизмѣнной улыбкой, разговаривалъ съ владѣльцемъ „Аиды“, который нервно курилъ, почти не выпуская изо рта папиросы.

Спокойно, съ опущенной головой ходила за своимъ мальчикомъ „Аида“, какъ будто предстоящая скачка ея не касалась.

Дима Умановъ, въ немилосердно звенящихъ шпорахъ, съ длиннымъ плетенымъ хлыстомъ подъ мышкой, что то объяснялъ съ серьезнымъ видомъ цѣлому цвѣтнику дамъ и барышень...

Запоздавшій конюхъ рысю вель послѣднюю конкурентку Макса — нобольшую гнѣдую кобылку „Лазурь“, сзади которой, блѣдный, нервничая и ругая конюха за опозданіе, спѣшилъ ея ѣздокъ.

Максъ успѣлъ замѣтить, что кобыла чуть замѣтно припадаетъ на лѣвую переднюю ногу.

„Ого, это уже лучше“, подумалъ онъ про себя, а „Аро“ все нѣтъ, — значитъ снята“.

Ѣздоки сѣли на лошадей. Максъ, ловко подброшенный Владекомъ, его конюхомъ, мягко опустился въ сѣдло и опытной рукой разобралъ поводья. Изольда напружинила задъ, затанцевала, запросила повода. Максъ ласково погладилъ ее по шеѣ и шенкелями поставилъ на шагъ.

Всадники пестрою лентой, чернѣя номерами, потянулись къ выходу. У воротъ, навстрѣчу ѣздокамъ съ программой въ рукѣ, въ сильно потертомъ пыльникѣ бѣжалъ запыхавшійся молодой человекъ. — Изольда,

Тангейзеръ, Аида, Шаманъ, Аро!-pardon, Аро снята, Лазурь!—громко кричалъ онъ...

Максъ искалъ Лолу. Ниже его, почти вровень съ заборомъ, шумѣло море людей и цвѣтнымъ калейдоскопомъ переливались пестрые дамскіе туалеты. Мелькали любопытныя лица; знакомые что то говорили, махали рукой. Наконецъ Максъ увидѣлъ Лолу. Глаза ихъ на мгновеніе встрѣтились... Она отвернулась и что то быстро заговорила юнцу, — тотъ сочувственно закивалъ головой и развернулъ программу. Максъ усмѣхнулся и неволью рѣзкимъ движеніемъ ногъ сжалъ бока Изольды. Та, непонимая что отъ нея требуютъ, дала лансаду и, загорячившись, затротила. Повернули назадъ и снова прошли мимо публики. Максъ ѣхалъ сосредоточенно, хмуро смотря передъ собой; имъ овладѣла какая то безпричинная злоба.

„Выиграть, выиграть во что бы то ни стало и вернуть ей пари, — вотъ разозлиться, — подумалъ Максъ и эта мысль его успокоила.

Повернули и стали проходить мимо трибунъ кентеромъ, прыгая черезъ финишный хердель. Изольда, почуявъ кентерь, затропотила, выбросила сперва одну, потомъ другую ногу и, опустивъ голову, взяла въ галопъ. Подгурскій, плавнымъ движеніемъ поднявшійся надъ сѣдломъ, поставилъ ее на ровный махъ... Сзади часто, часто застучали въ перебой копыта тянувшего на кентерь Тангейзера.

Выросъ желтовато-зеленый плетень херделя... Максъ, опустившись въ сѣдло, крѣпче сжалъ колѣни и далъ поводъ. Изольда, отфыркиваясь, перешла въ шагъ.

Всадники потянулись къ старту. Максъ совсѣмъ успокоился и всецѣло сосредоточился на предстоящей скачкѣ.

Долго возились на стартѣ: то выскакиволь нервный Тангейзеръ, то пятился назадъ и закидывался, осыпаемый градомъ ударовъ, упрямый Шаманъ, Лазурь чуть не сбросила своего нервничавшаго ѣздока. Одна Аида, съ подчеркнуто-элегантнымъ всадникомъ, съ тѣмъ же понурымъ видомъ стояла на мѣстѣ, спокойно ожидая остальныхъ. Изольда дрожала и горячилась.

Подгурскій былъ странно спокоенъ и слѣдилъ за тѣмъ, чтобъ не прозѣвать старта. Стартеръ, высоко поднявъ раздувающееся зеленое полотнище, надрылся отъ крика, равняя лошадей.

Мелькнулъ опущенный флагъ и Изольда съ лансады бросилась къ бровкѣ. Въ ту же секунду мимо Макса проскочилъ впередъ, мотая головой, тащившій своего ѣздока Тангейзеръ. „Борись не держить и поведетъ скачку“, подумалъ Максъ и началъ сдерживать рвущуюся за лошадью Изольду. Тангейзеръ съ наклонившимся къ шеѣ ѣздокомъ, уходилъ впередъ. Изольда успокоилась, легла въ поводъ и шла ровнымъ, широкимъ махомъ. Справа и сзади ея, почти за сѣдломъ Макса, спокойно галопировала Аида, ѣздокъ ея на длинныхъ стремянахъ, чуть наклонившись впередъ, глубоко сидѣлъ, какъ пришитый въ сѣдлѣ. Остальныхъ Подгурскій не видѣлъ и не слышалъ. Впереди за перегибомъ мѣстности росло препятствіе. Тангейзеръ уходилъ впередъ. Увидѣвъ барьеръ, Изольда надала и въ нѣсколько бросковъ подошла къ Тангейзеру.

Максъ, даже не почувствовавшій настильнаго прыжка Изольды, увидѣлъ слѣва отъ себя бурую съ бѣлой лысиной морду жеребца, тормозилъ передъ препятствіемъ. Послѣ барьера сейчасъ же, качая лошадь руками, его обошелъ Панаевъ, а морда Аиды опять была за сѣдломъ. На поворотѣ рослую пятивершковую Изольду стало выносить наружу. Замѣтивъ это, Максъ пошелъ полемъ. Аида взяла бровку.

Подходили къ валу, зеленѣвшему насадкой впереди. Тангейзеръ прибавилъ пейсъ и уходилъ все дальше и дальше. Изольда перемѣнила ногу и потянула за жеребцомъ. Лошади прибавили ходъ и стали догонять скакавшаго впереди Тангейзера. Въ лицо Максу бросило землей изъ подъ ногъ прыгнувшаго жеребца и онъ почувствовалъ, что Изольда слишкомъ рано снявшись, прыгаетъ высокимъ, длиннымъ прыжкомъ. Инстинктивно вытянувъ впередъ руки, Максъ совсѣмъ сдалъ поводъ. Изольда съ прижатыми ушами, далеко вытянувъ шею, взяла барьеръ и почти поравнялась съ Тангейзеромъ. Былъ слышенъ ровный стукъ копытъ скачущихъ лошадей.

Максъ, желая выпустить впередъ неуверенно

прыгавшаго жеребца, сталъ сдержлвать тянувшую Изольду. Сзади подходила къ нему Аида. Навстрѣчу поплыли деревянныя строенія ипподрома, а вдали, на дорожкѣ забѣлѣли бревна новаго серьезнаго препятствія... „Сейчасъ будемъ прыгать гробъ“, подумалъ Максъ на ипподромномъ жаргонѣ, — „надо выходить впередъ, а то жеребецъ можетъ закинуться и помѣшать мнѣ“. Какъ будто понявъ его мысль, Изольда начала прибавлять пейсъ и скоро обошла Тангейзера. Панаевъ, сдерживая своего жеребца, повернулся улыбаясь къ нему, Максъ кивнулъ ему головой и послалъ кобылу. Изольда еще прибавила ходу... Стукнули бревна... „Задѣла“, подумалъ Максъ, но Изольда, не сбавляя, шла ровнымъ растяжнымъ махомъ. Тангейзеръ весь въ пѣнѣ, началъ обходить его справа. Поровнялась и Аида. Ёздокъ качалъ ее руками. Максъ рѣшилъ пропустить ихъ и чуть придержать рвущуюся впередъ Изольду. Обернувшись назадъ онъ увидѣлъ, что Лазурь низко, низко опустилъ голову; почти стянувъ къ шеѣ ёздока, галопируетъ за нимъ корпусомъ въ пяти. Шамана на дорожкѣ не было...

Въ такомъ положеніи проскакали еще съ полъ версты и прыгнули два препятствія. Изольда шутя одолѣла ихъ. Тангейзеръ и Аида рѣзались впереди, а Максъ, приобрѣвшій какую то необъяснимую увѣренность въ выигрышѣ, упорно сберегалъ силы своей лошади.

Послѣ поворота, который Подгурскій проѣхалъ опять полемъ, Изольда стала прибавлять ходъ и запросила повода. „Умница, чуетъ канаву“, подумалъ Максъ, слегка посылая кобылу.

Впрочемъ и впереди идущіе усилили пейсъ и полнымъ ходомъ шли на препятствіе... разъ... разъ... цвѣтными пятнами мелкнули камзолы скачущихъ. „Allez, милая“ крикнулъ Подгурскій, нажимая Изольду, птицей перелѣтѣвшую черезъ трибуненъ-шпрунгъ.

Тангейзеръ и Аида продолжали рѣзаться впереди. Максъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что ёздокъ послѣдней взялся уже за хлыстъ. Изольда какъ будто сознавая, что надо беречь силы для рѣшительной борьбы, шла не отставая. Лишь передъ плетенкой она усилила ходъ. Максъ ей не мѣшалъ. Прыгнувъ

это препятствіе, пошли втроемъ почти голова въ голову.

„Ну теперь пора“, рѣшилъ Подгурскій, когда стали подходить къ предпоследнему препятствію, за которымъ видѣнъ былъ поворотъ съ выходомъ на прямую.

Слегка пославъ кобылу, онъ съ удовольствіемъ почувствовалъ, что Изольда отвѣчаетъ на посылъ и и сразу выдвинулась на полъ головы впередъ. Его соперники тоже стали посылать лошадей, причемъ Тангейзеръ въ посылѣ сталъ было уходить впередъ, но Изольда его не отпускала. Максъ направилъ лошадь на правый край барьера, чтобы не дѣлать передъ выходомъ на прямую крутого поворота.

Кобыла почему то дернула такой высокій прыжокъ, что Максъ еле усидѣлъ въ сѣдлѣ. Засвистѣлъ вѣтеръ на поворотѣ. Вышли на прямую... Изольда перемѣнила ногу и сразу принявъ посылъ, стала переключиваться къ идущимъ впереди.

У Макса часто, часто забилось сердце; вся энергія, вся сила воли ушла въ посылъ. Изольда свѣжо, могучими прыжками настигала своихъ соперниковъ.

Ѣздокъ Аиды напрасно посылалъ ее хлыстомъ — старая кобыла явно выдохлась и постепенно отпадала.

Тангейзеръ весь въ пѣнѣ, короткими, частыми бросками, въ сильномъ посылѣ шель изъ послѣднихъ силъ.

Изольда легко обошла его. Она вся вытянулась и, казалось, стлалась по прямой. Уже вдали были видны трибуны и слышались рукоплесканія и ревъ толпы. Продолжая качать лошадь, Подгурскій взявшій бровку, обернулся назадъ. Сзади, корпусахъ въ трехъ—четырехъ посылаемый шпорами и хлыстомъ, тяжело скакалъ Тангейзеръ, а еще сзади къ Аидѣ подходила Лазурь съ сильно согнувшимся надъ ея шеей ѣздокомъ. . . Изольда въ махъ, не сбавляя хода, прыгнула послѣдній хердель. Выигрышный столбъ былъ уже совсемъ близко, но Максу казалось, что разстояніе безконечно. Онъ не слышалъ ни криковъ, ни рукоплесканій толпы; все существо его было наполнено одною мыслью — скорѣе достигъ этого завѣтнаго рубежа.. Максъ не билъ Изольду хлыстомъ, а лишь короткимъ,

частымъ посыломъ рукъ, какъ бы желая вложить въ кобылу всю свою энергію, толкалъ ее впередъ.

Промелкнулъ, совпавшій съ ударомъ колокола, призовой столбъ и Подгурскій сталъ сдерживать лошадь. Его догоняли тяжело дышавшій Тангейзеръ и Лазурь съ совершенно выдохшимся, блѣднымъ ѣздокомъ.

Максъ перешелъ въ шагъ и повернулъ къ вѣсамъ.

Повышенное радостное настроеніе Макса, нервный подъемъ, вызванный скачкой, смѣнились глухою, щемящей тоской. Опять передъ его взоромъ встала Лола, — необходимость сегодня же привести свое рѣшеніе въ исполненіе и порвать съ ней навсегда. Онъ даже машинально пощупалъ карманъ, но тотчасъ вспомнилъ, что конвертъ съ адресомъ остался въ карманѣ пальто... Угрюмо подѣхалъ Максъ къ вѣсамъ.

Думая свои невеселыя думы, Максъ сразу похуѣвшій и какъ будто постарѣвшій, безучастно продѣлалъ всѣ нужныя махинаціи взвѣшиванія и ласково потрепавъ по шеѣ отфыркивающуюся Изольду пошелъ въ конюшню,

Его останавливали, жали ему руку, хвалили за ѣзду . . . Отъ какого то толстаго субъекта, кстати ему совсѣмъ незнакомаго, онъ узналъ, что Дима все-таки продержался въ скачкѣ до канавы и только, когда Шаманъ два раза закинулся на нее, — съѣхалъ съ круга . . . Ему все было безразлично. Одна мысль не оставляла его: сейчасъ же написать письмо Лолѣ, а затѣмъ уѣхать на время изъ горвада, чтобы вдали отъ всѣхъ залѣчить свою сердечную рану.

Въ конюшнѣ было пусто. Нескакавшія лошади спокойно стояли въ своихъ денникахъ и лишь изрѣдка слышался звукъ копытъ перебираемыхъ ногъ, Максъ присѣлъ на мѣшки съ овсомъ, досталъ записную книжку изъ кармана лежавшаго тутъ пальто и началъ писать.

Послышался топотъ копытъ и въ дверь просунулась голова Изольды, которую велъ Владекъ. Максъ порывисто вскочилъ, бросилъ книжку и, припавъ къ мордѣ лошади, сталъ ее цѣловать. Какъ будто этими поцѣлуями онъ прощался съ той... далекой... чужой...

Оторвавшись, наконецъ, отъ Изольды, онъ выр-

валь написанный листокъ, запечаталъ его въ конвертъ; задумался... потомъ пожалъ плечами и войдя въ денникъ, гдѣ возился Владекъ, рѣзкимъ тономъ сказалъ ему, протягивая письмо — Владекъ, я сегодня вечеромъ экстренно уѣзжаю къ себѣ. Вернусь недѣли черезъ двѣ: Это письмо, когда я уѣду, передай Еленѣ Михайловнѣ. Ты нийдешь ее? — Владекъ кивнулъ головой и взялъ письмо.

Отдавъ еще нѣсколько распоряженій относительно работы лошади и поручивъ Владеку въ случаѣ чего обращаться Панаеву, Максъ не переодѣваясь, а лишь набросивъ пальто, вышелъ на улицу и уѣхалъ домой.

Черезъ часъ скорый поѣздъ уносилъ его изъ города.

Максъ мрачно сидѣлъ въ пустомъ вагонѣ-ресторанѣ, пилъ рюмку за рюмкой и сосредоточенно думалъ свою тяжелую думу:

Гл. V:

Когда началась стипльчэзная скачка, Лолу охватило волненіе: Съ трудомъ сдерживая его она невпопадъ отвѣчала на предлагаемые ей вопросы. Ей безумно хотѣлось проигрыша Макса, чтобы посмѣяться надъ нимъ и позлить въ свою очередь его неудачей.

Съ другой стороны брало верхъ женское любопытство: какъ будетъ вести себя Максъ въ случаѣ выигрыша? Лола, въ этомъ случаѣ предвкушала цѣлый вечеръ острыхъ переживаній и заранѣе намѣтила себѣ программу дѣйствій; при воспоминаніи о вчерашнемъ свиданіи у нея сверкали глаза. Онъ дорого поплатится за свой холодный тонъ, „мы еще поговоримъ“, съ досадою думала она.

А пока она слѣдила за нимъ и только за нимъ.

Намѣчающійся успѣхъ Макса всецѣло привлекъ Лолу на его сторону и теперь она страстно желала чтобъ Подгурскій выигралъ. Тутъ сказала женщина: женщины любятъ гвроевъ во всѣхъ проявленіяхъ жизни, любятъ кумировъ толпы:

Когда Максъ на прямой, бросивъ остальныхъ, выигралъ скачку, Лола, забывъ вчерашнюю обиду, неистово хлопала въ ладоши и кричала: „Изольда, Изольда! Bravo Подгурскій!“ Грекъ сопѣлъ и злился;

но дже юнцы, захваченные общимъ порывомъ публики, правда очень слабо, апплодировали Максу,

Пока Подгурскій возился у вѣсовъ, оживленная Лола болтала со своими собесѣдниками, расхваливая Изольду, ѣзду и выдержку Макса: Юнцы сдержано поддакивали:

Прошло нѣкоторое время, но напрасно Лола ждала появленія Макса: „Вѣроятно занятъ около лошади, утѣшала она себя, нервничая, Скачки продолжались, но Лола только для вида интересовалась ими: Съ волненіемъ нѣсколько разъ смотрѣла она на часы и искала Макса въ публикѣ. Его не было. Давно прошелъ, улыбаясь, уже переодѣвшійся Панаевъ, пришли другіе и его все нѣтъ и нѣтъ.

Голосъ Владека, протягивавшаго ей письмо; вывелъ Лолу изъ оцѣпененія. Она поблѣднѣла и сердце забилось часто, часто, грекъ отвернулся, а юнцы, предчувствуя недоброе, уткнулись въ программу. Дрожащими руками Лола вскрыла конвертъ. У нея остановилось дыханіе и застучало въ вискахъ.

На тонкомъ листкѣ бумаги нервнымъ почеркомъ было написано:

Дорогая Елена Михайловна!

Возвращаю Вамъ выигранное мною пари. Я не хочу воспользоваться имъ, потому что чувство мое къ Вамъ прошло, — какъ женщина Вы перестали интересоваться меня.

Желаю Вамъ полного успѣха и счастья въ Вашемъ новомъ флиртѣ.

М. Подгурскій.

„P. S. Золото купить четыре жены,
Вѣрный же конь не имѣетъ цѣны“...

У Лолы какъ будто что то оборвалось: Въ эту минуту ей безумно хотѣлось видѣть Макса. Можетъ быть это былъ только минутный капризь. Ея женское самолюбіе страдало: — Отолкнулъ, — насмѣялся, зло насмѣялся тогда, когда Лола была увѣрена въ успѣхѣ.. Злоба безсильная, жгучая наполнила сердце оскорбленной женщины.

Она съ бѣшенствомъ разорвала на мелкіе клочки письмо Макса. Кавалеры съ недоумѣніемъ смотрѣли на нее.: — Къ черту все!—чуть не закричала Лола, „Христофоръ Андреевичъ, ѣдемъ отсюда, ѣдемъ кутить, веселиться, ѣдемъ пить. Скорѣй, скорѣй! — зато-ропила она своихъ кавалеровъ.

Грекъ суетливо набрасывалъ ей на плечи мѣха, а юнцы, довольные предстоящимъ даровымъ кутежемъ, бросились разыскивать автомобиль.

Гремѣла музыка. Шумѣла и переливалась нарядная толпа:

Два существа, когда то близкія, разошлись навсегда!

Баядерка.

Въ конюшнѣ тишина... Хозяинъ, забросивъ лоша-
дямъ корму, ругаясь и ворча на маленькіе заработки,
только что ушелъ. Двѣ усталыя извозчичьи клячи вяло
перебирали жесткое сѣно...

— Ну, Баядерка—сказаль старый вислоухій меринъ,
обращаясь къ своей рослой, видимо породис-
той сосѣдкѣ: — Расскажи мнѣ сегодня, вѣдь ты обѣ-
щала, свое прошлое, расскажи что привело тебя къ
жизни такой. Не всегда ты была такой клячей.

Меринъ Пѣгашка питаль особое уваженіе къ
своей аристократической сосѣдкѣ, чувствовалъ во всемъ
ея превосходство надъ собой.

Долгими зимними вечерами во мракѣ холодной
конюшни лошади вели нескончаемые разговоры, жа-
ловались на людскую злобу, непосильный трудъ, голодъ
и жестокіе несправедливые побои. Эти бѣсѣды связали
ихъ дружбой и были утѣшеніемъ.

— Я, начала - Баядерка, - родилась на конномъ заводѣ
у князя Н. Отцомъ моимъ былъ знаменитый по рыси-
стымъ бѣгамъ сѣрый „Плавный“, отъ котораго я уна-
слѣдовала свою масть; матерью была много бѣжавшая и
много выигравшая „Русалка“.

Я помню высокія, теплыя конюшни, просторныя
денники, вкусный и питательный кормъ, ласковый
уходъ. Въ двосьствѣ и холѣ я прожила больше чѣмъ
3 года, какъ случилось то, о чемъ собственно я хотѣла
тебѣ рассказать. Этотъ день, когда началась моя голо-
кружительная карьера, до сихъ поръ у меня въ памяти.

Должна тебѣ сказать, что двухъ лѣтъ меня заѣз-
дили, потомъ насъ однолѣтокъ прикинули на домаш-
немъ кругу, послѣ чего нѣкоторые ушли въ Москву—
на бѣга, какъ говорили у насъ конюха.

Почему я не попала съ ними, не знаю, вѣроятно такъ рѣшилъ нашъ старый наѣздникъ Акимъ Петровичъ, смотрѣвшій пробѣжку съ нашимъ княземъ. Я осталась дома и меня стали запрягать въ легкій шарабанъ. Разные конюха были у меня, но ни къ кому я не чувствовала расположенія, наѣзники тоже плохо справлялись со мной, потому что я была сильна, своею нравна и по помолодости лѣтъ не хотѣла подчиняться чужой волѣ. Меня почти забросили...

Но судьба готовила мнѣ иное: въ одинъ лѣтній день къ мнѣ въ денникъ въ сопровоженіи старшаго конюха вошелъ какой то красивый парень. По тому какъ онъ вошелъ, какъ смѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ ласково погладилъ меня, парень сразу завоевалъ мое сердце.

— Смотри, Семень, вотъ тебѣ лошадь. Кобыла добрая, рѣзвая, но горячая и нравная, наши плохо съ ней справляются, а лошадь—кладъ,—сказалъ старшій, поручая меня Семену.

Съ этого дня мы подружились. Семень удивительно мягко, какъ съ ребенкомъ обращался со мной, отъ него я не слышала грубаго окрика, не получала ни ударовъ, не пинковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ въ конюшнѣ онъ былъ грозой для всѣхъ уборщиковъ. На проѣздахъ его мягкія руки не дергали, не беспокоили меня и я послушно исполняла его волю.

Когда мы выѣзжали на рабочій кругъ, всѣ любовались и хвалили меня. Послѣ ѣзды Семень долго возился около меня, растирая и ухаживая за моими ногами, часто и ночью онъ заходилъ провѣдать меня. Благодаря великолѣпному уходу, правильной работѣ, я подросла, окрѣпла.

Наступила зима. Кое кто изъ моихъ сверстниковъ вернулся изъ Москвы. Несмотря на холодное время, Семень работалъ не покладая рукъ; въ легкихъ бѣговыхъ саночкахъ носились мы по бѣговой дорожкѣ, морозный воздухъ больно рѣзалъ мнѣ морду, а сзади настойчивыя руки гнали меня впередъ и впередъ, къ какой то завѣтной цѣли...

Но вотъ въ воздухѣ повѣяло весною, солнце стало ярче. Мы все работали на кругу.

Однажды у насъ все зашевелилось. Вездѣ шла

торопливая уборка и чистка. Конюха одѣлись въ праздничныя кафтаны, а насъ закрыли попонами съ княжескими коронами.

Послѣ обѣда лошадей стали выводить на манежъ. Дошла очередь и до меня. Семень, — очень красивый въ нарядномъ кафтанѣ, — ввелъ меня въ манежъ.

Манежъ былъ полонъ богато одѣтыми дамами и мужчинами. Особенно бросилась мнѣ въ глаза стоявшая впереди всѣхъ красивая брюнетка, одѣтая въ дорогіе мѣха. Какой то рыжій молодой человѣкъ стоялъ около нея.

Семень вытянувшись по солдатски и блестя глазами отъ удовольствія, поставилъ меня посрединѣ манежа. Меня окружили, хвалили, любовались мною.

Подошеть и рыжій молодой человѣкъ и, сдѣлавъ брезгливую гримасу, хотѣлъ погладить меня, я пригнула сердито уши, онъ боязливо отстранился.

Тогда красивая дама смѣло подошла ко мнѣ, и протянувъ руку, начала ласкать меня. Я успѣла замѣтить, что дама пристально смотреть на Семена, онъ сконфузился, покраснѣлъ и опустилъ глаза. Замѣтивъ ее пристальный взглядъ, рыжій молодой человѣкъ что-то злобно зашепталъ дамѣ, та задорно расхохоталась въ отвѣтъ.

Семень увелъ меня въ денникъ, разсѣянно разложилъ мнѣ въ кормушку сѣна, я видѣла, что ему не по себѣ. „Эхъ, хорошая Маша, да не наша“, — вслухъ подумалъ онъ...

Съ этого дня Семень измѣнился. Изъ веселаго, разбитнаго малаго онъ сдѣлался грустнымъ и задумчивымъ. Перемѣнилось отношеніе и ко мнѣ, раза два я замѣтила даже, что онъ выпивши, чего съ нимъ раньше не бывало. Проѣздки тоже стали рѣже и шли скучно — Семень былъ разсѣянъ и вялъ, лишь проѣзжая мимо господскаго двора, онъ фертомъ проносился мимо оконъ, и казалось кого-то ждалъ.

Кокъ то разъ, уже послѣ обѣда, Семень радостный влетѣлъ ко мнѣ въ денникъ и торопливо сталъ одѣвать на меня нарядную сбрую. Меня запрягли въ легкій шарабанъ и принарядившійся Семень подалъ къ господскому крыльцу.

Появилась та красивая дама въ сопровожденіи

мужа и цѣлой толпы гостей. Поддерживаемая подъруку рыжимъ молодымъ человѣкомъ, она спустилась внизъ. Покорная волѣ Семена, я застыла на мѣстѣ. Даму посадили, рыжій молодой человѣкъ, торопливо объжавъ меня, подскочилъ къ шарабану, чтобъ сѣсть и взять возжи.

Но всѣ запротестовали, а дама насмѣшливо заявила:— „Нѣтъ, Дмитрій Васильевичъ, я съ Вами не поѣду: лошадь строгая—одинъ Семень съ ней справляется—пусть править онъ, а потомъ я хочу попробовать эту лошадь для себя“.— „Конечно, конечно, Мара, пусть ѣдетъ Семень“, поддержалъ ее мужъ.

Молодой человѣкъ съ обиженнымъ видомъ отошелъ въ сторону и я приняла въ широкую рысь. Мелькнули строенія, застучалъ подъ ногами деревянный мостъ, а я все прибавляла ходу, потому что нетерпѣливыя руки Семена все посылали меня. Я шла уже полнымъ ходомъ, а барыня возбужденно просила:— „Семень, скорѣе, скорѣе“.

Не уменьшая рыси, влетѣли въ лѣсъ. Замелькали деревья. Дорога стала хуже — шарабанъ затрясло, Семень сталъ сдерживать и перевелъ меня на шагъ. Заговорили... Я слышала, что барыня съ восторгомъ отзывалась обо мнѣ, а Семень, расхваливая меня, усиленно просилъ отправить въ Москву на ипподромъ. Когда повернули назадъ, барыня взяла возжи. Я сразу почувствовала прикосновеніе чужихъ, мягкихъ, пожалуй робкихъ рукъ, хотя въ этомъ прикосновеніи все же угадывалась опытная наѣздница. Постепенно прибавляя ходъ, мы полной рысью вернулись домой. Хозяинъ и его гости высыпали намъ навстрѣчу, меня опять хвалили, осматривали, а раскраснѣвшаяся, оживленная княгиня, глядя мою потную шею, расточала похвалы по моему адресу. Я не чувствовала ногъ подъ собой...

Наконецъ, княгиня, ласково кивнувъ Семену головой, вошла въ домъ, за ней двинулись всѣ.

Кокетливая горничная вынесла Семену большой стаканъ водки и жеманно улыбаясь сказала:— „Поздравляю, Семень Тарасовичъ, господа хотятъ забрать Баядерку съ Вами въ Москву, гости всѣ соглашаются, одинъ рыжій чертъ хаеетъ лошадь.“

Семень выпилъ и, сказавъ, „покорнѣйше благодарю“, шагомъ тронулъ меня къ конюшнѣ. Дорогой насъ догналъ запыхавшійся казачекъ и позвалъ Семена къ барину.

Меня уже успѣли распречь, выводить и поставить въ конюшню, когда веселый Семень прибѣжалъ обратно.

Оттолкнувъ возившагося около меня конюха, онъ сталъ особенно старательно убирать меня.

На слѣдующій день я, въ присутствіи многочисленныхъ гостей, легко побила „Лебеда“, стараго призового рысака. Когда состязаніе было окончено, самъ баринъ съ секундомѣромъ въ рукахъ подошелъ къ Семену и съ довольнымъ видомъ сказала: „Ну ловко, Семень, — безъ сорокъ — сразу бросила Лебеда, собирайся съ Баядеркой въ Москву“. Что же касается княгини, то она выражала такой шумный восторгъ, такую массу вниманія, послѣднее больше по адресу Семена, что рыжій молодой человекъ блѣднѣлъ отъ злости и что-то сердито шепталъ княгинѣ.

Итакъ, мы пѣпали въ Москву. Признаюсь тебѣ, что послѣ деревенской глуши шумныя улицы города, полныя суевающейся толпы, автомобили, трамваи, все это ошеломило меня и я съ удовольствіемъ, пройдя весь городъ, вступила въ удобную конюшню близъ ипподрома. Тутъ же при конюшнѣ помѣстился Семень.

Послѣ двухдневнаго отдыха для меня началась страдная пора. Ежедневно съ ранняго утра работа на ипподромѣ. Рѣзвая проѣздки въ одиночку и съ поддужнымъ.

Какіе то люди, оживленные, спорящіе осматривали меня съ головы до ногъ. Отдыхъ и полный покой въ просторной конюшнѣ. Отборный вкусный кормъ.

Раза два въ конюшнѣ насъ навѣстилъ хозяинъ часто бывавшій на утренней работѣ на ипподромѣ, княгини не было совсѣмъ. Какъ я поняла изъ разговора, — она лѣчилась на курортѣ, но должна была пріѣхать къ разгару сезона.

Время шло. я съ большимъ нетерпѣніемъ ждала своего публичнаго выступленія. Бѣга давно начались, но меня все не записывали, видимо я не была готова.

Наконецъ дождалась. Въ одно изъ воскресеній Семень съ подручнымъ повели меня на кругъ. Я не узнала обычно пустыннаго по утрамъ ипподрома, — теперь онъ принялъ праздничный, торжественный видъ. Моторы, экипажи и пѣшеходы непрерывной лентой тянулись туда.

Насъ встрѣтилъ озабоченный Акимъ Петровичъ.

Когда позднѣе мы выѣхали на кругъ, трибуны были полны нарядной публикой. Мимо насъ пронеслись полные огня кровные рысаки. Тронула и я, сознавая что толпа въ этотъ моментъ критикуетъ каждую линію моего мускулистаго тѣла, каждый махъ моего движенія.

Насъ собралось пять или шесть лошадей и осмотрѣвъ своихъ соперниковъ я пришла въ ужасъ: все это были рослыя лошади, отлично тренированныя, въ каждой жилкѣ коихъ была видна благородная кровь. Особенно бросился мнѣ въ глаза сильный машистый, шестивершковый вороной жеребецъ; мнѣ почему то показалось, что именно онъ будетъ моимъ соперникомъ.

Мы долго возились на стартѣ, горячія лошади не хотѣли равняться, то уносились впередъ, то оставались на мѣстѣ.

Я вся дрожала — вѣдь это былъ мой первый дебютъ. Семень тоже волновался... Что-то громко кричалъ господинъ, стоявшій съ флагомъ. Ударилъ колоколъ и мы пошли... Я увидѣла, какъ вороной жеребецъ, часто и далеко бросая ногами, сразу выдвинулся впередъ, почти вровень съ нимъ съ поднятой головой шла сѣрая кобыла.

Въ первый моментъ меня затерли; руки Семена, пріобрѣвшія какую-то спокойную увѣренность, ставили меня на ровную машистую рысь.

Въ поворотѣ сѣрая лошадь заскакала, я почти поравнялась съ ней, но это былъ всего моментъ: наѣздникъ рѣзкимъ движеніемъ возжей, ловко, подъ выброшенную ногу поставилъ ее на рысь. Сбоку, сзади меня показалась чья то гнѣдая морда. Насъ сильно отжимали къ бровкѣ, Семень еле чувствительнымъ движеніемъ выслалъ меня впередъ. Я стала перекладываться къ впереди идущимъ, тѣ прибавили ходу, я

тоже. Сѣрая кобыла стала отпадать отъ вороного жеребца, напрасно ея наѣздникъ подбадривалъ ее окрикомъ. Передъ поворотомъ мы шли съ нею голова въ голову. Вороной все таки былъ значительно впереди. Мнѣ безумно хотѣлось догнать его и я чувствовала, что могу это сдѣлать, но Семень меня не пускалъ.

Въ поворотѣ сѣрая кобыла отпала, у меня остался одинъ сильный конкурентъ, который шелъ свѣжо по прежнему. Я тоже сохранила достаточно силы и только ждала посылы Семена, чтобы вступить съ нимъ въ борьбу.

Прошли поворотъ и я сразу почувствовала посылъ Семена. Наконецъ-то я получила свободу и сразу приблизилась къ вороному.

Вся энергія моя сосредоточилась на этомъ бѣгѣ, я шла изо-всѣхъ силъ, но Семень все требовалъ, все посылалъ меня... Вотъ я поравнялась съ фигурой наѣздника вороного, котораго онъ посылалъ хлыстомъ; прошла почернѣвшій отъ пота крупъ... уже голова моя равняется съ шеей вороного, а Семень все посылаетъ меня... Ипподромъ гудитъ, слышны громкіе крики: „Баядерка! Баядерка!“ Мы боремся въ сильномъ посылѣ... я напрягла всѣ свои силы и обошла вороного!

Трибуны неистовствовали, повторяя мое имя. Насъ моментально окружили, поздравляли. Меня распрягли, а Семень пошелъ къ вѣсамъ.

Въ этотъ моментъ я увидѣла нашу княгиню, которая въ сопровожденіи нѣсколькихъ человекъ спѣшила ко мнѣ. Я искренно ей обрадовалась. Княгиня—цвѣтущая, благоухающая тонкими духами, начала меня гладить. Подошедшій потомъ князь горячо благодарилъ Семена и тренера Акима Петровича.

Съ этого дня началась моя новая жизнь — это время было зенитомъ моего счастья, моей славы. Улыбнулось счастье и Семену. Послѣдующія выступленія были еще болѣе удачны, — я легко побивала своихъ соперниковъ и уже на работѣ мнѣ удѣляли гораздо больше вниманія.

Княгиня почти каждый день присутствовала на моихъ проѣздахъ. Семень сталъ героемъ дня и видимо пользовался все большимъ и большимъ расположеніемъ княгини. Спустя нѣкоторое время послѣ

нашего перваго выигрыша, послѣ объѣда, когда Семень собирался куда-то уходить, въ конюшню вошла возбужденная, раскраснѣвшаяся княгиня. Разговаривая съ Семеномъ, княгиня по обыкновенію кормила меня сахаромъ. Произошла маленькая пауза... Я не знаю, что почувствовалъ Семень, прочелъ ли онъ въ глазахъ согласіе или призывъ, но вдругъ онъ обнялъ ее и сталъ покрывать поцѣлуями ея зопрокинувшуюся голову. Потомъ поднявъ на руки, онъ унесъ прильнувшую къ нему княгиню къ себѣ въ дежурную.

Послѣ этого случая Семена какъ будто подмѣнили. То онъ ходилъ разсѣянный, невнимательный, даже ко мнѣ, то поручивъ меня Мишкѣ, куда то торопливо исчезалъ и часто возвращался оживленный, счастливый; гладилъ и ласкалъ меня и отъ него пахло ея духами.

Въ тѣ дни когда княгиня не бывала на ипподромѣ или она не подходила къ намъ, онъ начиналъ злиться, нервничать и вымещалъ свою злобу на мнѣ. Я терпѣливо переносила не заслуженные цуки и удары хлыста.

Мнѣ пришлось быть невольной свидѣтельницей еще одной интересной сцены:

Какъ то разъ, когда Семена не было въ конюшнѣ, вошла княгиня. Замѣтно было, что она чѣмъ-то сильно взволнована и разсержена. Мишка былъ сейчасъ же зачѣмъ-то усланъ, а княгиня стала ждать возвращенія Семена. Послышались шаги... Княгиня насто-рожилась. Но она ошиблась: блѣдный съ перекошеннымъ лицомъ и закушенными губами вошелъ рыжій молодой человѣкъ. Княгиня выпрямилась и гнѣвно повернулась къ нему. Онъ сталъ въ чемъ-то укорять молодую женщину, та бѣшенно оппонировала и зло-радно смѣялась. Выведенный изъ себя молодой чело-вѣкъ грубо схватилъ женщину за руку, но въ ту же минуту два удара хлыстомъ охладили его пылъ. Кня-гиня, вырвавшись, выбѣжала изъ конюшни. Молодой человѣкъ, держа рукой покраснѣвшую щеку, злобно прокричалъ вслѣдъ: — „Я покажу тебѣ, любовница кон-юха, — я все знаю!“

Скоро пришелъ Семень и узнавъ отъ вернуша

гося Мишки, что у насъ была княгиня, быстро одѣлся и исчезъ.

Шли часы. Наступила ночь, а его все не было. Наконецъ поздно, поздно явился Семень. Подойдя ко мнѣ шатающимися шагами, (мнѣ показалось, что онъ былъ пьянъ) Семень обхватилъ мою шею руками и зарыдалъ. Я старалась, какъ могла, его утѣшить, терлась головой, лизала ему лицо и руки, но все напрасно.

Семень загрустилъ, сталъ пить и манкировать своими обязанностями. Не везло намъ и на бѣгахъ, проиграли нѣсколько разъ, звѣзда наша закатилась. Семень злился, нервничалъ и жестоко обращался со мной, какъ будто на мнѣ хотѣлъ выместить свои неудачи.

Ни князь, ни княгиня больше не показывались, говорили, что они спѣшно уѣхали за границу.

Выѣхавъ какъ-то утромъ на рѣзвую проѣздку въ сильно нетрезвомъ видѣ, Семень рѣзко повернулъ меня, я сдѣлала неловкое движеніе, почувствовала мучительную боль въ плечѣ, захромала и стала полукалѣкой.

Семена со скандаломъ прогнали.

Прощаясь со мной, онъ плакалъ надъ своей загубленной молодостью, надъ конченной для насъ бѣговой карьерой.

Я перенесла мучительный періодъ леченія и выступивъ съ другимъ наѣздникомъ, придя съ усиленіемъ въ сравнительно слабой компаніи только третьей, опять захромала. Такъ повторялось нѣсколько разъ и наконецъ рѣшили, что для бѣговъ я не гожусь. Меня продали лихачу-извозчику.

Представь себѣ, какъ я была рада когда кучеромъ у меня оказался Семень, служившій у содержателя биржи.

Я не буду рассказывать тебѣ про безконечныя стоянія зимой на морозѣ въ ожиданіи ѣздоковъ, ни про бѣшенную гонку въ угоду пьянымъ и влюбленнымъ парочкамъ, все это хорошо извѣстно, я расскажу только про нашу послѣднюю встрѣчу съ княгиней, послѣ которой злой рокъ окончательно разъединилъ насъ всѣхъ, а меня сдѣлалъ старой, разбитой извозчицей клячей.

Ну, слушай печальное окончаніе моей жизненной карьеры.

Однажды позднимъ осеннимъ вечеромъ мы съ Семеномъ стояли у подъѣзда „Эрмитажа“. Было холодно, грязно. Семень неоднократно прикладывался къ бутылкѣ, которую запасливо пряталъ въ ящикъ козелъ. Ярко горѣли фонари ресторана, а непрерывно створяющіяся двери впускали нарядно одѣтыхъ дамъ и мужчинъ. Изъ ресторана слышна была музыка, а черезъ вспотѣвшія зеркальныя окна видны снующіе лакеи во фракахъ. Къ боковому подъѣзду, съ освѣщенной надписью—„ходъ въ отдѣльные кабинеты“—въ автомобиляхъ и на лихачахъ подкатывали парочки. Дамы торопливо проходили въ подъѣздъ, а кавалеры, на ходу расплачиваясь, смѣшили за ними, Семень сидя на козлахъ, болталъ съ какимъ то другимъ лихачемъ. Продрогшія пріятели только что допили бутылку водки, бывшую у Семена, какъ дверь распахнулась и выпустила новую пару. Она куталась въ мѣховое манто, прятала лицо въ воротникъ и нѣжно прижималась къ своему спутнику, высокому блондину, одѣтому въ великолѣпную шубу съ бобрами и такую же шапку. По ихъ нѣжной позѣ, оживленнымъ лицамъ и веселому разговору видно было, что они только что пережили сладкій моментъ желанной близости.

„Она!“—подумала я. „Она“—какъ будто подтвердили дрогнувшія руки Семена. Женщина тоже узнала насъ и на мгновеніе пріостановилась. Затѣмъ что то шепнула своему кавалеру, онъ быстро, быстро повлекъ ее къ впереди стоявшему лихачу.

Семень бросивъ возжи, соскочилъ на панель. Парочка уже усаживалась въ коляску. Семень шатаясь и путаясь въ длиннополомъ кучерскомъ кафтанѣ, рынулся за ними.

—Ваше сіятельство! Барыня! Марія Николаевна! Это я — Семень. Неужели не узнали? И „Баядерка“ здѣсь у меня въ пролеткѣ,—кричалъ онъ, хватаясь за фордекъ коляски. Дама испуганно прижалась къ своему кавалеру.—„Ты пьянъ, каналья!“ успѣлъ сказать мужчина, какъ застоявшійся рысакъ съ мѣста тронулъ полной рысью.

Семень, повернулся, прыгнулъ въ коляску и

яростно крича:—Ахъ такъ, теперь и знать меня не хочешь! — началъ нахлестывать меня возжами. Я взяла въ карьеръ. Сбоку къ намъ бросились какіе то люди, тревожно засвистѣли полицейскіе свистки... Чья то лошадь шарахнулась въ сторону. Мы понеслись. Прохожіе пугливо сторонились. Кто то кричалъ:—Держи, держи!—А мы все неслись, настигая чернѣвшій вдаль экипажъ. Было видно, что мужчина, иногда обращаясь къ намъ, гналъ рукой кучера. Мы пролетѣли бульваръ, свернули въ сторону и уже минули нѣскольکو кварталовъ, разстояніе уменьшалось. Я чувствовала, что эта скачка кончится катастрофой, такъ и случилось.

На одномъ изъ поворотовъ сильный свѣтъ быстро идущаго автомобиля ослѣпилъ меня, я слышала тревожные гудки, чьи то крики. Семень рѣзкимъ движеніемъ почти посадилъ назадъ, Но было уже поздно. Раздался трескъ, звонъ разбитыхъ стеколъ, — я почувствовала безумную боль въ боку и заднихъ ногахъ. Въ глазахъ помутилось и я рухнула на мостовую. Что то липкое теплое залило мнѣ ротъ и глаза. Я потеряла сознание.

Когда я пришла въ себя, Семена уже не было. Кругомъ толпились любопытные, суетились полицейскіе, валялись обломки экипажа. Я ясно помню большую лужу крови и обрывки кафтана на мостовой.

Какій то полицейскій взялъ меня подъ уздцы и я покорно, хромая на всѣ четыре, поплелась за нимъ.

Меня вернули хозяину. Семена я больше не видѣла. Онъ умеръ въ больницѣ черезъ нѣсколько дней отъ перелома реберъ и черепа.

Я долго провалялась въ конюшнѣ и потомъ была продана барышнику, который лечилъ меня какими то цыганскими средствами, Я кое какъ поправилась, но осталась калѣкой — больной клячей... Ну, кажется все, пора, Пѣгашка, и спать — вѣдь завтра опять на работу...

Надя.

Шель 1918 годъ.

Поѣздъ, сверхъ всякой нормы набитый разнуданной и расхлябанной солдатней, двигался безъ всякаго расписанія.

Товарищи — солдаты сами распорядились движеніемъ, такъ какъ въ конецъ задержанные и запуганные желѣзнодорожники попрятались гдѣ кто могъ, а графикъ движенія замѣнили два короткихъ слова: „Крути, Гаврила!“

Впрочемъ, въ этотъ кошмарный періодъ начала власти большевиковъ и ликвидаціи фронта, казалось, что люди сошли съ ума, перевернули всѣ привычные устои жизни, и Россія стала похожа на громадный домъ сумасшедшихъ — буйно-помѣшанныхъ.

Безчинствовали на станціяхъ самодемобилизовавшіеся солдаты и, внося еще большій хаосъ въ движеніе, сѣя терроръ и насилія, носились по желѣзнымъ дорогамъ большевистскіе комиссары съ охраной изъ „красы и гордости революціи“ — матросни.

— — — — —

— — — — —

Моложавый, лѣтъ подъ сорокъ кавалерійскій полковникъ Муратовъ, пробиравшійся подъ видомъ демобилизованнаго на Дальній Востокъ, гдѣ въ то время формировались въ Манчжуріи анти-большевистскіе отряды, уже двѣнадцать дней ѣхалъ въ грязномъ заплеванномъ вагонѣ съ разбитыми окнами, до отказа набитомъ солдатами. Хотя собственно опредѣленіе „ѣхалъ“ не вполне подходило къ характеру этого передвиженія, потому что въ отдѣленіи IV класса, рассчитанномъ на 10 пассажировъ, ихъ находилось до 30!

Сидящими прямо на полу людьми были набиты и проходы между лавками и корридоръ, а кромѣ того, не только верхнія полки, но даже сѣтки для багажа сѣрѣли грязными, вшивыми фигурами доблестныхъ противниковъ „аннексіевъ“ и „контрибуціевъ“... Двѣнадцать дней въ вони и грязи, почти безъ пищи и сна терпѣлъ Муратовъ, и на одной изъ деповскихъ станцій, уже ближе къ Уралу, рискуя быть признанымъ большевистскими комиссарами, вылавливающими офицеровъ, онъ кое-какъ выбрался на перронъ.

Правда, трудно было узнать въ грязномъ, обросшемъ щетиною, истомленномъ дорогою „товарищѣ“ когда то блестящаго офицера, но говорятъ, что „попа и въ рогожѣ узнаешь“. Такъ случилось и въ этотъ разъ.

Не успѣлъ Муратовъ расчитаться съ бойкою торговкою, у которой онъ купилъ черствую буханку бѣлаго хлѣба (бѣлаго хлѣба онъ уже давно не ѣлъ), какъ около него очутилась какая то мрачная фигура къ кепкѣ, съ маузеромъ на поясѣ, одѣтая во все кожанное, а затѣмъ раздалось традиціонное: — „Вашъ документъ, товарищъ!“

Муратову бросилась въ глаза красная повязка на рукавѣ его остановившаго, да кромѣ того нѣсколько вооруженныхъ солдатъ въ куцыхъ, но относительно чистыхъ шинеляхъ, съ винтовками въ рукахъ и на ремнѣ ясно показывали, что вопрошающій былъ лицомъ власть имущимъ.

Дѣлать было нечего — Муратову пришлось подчиниться.

Спокойнымъ, нарочно замедленнымъ движеніемъ извлекъ онъ помятую бумажку, въ которой, на бланкѣ дивизионнаго комитета ** кавалерійской дивизіи за печатью значилось, что „предъявитель сего, товарищъ Николай Болдтъ, служившій наѣздникомъ въ Н-скомъ конномъ полку, уволенъ по демобилизаціи въ безсрочный отпускъ и слѣдуетъ въ г. Читу и дальше, для опредѣленія по своей трудовой цирковой спеціальности на должность артиста на лошади“.

Правда, документъ былъ сфабрикованъ, всего за 100 рублей, его же бывшимъ полковымъ писаремъ, затѣмъ сдѣлавшимся дивизионнымъ комиссаромъ и

вершителемъ судьбы офицеровъ своей дивизіи,—причемъ честь изобрѣтенія такой редакціи принадлежала также ему.

Говорившій по нѣмецки Муратовъ охотно согласился на время задѣлаться русскимъ нѣмцемъ, а выборъ цирковой профессіи, ближе всего подходившей къ кавалерійскому дѣлу и лошади, — его тоже устраивалъ... Но на окожевенную личность особаго впечатлѣнія бумажка не произвела.

Онъ подозрительно, съ головы до ногъ осмотрѣлъ Муратова, почему то задержался взглядомъ на его рукахъ (а онѣ были у Муратова прегрязныя!) и, наконецъ, коротко бросилъ: „къ комиссару“!

Привычные къ такимъ дѣламъ конвойные быстро окружили и обыскали задержаннаго. Напрасно Муратовъ пытался заявить, что въ поѣздѣ у него вещи, и что поѣздъ можетъ уйти безъ него, — кепка только махнула рукою.

Два конвойныхъ отдѣлились отъ группы и, довольно безцеремонно толкнувъ Муратова, повели его къ двухъэтажному зданію вокзала.

Здѣсь, съ трудомъ пробившись черезъ сидѣвшихъ и лежавшихъ прямо на полу корридора солдатъ, аппатично наблюдавшихъ ихъ шествіе, они провели Муратова темнымъ закоулкомъ вглубь зданія, поднялись вверхъ по лѣстницѣ и остановились на площадкѣ передъ запертою дверью.

На бѣломъ листкѣ бумаги, кнопками прикрѣпленномъ къ двери, химическимъ карандашемъ было написано „Комиссаръ“ Словно чувствуя свою миссію законченной, оба конвоира достали табакъ и стали накручивать изъ газетной бумаги цыгарки.

Муратовъ поспѣшилъ предложить имъ свои папиросы.

Какъ будто доля участія промелькнула въ тупыхъ лицахъ солдатъ, когда они закорузлыми, грязными пальцами полѣзли къ нему въ портсигаръ.

Ледъ былъ сломленъ и у тоже закурившаго Муратова завязался со своими церберами разговоръ.

Благодушествуя за папиросами (Муратовъ повторилъ угощеніе), они подивились, что онъ „циркачъ“, спросили про заработокъ при этой работѣ, поинте-

ресовались, можетъ ли онъ показывать фокусы; а одинъ изъ нихъ, болѣе пожилой, сочувственно сказалъ:—„и чего ради задерживать пролетарскаго чело-
вѣка? Бдетъ себѣ товарищъ къ должности, а его къ отвѣту — можетъ ты буржуй, али изъ афицерай?“...

Изъ ихъ же разговора арестованный узналъ, „что комиссаръ еще ничего себѣ, а вотъ „евонная секлетарша“ хотъ баба, а звѣрь: такъ и норовить, чтобы прицѣпиться.

Уже сколько этихъ самыхъ „буржуевъ“ поотправляла въ тюрьму и къ „Духонину“...

...Только спустя полчаса появился арестовавший Муратова типъ и скрылся за дверью. Вслѣдъ за нимъ подъ конвоемъ привели еще нѣсколько чело-
вѣкъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, хотя и одѣтыхъ под-
черкнуто поды „товарищей“, даже не искушенный въ этихъ дѣлахъ Муратовъ сразу призналъ бывшихъ офицеровъ...

Наконецъ, послѣ долгаго, томительнаго ожиданія дверь полуоткрылась и чей то голосъ громко про-
изнесъ: „товарищъ Болдтъ — на допросъ!“...

Когда Муратовъ открылъ дверь и шагнулъ въ просторную комнату, почему то первое, что ему бро-
силось въ глаза, это копна стриженныхъ, темно-рыже-
ватаго оттѣнка женскихъ волосъ, склонившаяся надъ столомъ и внимательно разсматривавшая его доку-
ментъ.

Успѣлъ разсмотрѣть Муратовъ, что женщина эта одѣта въ щегольскую, распахнутую желтую куртку та-
кого фасона, какія обычно носили во время войны сестры милосердія, и что ярко-красный цвѣтъ, надѣтой поды нею блузки, выгодно оттѣняетъ бѣлую, красиваго изгиба, шею.

Рядомъ, на стулѣ съ высокою спинкою, видимо реквизированномъ изъ станціоннаго буфета, со скуча-
ющимъ видомъ воссѣдалъ молодой, смахивающій на армянина, черный какъ жукъ комиссаръ, въ защит-
номъ фрэнчѣ, а направо у двери, которая вела въ другую комнату, сидѣли на подоконникѣ окна два воору-
женныхъ револьверами матроса...

Муратовъ подошелъ къ столу.

Читавшая его бумажку женщина подняла голову и онъ увидѣлъ довольно красивое, сильно подкрашенное, молодое лицо съ большими жуткими глазами, — глазами наркоманки, какъ почему то рѣшилъ Муратовъ.

И сразу ему показалось, что онъ гдѣ то видѣлъ такіе же глаза, съ точно вырисованными кистью художника темными рѣсницами, и въ его памяти встали чьи то длинные, волнистые, цвѣта старой бронзы волосы, похожіе на эти.

Но гдѣ и когда — припомнить не могъ.

Нѣсколько секундъ женщина и Муратовъ смотрѣли другъ на друга, и получилось впечатлѣніе, что они гдѣ то раньше уже встрѣчались и теперь оба стараются припомнить это забытое прошлое...

Комиссаръ, какъ бы испрашивая ея согласіе начать опросъ, вопросительно посмотрѣлъ на свою сосѣдку.

Она молча кивнула головой.

Допросъ начался. И давая на него заранее продуманные отвѣты, конечно, далеко расходившіеся съ дѣйствительностью, Муратовъ вскользь наблюдалъ за секретаршей.

Но та молчала и внимательно разглядывала допрашиваемаго.

Только, когда Муратовъ заявилъ, что работалъ до войны въ разныхъ циркахъ и странствовалъ съ ними по многимъ городамъ, женщина заинтересовалась, не былъ ли онъ съ циркомъ въ городѣ N-скѣ?

Этотъ вопросъ, заставившій его врасплохъ, заставилъ похолодѣть Муратова.

Дѣло въ томъ, что за нѣсколько лѣтъ до войны, Уланскій полкъ, въ которомъ раньше, молодымъ офицеромъ служилъ Муратовъ, какъ разъ стоялъ одно время въ N-скѣ.

И страшно было еще то, что голось, произнесшій эти слова, показался Муратову тоже знакомымъ.

Но онъ быстро взялъ себя въ руки, и ничего не значущимъ тономъ заявилъ, что да, конечно, одинъ зимній сезонъ, когда тамъ были борцы, онъ былъ въ N-скѣ и выступалъ въ групповыхъ конныхъ номерахъ и пантомимахъ. Что высшую школу верховой ѣзды

въ этомъ циркѣ Никитина „работаль“ тогда французъ М-съ Micho (Мишо), лошадей котораго онъ тоже ѣздилъ.

Женщина усмѣхнулась, еще разъ пристально посмотрѣла на Муратова, какъ будто желая еще лучше въ чемъ то убѣдиться, и, не обращая вниманія на дальнѣйшія разглагольствованія Муратова про цирковую труппу (а онъ то зналъ всѣхъ артистовъ слишкомъ хорошо), въ упоръ озадачила его новымъ вопросомъ:—„А не помните ли Вы, товарищъ Болдтъ, не стояли ли тогда въ Пскѣ уланы?“

...Много усилій стоило Муратову отвѣтить небрежно, что да, какъ будто въ городѣ онъ видѣлъ не то казаксъ, не то кавалеристовъ, но что тогда онъ въ этомъ мало разбирался...

Вопрошавшая, видимо, удовлетворилась этимъ отвѣтомъ.

Въ это время комиссаръ, подписывавшій какую то, принесенную матросомъ, бумагу, прервалъ допросъ, и успокоившійся Муратовъ могъ теперь на сборѣ ее рассмотреть.

— „Положительно интересная женщина“, — подумалъ про себя Муратовъ и опять назойливая мысль, что женщина, распоряжающаяся теперь его судьбою, а можетъ быть и жизнью, была ему знакома и даже, пожалуй, близка — полѣзла ему въ голову...

Допросъ продолжался, но къ большому удовольствію Муратова, его производилъ уже комиссаръ одинъ: женщина осталась стоять у окна.

Казалось, что она перестала обращать вниманіе на допрашиваемаго и была занята своими думами...

Вопросы комиссара не были страшны для Муратова.

Какъ ни старался тотъ дознаться, не изъ сверхсрочныхъ ли онъ наѣздниковъ, или, можетъ быть, офицеръ военнаго временни, допрашиваемый стоялъ на своемъ.

Удовлетворенный его отвѣтами комиссаръ, значительно уже болѣе мягкимъ тономъ спросилъ его, почему бы ему не поступить по этой спеціальности въ красную гвардію?

На что Муратовъ опять заученно отвѣтилъ, что

онъ воевалъ больше 2-хъ лѣтъ, дважды раненъ и что его, какъ артиста, снова тянетъ на арену цирка, въ обстановку, къ которой онъ привыкъ.

И вотъ, когда комиссаръ, видимо нашедшій объясненія Муратова правдоподобными, объявилъ ему, что онъ свободенъ и можетъ, получивъ пропускъ, ѣхать дальше, когда уже буйная радость освобожденія стала наполнять все существо задержаннаго, вдругъ въ комнатѣ рѣзко, иронически прозвучалъ голосъ женщины:

— „Ротмистръ Н-скаго уланскаго полка Николай Муратовъ, скажите намъ при разставаніи — имя Надежды Анфицеровой Вамъ тоже ничего не говорить?“

Вздрогнувъ и поблѣднѣлъ какъ смерть, услышавъ свою настоящую фамилію Муратовъ и сразу память его, откуда то издалека, изъ давно прошедшаго, отдѣльными эпизодами воскресила картины забытаго имъ романическаго приключенія, въ которомъ эта молодая, стройная женщина, теперь его предавшая, сыграла главную роль.

А то, о чемъ она ему напомнила, и что было связано съ именемъ Надежды Анфицеровой, случилось съ Муратовымъ лѣтъ десять тому назадъ, когда его уланскій полкъ стоялъ въ Н-скѣ — — — — —

Въ одинъ изъ октябрьскихъ дней, позднею осенью 19 . . . года полкъ возвращался съ ученья. Подъ рѣзкіе звуки кавалерійскаго марша, эскадроны уланъ, на рыжихъ, бурыхъ и гнѣдыхъ лошадяхъ, тянулись по узкимъ улицамъ Н-скаго пригорода въ свои казармы.

Штабсъ-Ротмистръ Муратовъ на кровномъ горячемъ конѣ ѣхалъ среди офицеровъ 3-го эскадрона.

А сзади веселою, громкою пѣсней разливался хоръ пѣсенниковъ, звенѣлъ, колыхаясь яркими лентами бунчукъ, гремѣлъ бубенъ и непрерывною рѣкою вливались въ улицу стройные ряды молодцеватыхъ всадниковъ въ лихо надвинутыхъ на бекрень синихъ съ цвѣтными околышами безкозыркахъ.

И на фонѣ этихъ однообразно одѣтыхъ въ сѣрая шинели солдатъ, нарядныхъ подбористыхъ лошадей и блеска кавалерійскаго строя, какимъ то стран-

нымъ диссонансомъ казалась худая, задерганная, въ трепанной пролеткѣ, лошаденка, заболтавшася въ уланскихъ рядахъ извозчика.

Въ пролеткѣ сидѣли: полный, интеллигентнаго вида пожилой господинъ въ пенснэ и хорошенькая барышня.

Насколько мужчина явно былъ недоволенъ происшедшею задержкою, настолько его молоденькая спутница, казалось, была рада случайному приключенію. Ея лицо, съ выбившимися изъ подъ шапочки прядями волосъ, весело улыбалось и она съ интересомъ разглядывала двигавшихся рядомъ кавалеристовъ.

Но окончательно застрялъ бѣдный Ванька какъ разъ на перекресткѣ улицъ, гдѣ уланы, преградивъ ему дорогу, поварачивали къ своимъ казармамъ.

Замѣтивъ такое затруднительное положеніе, Муратовъ далъ шпоры коню, проѣхалъ впередъ и, оставивъ хвостъ впереди идущаго эскадрона, пропустилъ экипажъ.

За это онъ былъ награжденъ благодарнымъ взглядомъ барышни и невольно задержался, смотря имъ вслѣдъ.

Успѣлъ Муратовъ замѣтить, что извозчикъ подъѣхалъ къ одноэтажному домику въ концѣ переулка.

А на слѣдующій день, направляясь утромъ верхомъ на занятія, онъ видѣлъ, что эта барышня шла съ портфелемъ въ рукахъ, вѣроятно на службу.

И съ тѣхъ поръ всегда, поворачивая въ переулокъ, въ концѣ котораго сѣрѣлъ маленькій одноэтажный домикъ, нарядный, свѣтло-гнѣдой англо-арабъ начиналъ плясать и горячиться подъ своимъ всадникомъ — молодымъ уланскимъ офицеромъ.

Возможно, что въ этомъ былъ виноватъ невольно горячившій его Муратовъ, который рассчитывалъ встрѣтить, какъ встрѣчалъ почти каждый день, высокую, стройную барышню съ портфелемъ въ рукахъ — свой новый флиртъ, правда флиртъ на разстояніе.

Обычно эти встрѣчи происходили по утрамъ: къ 9 часамъ Муратовъ ѣхалъ, въ сопровожденіи вѣстового въ полкъ, а она выходила изъ воротъ, направляясь въ городъ, и позирующій передъ нею на горячемъ конѣ молодой офицеръ всегда былъ награждаемъ

улыбкою больших темно-карихъ глазъ, которымъ такую эффектною рамкою служили каштановые, цвѣта старой бронзы, волосы.

Эти немного лукавые глаза привѣтствовали Муратова какъ знакомаго, хотя знакомы они не были и онъ ее, кромѣ этихъ утреннихъ встрѣчъ, больше не видѣлъ.

Правда, вначалѣ пѣсколько разъ, возвращаясь вечеромъ изъ казармъ, Муратовъ нарочно сворачивалъ въ сторону и проходилъ мимо интересующаго его дома, но ничего выяснитъ не могъ. Обычно ставни были закрыты и за ними виднѣлся свѣтъ.

Во время своихъ наблюденій, онъ видѣлъ однажды, какъ къ дому подѣхалъ на извозчикѣ и вошелъ въ ворота господинъ, ѣхавшій тогда съ барышней, а другой разъ встрѣтилъ ихъ, выходящими изъ воротъ, вдвоемъ.

Попытокъ же завести уличное знакомство Муратовъ не предпринималъ: мѣшала чисто кастовая гордость: неизвѣстно, кто она и удобно ли кавалерійскому офицеру показываться съ нею на улицѣ?

Хотя дѣвица и манерами и скромнымъ, но со вкусомъ сшитымъ туалетомъ производила самое благоприятное впечатлѣніе, а во всемъ ея обликѣ былъ несомнѣнный шармъ.

Почему то никому изъ пріятелей Муратовъ ничего не говорилъ про эти встрѣчи, а единственнымъ свидѣтелемъ ихъ былъ разбитной, ловкій уланъ Брыжахинъ, вѣстовой штабсъ-ротмистра, сопровождавшій его на буромъ казенномъ „Кавалергардѣ“, неизмѣнно думавшій въ такихъ случаяхъ про своего барина: „задается конемъ командиръ передъ красивой дѣвченкой.“

Пожалуй, его выраженіе „задается“ наиболѣе подходило къ опредѣленію характера отношеній Муратова къ незнакомкѣ: „задаваться“ передъ нею по утрамъ стало привычной потребностью молодого офицера, что не мѣшало ему затѣмъ совершенно не интересоваться ею до слѣдующей встрѣчи.

Въ такомъ флиртѣ на разстояніе прошло около мѣсяца, но скоро этимъ встрѣчамъ предстояло совсѣмъ прекратиться, такъ какъ въ самомъ непродолжительномъ времени эскадронъ Муратова уходилъ изъ полка

въ отдѣлъ на стоянку въ другой губернской городъ, расположенный на рѣкѣ Волгѣ

Дня два вышло такъ, что Муратовъ, занятый сборами эскадрона къ переѣзду, не встрѣчалъ свою симпатію.

На третій день его ожидало въ полковой канцеляріи письмо, присланное по городской почтѣ. Изящный сѣро сиреневаго цвѣта конвертъ и стиль, которымъ оно было написано, указывало, что его писала несомнѣнно интеллигентная женщина.

Въ письмѣ штабсъ-ротмистръ приглашался быть въ эту субботу на маскарадъ въ Общественномъ собраніи; пвичемъ анонимная авторша писала, что она будетъ въ черномъ домино съ приколотой къ нему желтою розою, и подойдетъ къ нему сама.

Rendez-vous было назначено въ 10 часовъ.

Любившій вообще маскарады и охотно ихъ посѣщавшій Муратовъ, въ чаяніи новой интриги, рѣшилъ посѣтить этотъ балъ . . .

Въ субботу, часовъ въ 10 вечера, Муратовъ, зятянутый въ эффектный уланскій мундиръ, поднялся по широкой, каменной подъ мраморъ лѣстницѣ Общественнаго собранія и вошелъ въ залъ, гдѣ двигалась и шумѣла густая толпа маскированныхъ.

Не успѣлъ онъ осмотрѣться кругомъ, какъ уловилъ прятный запахъ „Coeur de Janette“ (модныхъ того времени духовъ), и одновременно съ этимъ кто то взялъ его подъ руку.

Инстинктивно Муратовъ обернулся.

Рядомъ съ нимъ, въ глухомъ черномъ домино, стояла изящная маска. Искусственная желтая роза рѣзко выдѣлялась на темномъ балахонѣ. Сквозь прорѣзи маски ему улыбались каріе плутоватыя глаза; тонкое кружево позволяло видѣть нѣсколько чувственный ротъ, и, какъ ни старалась женщина ихъ скрыть, — буйные каштановые волосы выбивались изъ подъ низко надвинутаго капюшона.

Конечно, офицеръ сразу узналъ, кто является авторомъ пригласительнаго письма.

Впрочемъ, Надежда Михайловна, или Надюша,

как она позволила Муратову себя называть, оказалась очень веселой собесѣдницей и молодые люди быстро подружались.

Выбравъ укромный уголокъ за пальмами, парочка сѣла ужинать...

Сперва Надюша протестовала противъ вина, но когда лакей подаль въ мельхиоровомъ ведрѣ искрометное „Клико“ и Муратовъ, наполнивъ золотистой влагой оба фужера, предложилъ чокнуться и выпить до дна за ихъ дружбу — она исполнила его желаніе..

А дальше пошло, какъ по писанному: часамъ къ 12-ти Надюша была оживлена, возбуждена виномъ и флиртъ шель crescendo.

Станнымъ только показалось Муратову желаніе его дамы уѣхать изъ собранія до того момента, когда всѣ маскированные будутъ обязаны снять маски.

Онъ зналъ, что ей нечего бояться очутиться безъ маски, такъ какъ она была для этого опасенія слишкомъ хорошенькой, — значить у нее была причина, какъ онъ рѣшилъ, сохранить передъ публикою свое инкогнито.

Но развеселившейся Надюшѣ, видимо, совсѣмъ не хотѣлось обрывать такъ пріятно проводимый вечеръ, а Муратовъ слылъ въ полку слишкомъ большимъ ловеласомъ, чтобы упустить такой подходящій случай и не использовать его въ своихъ цѣляхъ.

Поэтому за четверть часа до нежелательнаго момента снятія масокъ, всегдашній извозчикъ Муратова — лихачъ Андрюшка — мчалъ тѣсно-прижавшуюся другъ къ другу парочку въ „Архіерейскую Рошу“ на прогулку.

А на обратномъ пути, когда сѣрый въ яблокахъ, подъ голубою сѣткою рысакъ, бросая сани на ухабахъ, нырнулъ по главной улицѣ внизъ и поравнялся съ лучшимъ въ городѣ рестораномъ „Татарской Артели“, — Муратовъ предложилъ своей спутницѣ заѣхать на минуточку погрѣться и что-нибудь выпить съ мороза.

Какъ то само собою произошло, что они очутились въ отдѣльномъ кабинетѣ.

Не искушенную въ такихъ похожденияхъ дѣвушку, обстановка отдѣльнаго кабинета только забавляла.

Слегка озябшіе — пили горячій, душистый глинт-

вейнъ, ѣли почему то Гурьевскую кашу, а затѣмъ, забывъ про возвращеніе домой, перешли на кофе и ликеры.

И располагающая къ тому интимная обстановка ихняго tête á tête, сдѣлала то, что Надюша уже не протестовала противъ поцѣлуевъ своего кавалера, и смѣясь выпила съ нимъ на брудершафтъ...

Уже передъ разсвѣтомъ разбитной Андришка-лихачъ, хорошо знавшій всѣ проказы уланскихъ господъ, вихремъ пронесъ ихъ по сонному пригородному переулку и, съ хода осадивъ разгорячившагося жеребца, остановилъ сани у скромнаго домика, гдѣ жила Надюша.

Офицеръ съ барышнею вошли въ калитку воротъ...

Подождалъ парень съ полчаса и, дипломатично рѣшивъ не интриговать своимъ присутствіемъ у домика раннихъ прохожихъ, тихонько шажкомъ отѣхалъ на перекрестокъ.

Прошло еще добрыхъ полчаса и, когда первые лучи восходящаго солнца заиграли на крышахъ домовъ, ухмыльнулся, сказалъ вслухъ „здорово!“ и рысью тронулъ застоявшагося рысака въ городъ...

И съ этого началось.

Всѣ эти нѣсколько дней скромные обыватели городскаго пригорода „Солдатскіе Огороды“ слишкомъ часто видѣли сѣраго въ яблокахъ рысистаго жеребца, запряженнаго въ щегольскіе сани съ медвѣжею полостью. Лихачъ появлялся въ переулкѣ то одинъ безъ сѣдоковъ, то съ сидящимъ въ нихъ уланскимъ офицеромъ; но всегда потомъ, какъ увѣряли сосѣдки—сплетницы, увозилъ въ городъ до поздней ночи мѣстную обывательницу Надю Анфицерову, про которую злые языки говорили, что она живетъ съ женатымъ присяжнымъ повѣреннымъ Бермантомъ, у котораго служитъ секретаршей.

Впрочемъ, сплетухи были недалеки отъ истины: эти нѣсколько дней были для молодой парочки „медвою“ недѣлю ихъ связи.

Дѣло въ томъ, что дня за два до ихъ встрѣчи на маскарадѣ, Бермантъ повезъ свою заболѣвшую жену въ Москву къ профессору, и оставшейся въ одино-

чествѣ Надюшѣ никто не мѣшалъ проводить почти все время съ Муратовымъ, или у него.

Но и въ предположеніяхъ пригородныхъ кумушекъ, что дѣвушка близка своему патрону, — имѣлось много правды.

Интересная образованная барышня была дочерью бѣднаго, обремененнаго большою семьею учителя. И вѣря лукавымъ обѣщаніямъ моднаго либеральнаго адвоката, сулившаго ей въ будущемъ возможность продолжать свое образованіе на высшихъ курсахъ, сдѣлавшись его секретаршей, — скоро стала его любовницей.

А довольно скупой дѣлецъ, имѣвшій пожилую и очень ревнивую жену, вдобавокъ къ тому и пару ребятъ, сдумѣлъ устроить все шито и крыто.

Вовсе не торопясь исполнить свои обѣщанія, онъ, пока что поселилъ свою молодую симпатію въ скромную квартиру на окраинѣ города и нанялъ ей приходящую старуху — прислугу.

Такимъ образомъ, съ малыми расходами онъ, въ лицѣ своей безсеребренницы — секретарши соединялъ пріятное съ полезнымъ: имѣлъ уютный уголокъ, гдѣ могъ отдохнуть отъ надоѣвшей ему сварливой жены, а въ своемъ юридическомъ кабинетѣ за небольшое жалованье эксплуатировалъ трудъ преданнаго ему челоуѣка.

Все это Надюша чистосердечно рассказала Муратову, но его предложеніе помочь ей матеріально — категорически отклонила!

Въ теченіе короткаго времени ихъ связи, молоденькая женщина, отдавая Муратову свое первое, искреннее чувство, жадными глотками пила изъ кубка счастья и ни о чемъ больше не думала.

Незамѣтно пролетѣли эти нѣсколько дней интимныхъ встрѣчъ, веселыхъ ужиновъ tête à tête въ кабинетахъ и духъ захватывающихъ катаній лунною морозною ночью на быстро несущимся рысакѣ. А затѣмъ, послѣ прощальной пирушки въ холостой уланской компаніи, на которой присутствовала и Надя, эшелонъ увезъ эскадронъ Муратова въ другой городъ.

Разлука съ нею не особенно огорчила уѣхавшаго офицера. Для него этотъ кратковременный романъ

являлся обычнымъ эпизодомъ, прибавившимъ лишнюю женскую карточку къ коллекціи портретовъ его любовныхъ походовъ.

Что же касается оставшейся дѣвушки, то эта связь сыграла важную роль въ ея жизни: она затосковала, скоро бросила своего патрона (Бермантъ быстро нашель новую секретаршу на „тѣхъ же“ основаніяхъ) и, ища забвенія, — стала покучивать.

Сперва это были исключительно уланскіе офицеры, товарищи Муратова, а затѣмъ кругъ ея поклонниковъ значительно расширился.

Она переѣхала въ лучшую гостинницу, обзавелась дорогими туалетами и драгоценностями, но морально опустилась: пристрастилась къ вину, кокаину и... пошла по рукамъ.

И часто лихачъ-Андрюшка мчалъ послѣ кутежа въ „Архіерейскую Рошу“ одурманенную виномъ и наркотомъ Надюшу, въ компаніи какого-нибудь загулявашаго купчика.

Затѣмъ она, какъ то внезапно исчезла съ Н-скаго горизонта.

Какъ говорили потомъ въ городѣ, Надя влюбилась въ какого то студента.

А когда полицейскія власти, по подозрѣнію въ революціонной пропандѣ, выслали студента изъ предѣловъ губерніи — она уѣхала съ нимъ на Уралъ...

И вотъ спустя 10 лѣтъ, Его Величество Случай поставилъ Муратова лицомъ къ лицу съ, бывшей ему когда то близкой, женщиной.

И эта женщина его предала!..

Чекистка, товарищъ Надежда, ждала отвѣта...

Муратовъ молчалъ...

А въ комнатѣ, какъ передъ чѣмъ то роковымъ, неизбѣжнымъ, стояла жуткая, зловѣщая тишина.

Угрюмо насупился комиссаръ, понявшій, что его чуть чуть не одурачили.

Какъ хищники, готовые броситься на добычу, встали и насторожились матросы.

Изъ дверей сосѣдней комнаты выглядывали чекисты.

Всѣ эти нѣсколько паръ глазъ, въ которыхъ не было надежды на пощаду, злобно, вопросительно смотрѣли на Муратова...

И прочелъ ли въ ихъ взглядахъ, что онъ обреченъ, понялъ ли бесполезность скрывать дальше, кто онъ, или въ немъ заговорила гордость, не допустившая ложью унижаться передъ узнавшей его чекисткой, но только онъ рѣшилъ переступить ту роковую черту, за которой для него возможно даже стояла смерть.

Сдѣлавъ ей легкій поклонъ, какъ, наконецъ, узнанной знакомой, Муратовъ отвѣтилъ твердымъ тономъ:

— Я никогда, Надежда Михайловна, не могъ предполагать, что встрѣчу Надюшу Анфицерову въ роли чекистки! — Да, я полковникъ Муратовъ, Вы въ этомъ не ошиблись...

Его схватили...

Судьба открыла новую страшную страницу жизни Муратова.

И эта страница была короткой и... послѣдней!

Въ тотъ же вечеръ революціонный трибуналъ, по обвиненію въ контр-революціи и въ злостномъ обманѣ Совѣтской власти, приговорилъ его къ разстрѣлу.

А раннимъ утромъ слѣдующаго дня конвой привелъ Муратова въ выемку подъ желѣзно-дорожную насыпь запаснаго пути, на которомъ въ тупикѣ стоялъ составъ изъ нѣсколькихъ чистенькихъ, блестящихъ зеркальными окнами, экспрессныхъ вагоновъ.

Въ нихъ, подъ надеждной охраной часовыхъ — матросовъ, помѣщался персоналъ чрезвычайки.

Когда же приготовленія къ разстрѣлу были закончены, съ площадки вагона спустилась женщина.

Медленно, походкою сомнамбулы подошла она къ смертельно блѣдному, съ ужасомъ смотрѣвшему на нее Муратову.

Блеснулъ въ поднявшейся рукѣ стволъ браунинга, рѣзко, одинъ за другимъ, щелкнули два револьверныхъ выстрѣла, и сраженный наповаль Муратовъ свалился къ ногамъ своей бывшей любовницы!..

Конецъ.